

ОЛАФ

СТЭПЛДОН

СОЗДАТЕЛЬ

ЗВЕЗД

Мастера фантазии

Олаф Стэплдон
Создатель звезд

«Издательство АСТ»

1930, 1935, 1937

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Стэплдон О.

Создатель звезд / О. Стэплдон — «Издательство АСТ», 1930, 1935, 1937 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-139330-4

Олаф Стэплдон (1886–1950) – профессор психологии, философии и промышленной истории в Ливерпульском университете, писатель, творчество которого произвело неизгладимое впечатление на самых популярных мастеров НФ XX века. Станислав Лем, Артур Кларк, Брайан Олдисс неоднократно отзывались о романах Стэплдона с большой теплотой, считая его во многом своим учителем. В 1930 году Стэплдон пишет свой дебютный роман «Последние и первые люди: история близкого и далекого будущего», в котором действительно представлена самая масштабная в фантастике история будущего, охватывающая двухмиллиардолетнюю эволюцию разума на Земле и в Солнечной системе. История зарождения и развития человечества, многообразие форм живой и разумной материи, бесчисленные войны и катастрофы, формирующие все новые виды развития, выход людей будущего к Марсу, Венере, Нептуну и дальше – за пределы изученной вселенной... Предчувствие чего-то важного, великого, абсолютного, вечный поиск и вечная борьба с косностью – эта книга была настолько заряжена идеями, что последующим поколениям фантастов достался неисчерпаемый кладезь вдохновения...

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-139330-4

© Стэплдон О., 1930, 1935, 1937

© Издательство АСТ, 1930, 1935, 1937

Содержание

Последние и первые люди: история близлежащего и далекого будущего	7
Предисловие	7
Вступление	10
Историческая хроника	13
Глава I. Балканская Европа	13
Глава II. Падение Европы	25
Глава III. Америка и Китай	33
Глава IV. Американизированная планета	45
Глава V. Падение Первых Людей	60
Глава VI. Переходный период	75
Глава VII. Возвышение Вторых Людей	82
Глава VIII. Марсиане	95
Глава IX. Земля и Марс	106
Глава X. Третьи Люди в диком мире	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Олаф Стэплдон

Создатель звезд

OLAF STAPLEDON
Star Maker

© Перевод. О. Колесников, 2021

© Перевод. А. Миронова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Последние и первые люди: история близлежащего и далекого будущего

Предисловие

Это произведение относится к разряду вымысла. Я попытался сочинить историю, которая может показаться вполне возможным или, по крайней мере, не абсолютно невозможным рассказом о будущем человека; и я попытался сделать этот рассказ достаточно актуальным по отношению к тем переменам, что имеют сегодня место в человеческом мировоззрении.

Стремление приукрасить будущее может показаться уступкой ради спасения прекрасного. Однако управляемое воображение в этой области может оказаться весьма полезным упражнением для умов, озадаченных настоящим и его потенциальными возможностями. Сегодня нам следует приветствовать и даже изучать каждую серьезную попытку предвидения будущего рода человеческого – не только для того, чтобы ухватить самые разнообразные и зачастую трагические перспективы, с которыми нам предстоит столкнуться, но также и потому, что мы сами можем ознакомиться с несомненным фактом, что многие из столь дорогих нашему сердцу идеалов должны показаться легкомысленными и незрелыми для более развитого сознания. Идеализация далекого будущего к тому же является попыткой представить человеческую расу в космическом окружении и приготовить наши сердца к восприятию новых ценностей.

Но чтобы такое мысленное построение одного из вероятных будущих оказалось достаточно убедительным, наше воображение должно находиться в жестких рамках. Надо стараться не выходить за границы возможного, установленные тем особым состоянием цивилизации, в которой живем. Голая фантазия имеет слабую силу – не ту, что нужно искать на самом деле, чтобы предсказать, что именно произойдет, потому что в нашей настоящей жизни такое предсказание бесполезно и помогает лишь в простейших случаях. Мы не выступаем в роли историков, заглядывающих вперед, вместо того чтобы оглянуться назад. Мы можем лишь выбрать единственную нить из целого клубка разных и в одинаковой степени важных возможностей. Но при выборе у нас должна быть цель. Деятельность, которой мы при этом занимаемся, – это не наука, а скорее искусство, и действие, которое она должна оказать на читателя, должно быть аналогично воздействию искусства.

Однако наша цель не только в том, чтобы создать превосходное в эстетическом смысле фантастическое видение. Мы должны добиться создания не просто истории, не просто фантазии, а мифа. Правдивого мифа, который внутри вселенной с определенной культурой (живой или не существующей) ярко выражает, и зачастую, возможно, трагически ее наиболее восхитительные стороны. Надуманный миф либо резко нарушает границы правдоподобия, установленные его же собственными культурными формами, либо выражает менее восхитительные стороны, чем те, что находятся в поле зрения его культурного диапазона. Эта книга более похожа на правдивое предсказание, чем на правдивый миф. Но все же она является попыткой создания мифа.

То будущее, которое придумано здесь, не должно, как я думаю, показаться абсолютно фантастическим или, во всяком случае, столь фантастичным, чтобы не иметь некоторого смысла для тех современных людей на Западе, которые знакомы с противоположными взглядами. Выбери я форму, где не было бы вообще никакой фантастики, сама ее правдивость делала бы ее неправдоподобной. По меньшей мере одна из характеристик будущего здесь может быть почти верной – большая часть его будет именно такой, что мы привыкли называть невероятным. В одном, пожалуй, важном аспекте я, возможно, могу показаться впадающим в непоз-

волительную крайность. Я предположил, что обитатель далекого будущего должен связаться с нами, живущими именно сейчас. Я использовал допущение, что у него имеется способность частично управлять деятельностью разума живущих ныне и что данная книга является продуктом такого влияния. Однако и такая выдумка не абсолютно невозможна. Хотя я мог бы, разумеется, очень легко обойтись и без нее, совершенно незначительно изменив тему. Но введение ее было более чем удобно. Только благодаря такому радикальному и вызывающему замешательство приему я мог использовать возможность, которая присутствует в связанном со временем действии гораздо в большей степени, чем мы можем то определить. Разумеется, только благодаря подобному трюку я смог обосновать, что все наше настоящее сознание является лишь предварительным и не очень удачным этапом первого эксперимента.

Если случится такое, что эта книга будет открыта кем-то из жителей будущего – например, одним из представителей следующего поколения, занятого разборкой оставшегося от предков хлама, – она несомненно вызовет улыбку, потому что здесь отсутствует многое, для открытия чего не было пока никаких предпосылок. И, разумеется, даже при жизни нашего поколения могут произойти столь неожиданные и столь радикальные изменения, что очень скоро эта книга будет выглядеть слишком наивной. Но это неважно. Мы, живущие сейчас, должны задуматься как можно глубже над нашим отношением к окружающей вселенной; и хотя наши предположения покажутся наивными фантазиями людям будущего, их значение для целей сегодняшнего дня от этого не может стать меньше.

Читатели, которые воспримут мою книгу как попытку предсказания, могут посчитать, что она чрезмерно пессимистична. Но это не предсказание, это миф или попытка мифа. Все мы хотим, чтобы будущее оказалось более счастливым, чем я показал его. В особенности мы желаем, чтобы наша современная цивилизация постоянно двигалась к некоему виду утопии. Мысль о том, что она может обветшать и рухнуть и что все ее духовные ценности могут оказаться безвозвратно потеряны, для нас неприятна. Однако это должно быть рассмотрено хотя бы как возможность. И трагедия подобного рода, трагедия расы, должна, как мне кажется, быть отражена в каком-то соответствующем мифе.

И поэтому, раз в наше время явно прорастают как семена надежды, так и семена отчаяния, я изобразил, в чисто эстетических целях, что наша раса уничтожит сама себя. Сегодня мы наблюдаем горячее и искреннее движение за мир и международное единство, и несомненно, что при удаче и разумном управлении этим процессом он может привести к триумфу. Нам следует горячо надеяться, что так и будет. Но в этой книге я изобразил, что это великое движение потерпит крах. Я предполагаю, что оно неспособно предотвратить череду мировых войн, и я позволяю ему достичь цели – единства и мира – лишь после того, как будет разрушен сложившийся менталитет расы. Может быть, этого и не случится! Может быть, Лига Наций или более серьезный международный орган управления сделает прорыв вперед раньше, чем станет слишком поздно! Однако позвольте отыскать укромный уголок в нашем сознании или сердце для мысли о том, что вся деятельность нашей расы может оказаться в конце концов лишь мелким и безуспешным эпизодом в более масштабной драме, которая к тому же может оказаться трагедией.

Американские читатели, если таковые случатся, могут ощутить, что в повествовании для их великой нации отведена в некотором роде неблагоприятная роль. Я изобразил триумф более грубого вида американизма, чем он представлен в замечательной и многообещающей американской культуре. Может быть, такого никогда не произойдет в реальном мире. Сами американцы тем не менее допускают возможность подобного исхода и, я надеюсь, простят меня за столь подчеркнутое выражение этого и использование их в качестве ранней поворотной точки в этой долгой драме Человека.

При попытке постичь подобную драму следовало принимать во внимание, что может сказать относительно собственной природы человека и его физического окружения современная

наука. Я попытался дополнить свои небольшие познания в естественной науке настоятельными советами моих друзей-ученых. Особенно мне помогли беседы с профессорами П. Дж. Г. Босуэллом, Дж. Джонстоном и Дж. Райсом из Ливерпуля. Но они ни в малейшей степени не виноваты во многих преднамеренных преувеличениях, которые, хотя и служат цели моего замысла, могут резать слух ученого.

Я весьма обязан доктору Л. Э. Рейду за общие комментарии, а мистеру И. В. Риу – за многочисленные и весьма ценные соображения. И не могу не выразить должную признательность за постоянную поддержку и критику профессору миссис Л. К. Мартин, прочитавшей всю мою книгу в рукописи. А перед изумительным здравомыслием моей жены нахожусь куда в большем долгу, чем она сама предполагает.

Прежде чем закончить это предисловие, хочу напомнить читателю, что рассказчик, проходящий сквозь все последующие страницы, первое и единственное действующее лицо, представляется не как реальный автор, а всего лишь как личность, живущая в чрезвычайно далеком будущем.

Вест Кирби

О. С.

Июль 1930

Вступление

(написанное одним из Последних Людей)

Эта книга имеет двух авторов, один из которых – современник читателей, а другой – житель той эпохи, которую следует называть далеким будущим. Мозг, что придумывает и пишет эти строчки, живет во времена Эйнштейна. Однако я, истинный вдохновитель этой книги, тот, кто породил ее через его посредство, тот, кто влияет на замысел этого примитивного существа, обитаю в эпохе, которая по отношению к Эйнштейну лежит в очень отдаленном будущем.

Пишущий полагает, что он замышляет всего лишь фантастическую повесть. Хотя он и пытается рассказать правдоподобную историю, он не только сам не верит в нее, но и не ожидает, что в нее поверят и другие. Однако история эта правдива. Существо, которое вы назвали бы человеком будущего, взяло под свой контроль послушный, но вряд ли адекватный мозг вашего современника и пытается направить его естественные процессы для достижения чуждой тому цели. Таким образом будущая эпоха получает контакт с вашим временем. Терпеливо выслушайте меня, потому что мы – те, кто является Последними Людьми, искренне желаемыми связаться с вами, мы – те, кто тоже входит в изначальный род человеческий. Мы можем помочь вам, и нам нужна ваша помощь.

Вы не поверите этому. Ваше знание времени слишком несовершенно и неполно, и поэтому ваше понимание его затруднено. Но дело не в этом. Не ломайте голову над этим фактом, столь трудно постижимым вами и столь знакомым нам, живущим через миллиарды лет. Примите лишь как нечто необычное саму идею, что мысль и желание людей будущего могут проникнуть к вам, изредка, без каких-либо затруднений, в том числе в мыслительные процессы ваших современников. Представьте, что вы поверили в это и в то, что последующее хронологическое описание событий является посланием Последних Людей. Хотя бы вообразите допустимость такого доверия. Иначе я не смогу дать жизнь той панорамной исторической повести, которую считаю своим долгом донести до вас.

Когда ваши писатели приукрашивают будущее, они слишком легко представляют себе путь к некоей разновидности Утопии, в которой существа как таковые живут в абсолютном блаженстве посреди условий, превосходно подходящих к устоявшейся натуре человека. Я не собираюсь описывать ни один подобный рай. Напротив, я собираюсь описать гигантские перепады радости и печали, результаты изменений не только в окружающей человека среде, но и в его изменчивой натуре. И я должен рассказать, каким образом в мою собственную эпоху, имея наконец достаточно высокий уровень духовной зрелости и философского склада ума, человек вынужден, в силу непредвиденных обстоятельств, браться за предприятие столь же отчаянное, как и неприятное.

Я приглашаю вас, таким образом, в воображаемое путешествие через эпохи и вечности, лежащие между вашим временем и моим. Я приглашаю вас проследить такую историю перемен, печали, надежды и непредвиденных катастроф, какая не происходила больше нигде внутри пространства, опоясанного Млечным Путем. Но сначала весьма уместно рассмотреть несколько моментов, наиболее значительных в космическом смысле. Потому что сжатая до необходимой компактности повесть, которую мне предстоит рассказать, может показаться всего лишь описанием последовательности приключений и катастроф, выстроенных одна за другой без какого-либо разумного порядка. Но на самом деле жизненный путь человечества похож скорее не на горный поток, спешащий с камня на камень, а на огромную медленно текущую реку, очень редко прерываемую порогами. Эпохи покоя, часто напоминающие абсолют-

ную стагнацию, заполненные монотонными делами и тяжелым трудом огромного числа почти полностью схожих жизней, прерываются редкими моментами авантюры отдельных наций. Более того, даже те немногие, очень быстрые с виду явления были на самом деле зачастую вялотекущими и скучными. Они достигали иллюзии быстроты лишь по сравнению со скоростью общего течения событий.

Глубины времени и пространства, хотя, разумеется, и могли быть смутно постигнуты даже примитивным разумом, не смогли сохраниться в воображении существами, не обладающими достаточно богатой натурой. Общий обзор горной гряды представляется простодушному взору почти равниной, а звездная пустота – крышей, пронизанной лучами света. Однако на самом деле, в то время как ближайшая местность может быть обследована за часовую прогулку, линия горизонта, покрытая горными пиками, скрывает в себе равнину за равниной. Точно так же обстоит дело и со временем. Тогда как ближайшее прошлое и близлежащее будущее отражаются как взаимно связанные глубины, удаленная безграничность времени в перспективе укорачивается. Для обыденного ума почти непостижимо, что вся история человечества может быть всего лишь каким-то мгновением в жизни звезд и что отдаленные события замкнуты внутри себя, в своих эпохах.

В свое время вам приходилось учиться делать вычисления, оперируя численными значениями времени и пространства. Но чтобы охватить излагаемое мной в нужных пропорциях, необходимо проделать нечто большее, чем вычисления. Необходимо поразмышлять над этими величинами, настроиться на понимание их, прочувствовать собственную ничтожность здесь и сейчас и того момента цивилизации, который вы называете историей. Вы не можете даже надеяться вообразить, как это обычно рекомендуется, столь огромные соотношения, как, например, единица в одной тысяче миллионов, потому что ваши органы чувств и вследствие этого ваше восприятие слишком крупнозернисты, чтобы выделять столь малые частицы из их общего поля. Но вы можете путем одних лишь раздумий охватить более непрерывно и уверенно смысл и важность ваших вычислений.

Люди вашего времени, оглядываясь на прошедшую историю их планеты, замечают не только длительность времени, но также потрясающее ускорение жизненного прогресса. Еле ползущий в ранние периоды развития Земли, в ваши дни он кажется безудержным. Заметьте, что он не просто занимает более высокий уровень, чем раньше, в отношении способности восприятия, знаний, интуиции, тонкости восхищения и разумности желания, но и ускоряется от столетия к столетию, и ускоряется все быстрее. Что дальше? Несомненно, думаете вы, должно наступить время, когда больше не останется непокоренных вершин.

Такой взгляд ошибочен. Вы недооцениваете даже подножья холмов, что стоят перед вами, и ничуть не подозреваете, что далеко над ними, скрытые облаками, раскинулись ущелья и снежные поля. Умственные и духовные успехи, которые в ваши дни, заметьте, все еще ограничены Солнечной системой, необычайно сложнее, обоснованнее и опасней, чем те, что уже были достигнуты ранее. И хотя в некоторых простых отношениях вы и добились полного развития, более высокий потенциал вашей духовности еще даже и не начал давать побегов.

Так или иначе, далее мне следует помочь вам ощутить не только безграничность пространства и времени, но также и широкое разнообразие способов мышления. Но это я использую лишь в качестве намека, поскольку слишком много всего лежит за границами вашего воображения.

Историки, живущие в ваши дни, обычно рассматривают всего лишь один момент из общего потока времени. Мне же предстоит представить в одной книге сущность не отдельных столетий, а целых эпох. Совершенно ясно, что мы не можем просто на досуге прогуляться по такому пути, на котором миллион земных лет эквивалентен всего лишь году в понимании ваших историков. Мы должны лететь. Мы должны путешествовать так, как это делаете вы на своих аэропланах, обозревая лишь общие контуры континента. Но поскольку пилот не видит

никого из находящихся под ним обитателей – хотя, однако, именно они и являются теми, кто делает историю, – мы еще должны перемежать наш быстрый полет с множеством спусков, скользя над самыми крышами домов, и даже иногда высаживаться в критических точках, чтобы оказаться лицом к лицу с отдельными людьми. И как воздушное путешествие должно начаться от перемещения ограниченного взгляда пешехода к более широким горизонтам, так и мы должны начать до некоторой степени похожий осмотр с того небольшого периода, который включает кульминацию и падение вашей собственной примитивной цивилизации.

Историческая хроника

Глава I. Балканская Европа

1. Европейская война и последующие годы

Обратим теперь взгляд на вашу собственную историческую эпоху, как она представляется сообществу Последних Людей.

Задолго до того, как человеческий дух ожил, чтобы пролить свет на основы мироздания и свои собственные, он временами пробуждался, озадаченно открывая глаза, и засыпал вновь. Один из таких моментов самого раннего жизненного опыта заключает в себе все усилия, весь путь Первых Людей от первобытного состояния к цивилизации. Внутри этого периода вы находитесь почти в той самой точке, когда биологический вид достигает своего наивысшего развития. Едва ли не вся лежащая за пределом вашего времени ранняя культура должна казаться прогрессирующей, и вот уже в ваше время интеллект расы обнаруживает признаки упадка.

Первым и, по общему мнению, важнейшим достижением вашей собственной «Западной» культуры было понимание двух идеалов поведения, так необходимых для духовного процветания. Сократ, на самом деле философствующий лишь для собственного удовольствия, а не для практических нужд, возвеличил беспристрастное рассуждение, добродетель ума и речи. Христос, восхищавший окружающих его людей, в этом аромате божественности, которая, для него, пронизывала весь мир, символизировал пример бескорыстной любви к ближним и к Богу. Сократ пробудил окружающих к идеалу беспристрастного ума, Иисус – к идеалу страстного, хотя и самозабвенного, поклонения. Сократ выдвигал честность и прямоту разума, Иисус – честность и прямоту желаний. Каждый из идеалов, разумеется, хотя и начинался с разных акцентов, включал в себя черты другого.

К сожалению, оба идеала требовали от человеческого мозга такой жизненной силы и совершенства в следовании логике, на которые реально никогда не была способна нервная система Первых Людей. На протяжении многих веков эти звезды-близнецы безрезультатно манили к себе наиболее развившихся человеческих особей из общего стада людей-животных. Их неспособность практически реализовать эти идеалы дала возможность развиваться в расе циничной апатии, которая и была одной из причин ее разложения.

Но были и другие причины. Люди, из которых вышли и Сократ, и Иисус, также находились среди первых, которые чувствовали восторг перед Судьбой. В греческом искусстве трагедии и в иудейской вере в божественность закона, равно как в индийском смирении, человек узнавал на опыте, сначала очень смутно, то видение внеземной и божественной красоты, которая должна возвеличивать его и ставить в тупик, снова и снова, на всем его жизненном пути. Противоречие между этим поклонением и непреклонной тягой к Жизни, борющейся со Смертью, оказывалось неразрешимым. И хотя некоторые отдельные личности были весьма искусными в этом, в целом человеческая раса вновь и вновь испытывала затруднения в своем духовном развитии из-за этой величайшей дилеммы.

А пока человек был сбит с толку и соблазнен этими преждевременными познаниями. Действительное социальное устройство его мира продолжало меняться так стремительно благодаря растущему господству физической энергии, что его примитивная натура не могла больше справляться со сложным многообразием его окружения. Животные, что были приспособлены для охоты и сражения в диком мире, неожиданно были призваны стать гражданами и более того, – гражданами мировой человеческой общности. В то же самое время они обна-

ружили себя обладающими определенными и весьма опасными силами, которые их слаборазвитый разум не мог надлежащим образом использовать. Человек старался держаться; но, как вы узнаете, он не выдержал нагрузки.

Европейская война, объявленная «войной до победного конца», была первым и наименее разрушительным из тех мировых конфликтов, которые так трагически отразили неспособность Первых Людей управлять их собственной человеческой природой. Исходным пунктом клубка мотивов, отчасти благородных, отчасти постыдных, послужил конфликт, для которого оба соперника были очень хорошо подготовлены, хотя ни один из них всерьез не собирался затевать его. Существовавшая разница в нравах между романской Францией и нордической Германией сочеталась с поверхностным соперничеством между Германией и Англией и с рядом до глупого грубых жестов со стороны части правительства Германии и ее военного командования с целью разделить мир на два лагеря. Однако было невозможно указать существовавшие между ними принципиальные разногласия. Во время этой борьбы каждая сторона была убеждена в том, что лишь она одна отстаивает основы цивилизации. Но фактически обе стороны время от времени не сдерживали всплесков неприкрытой грубости, и обе успешно поддерживали действия не столько героические, сколько исполненные великодушия и благородства, столь необычные для Первых Людей. Потому что поведение, которое для более просвещенных умов кажется всего лишь нормальным, в те дни могло проявляться только благодаря редкой дальновидности и самообладанию.

Пока тянулись месяцы затяжного противостояния, между враждующими нациями начало расти искреннее и даже страстное желание мира и объединенного пространства. Фактически из родового конфликта поднимается, по крайней мере хотя бы на время, душевный порыв, возвышающийся над устоями племенной обособленности. Но этот порыв пока еще не имел четкого руководства, не имел даже стойкой убежденности. Мир, каким он стал после европейской войны, является одним из знаменательных моментов древней истории, потому что он в сжатом виде выражает как пробуждающуюся дальновидность, так и неизлечимую слепоту, как импульсивное стремление к высшему всеобщему благу, так и маниакальное стремление к родовой обособленности расы, которая была все же лишь несостоявшимся человечеством.

2. Англо-французская война

Один короткий, но трагический инцидент, произошедший примерно через столетие после европейской войны, может быть назван отпечатком судьбы Первых Людей. За это время стремление к миру и разуму превратилось уже в серьезный исторический фактор. Если бы не ряд неблагоприятных обстоятельств, должным образом преподнесенных публике, в течение этого наиболее опасного периода в Европе могла бы доминировать партия мира, а через Европу – и во всем мире. В случае меньшей злополучности или при дополнительной доле дальновидности и самообладания в этот важный период могло бы и не настать той эпохи тьмы, в которую было суждено погрузиться Первым Людям. Будь победа приобретена раньше, чем общий уровень сознания начал ощутимо падать, попытка всемирного государства могла бы рассматриваться не как окончательный, но как первый шаг к истинной цивилизации. Но этому не было суждено состояться.

После европейской войны потерпевшая крах нация, некогда бывшая не менее воинственной, чем другие, стала наиболее пацифистской и превратилась в оплот просвещенности. Почти повсюду, разумеется, происходили глубинные перемены, затрагивающие основы общественного устройства, но особенно это было заметно в Германии. С другой стороны, победители, несмотря на их действительное стремление быть человеческими и великодушными и открыть двери в новый мир, были втянуты – отчасти своей собственной родовой обособленностью, отчасти слепой дипломатией своих руководителей – во все пороки, в крестовом походе про-

тив которых, по их собственному убеждению, они и участвовали. После недолгого периода, во время которого они безнадежно старались наладить друг с другом дружественные отношения, они начали в очередной раз потакать прямым конфликтам. Из этих конфликтов два следует рассмотреть особо.

Первой встряской, не слишком губительной для Европы, была скоротечная и абсурдная схватка между Францией и Италией. С момента падения Древнего Рима итальянцы были больше известны в искусстве и литературе, чем в военном деле. Но героическое освобождение Италии, в девятнадцатом веке от Рождества Христова, сделало итальянцев слишком чувствительными к национальному престижу; и с тех пор, как среди населения Запада сила нации стала измеряться в единицах воинской доблести, итальянцы подогревались благодаря их успеху в борьбе против пошатнувшегося иностранного порабощения, чтобы продемонстрировать собственное совершенство против обвинений в посредственности на поле битвы. Однако после европейской войны Италия пережила период социального упадка и неуверенности в собственных силах. Впоследствии очень популярная, но с явным национальным уклоном партия взяла контроль над государством и позволила итальянцам обрести новое чувство собственного достоинства, основанное на реформе социальных служб и на милитаристской политике. Поезда стали ходить без опозданий, улицы стали чище, мораль приобрела пуританский оттенок. Авиационные достижения принесли славу Италии. Молодежь, наряженная и обученная играть роль солдат с настоящим оружием в руках, была убеждена в том, что ей следует считать себя спасительницей нации, была готова пролить кровь и быть использованной для выполнения воли правительства. Все движение в целом было создано в основном одним человеком, чья гениальность в действиях сочеталась с ораторским искусством и примитивностью мышления, что позволило ему сделаться весьма преуспевающим диктатором. Почти чудом ему удалось вымуштровать итальянскую нацию, вернуть ей деловитость и сноровку. В то же самое время с огромным эмоциональным подъемом и абсолютным отсутствием юмора он возносил итальянскую заносчивость и склонность к «экспансии», расширению. И поскольку итальянцы были мало способны к восприятию идеи об ограничении собственного населения, это расширение было реальной необходимостью.

Так случилось, что Италия, давно уже покушавшаяся на французские территории в Африке, завидующая лидирующему положению Франции среди романских народов, возмущенная защитой, предоставляемой во Франции итальянским «предателям», стала все более склонной к ссоре с наиболее развитым из своих недавних союзников. Произошел пограничный инцидент, воображаемое «надругательство над итальянским флагом», который в конце концов и вызвал несанкционированный рейд на французскую территорию небольшой группы итальянских солдат. Участники налета были схвачены, но французская кровь уже пролилась. Последовавшее требование извинений и компенсаций было в меру жестким, но утонченно-оскорбительным для итальянского достоинства. Итальянские патриоты привели себя в состояние близоручкой ярости. Диктатор, отнюдь не собиравшийся приносить извинения, был вынужден потребовать освобождения захваченных солдат и в конечном счете объявить войну. После единственного короткого сражения многочисленные французские войска вторглись в Северную Италию. Соппротивление, даже поначалу героическое, вскоре стало хаотичным. Итальянцы с ужасом очнулись от своих мечтаний о военной славе. Толпа обратилась против диктатора, которого они сами и вынудили объявить войну. В театральной, но достаточно смелой попытке пересилить римскую толпу он потерпел поражение и был убит. Новое правительство заключило поспешный мир, уступая Франции приграничную территорию, которую та уже и без того аннексировала «в целях безопасности».

С тех пор итальянцы уже менее стремились затмить славу Гарибальди, а более – превзойти величайшую славу Данте, Джотто и Галилея.

Теперь Франция стала полным хозяином на Европейском континенте, но, имея многое, что могло быть потеряно, она вела себя заносчиво и вызывающе. И прошло немного времени до того, как в очередной раз мир был нарушен.

Когда последние ветераны европейской войны доживали свои дни, длительное соперничество между Францией и Англией достигло своей кульминации в споре между их правительствами по «вопросу о сексуальном преступлении», как говорили, совершенным французским солдатом-африканцем по отношению к англичанке. В этом скандале английское правительство оказалось в ложном положении и, вероятно, было сбито с толку своими собственными сексуальными ограничениями. Изнасилования просто не было. Факты же, давшие почву слухам, были таковы, что неработающая и истеричная англичанка на юге Франции, имевшая пристрастие к железным объятиям «пещерного человека», сама заманила капрала-сенегалца в свою квартиру. Когда, позже, он начал проявлять признаки скуки и невнимания, она решила отомстить, заявив, что он грубо напал на нее в лесу за городом. Этот слух был того сорта, какой все англичане были слишком склонны смаковать и какому склонны верить. В то же время английские медиамагнаты не могли отказаться от возможности спекуляций на чувстве национальной общности, родовой замкнутости и лицемерии. Последовала целая эпидемия оскорблений и незапланированных актов насилия против французов в Англии, и поэтому воинственная милитаристическая партия во Франции получила возможность, которую так долго искала. Потому что реальная причина этой войны была связана с воздушным могуществом. Франция убедила Лигу Наций (в момент ее наименее крепкого положения) ограничить размер военных самолетов таким образом, что в то время, как Лондон находился в зоне легкой досягаемости от французского побережья, Париж мог быть доступен Англии лишь с большими трудностями. Очевидно, что такое положение дел не могло длиться долго. Британия все более и более упорно возмущалась, требуя отмены ограничений. С другой стороны, наблюдалось растущее требование за полное авиационное разоружение во всей Европе; и партия здравого смысла была так сильна во Франции, что французское правительство было готово вот-вот принять подобное предложение. Поэтому, учитывая оба фактора, милитаристы во Франции были готовы нанести удар, пока еще существовала такая возможность.

В одно мгновение плоды всех усилий по разоружению были уничтожены. Та едва уловимая разница в менталитете, которая одна лишь препятствовала тому, чтобы эти две нации поняли друг друга, была неожиданно расширена этим провокационным инцидентом до явно неразрешимого несогласия. Англия вернулась к своему убеждению, что все французы – сластолюбцы, в то время как для Франции англичане представлялись, как часто бывало и прежде, наиболее агрессивными из ханжей. Напрасно пытались наиболее разумные головы в обеих странах требовать придерживаться основных правил гуманизма. Напрасно пыталась отрезвленная Германия заняться посредничеством. И напрасно пыталась Лига, которая в данный момент имела огромную репутацию и власть, угрожать обеим партиям исключением и даже с наказанием. В Париже пополз слух, что Англия, игнорируя свои международные обязательства, лихорадочно строит теперь огромные самолеты, которые должны сокрушить Францию от Кале до Марселя. И, разумеется, слух этот не был совсем уж голословным, потому что, когда сражение уже началось, оказалось, что британские воздушные силы имеют дальность действия гораздо большую, нежели ожидалось. Однако урон, понесенный Англией в этой войне, был колоссальным. В то время как лондонские газеты только еще оглашали новость об объявлении войны, вражеские самолеты уже появились над городом. За несколько часов треть Лондона лежала в руинах, а половина населения валялась на улицах отравленная. Одна из бомб, упавшая рядом с Британским музеем, превратила в кратер весь Блумсбери, и фрагменты мумий, статуй и манускриптов оказались перемешанными с содержимым магазинов и закусочных для моряков и интеллигенции. Таким образом, в одну минуту была уничтожена большая часть ценных английских реликтов и наивысших человеческих достижений.

Затем произошло одно из тех крайне малозаметных, однако чрезвычайно действенных событий, которые временами задают направление, сохраняемое на века. Во время бомбардировки в подвале на Даунинг-стрит проходило специальное заседание британского кабинета. Правящая в то время партия была достаточно прогрессивной, умеренно милитаристской и делала робкие шаги к космополитизму. Она позволила втянуть себя в этот французский скандал совершенно неумышленно. На этом заседании кабинета один из идеалистически настроенных членов заставил своих коллег признать необходимость решающего жеста героизма и благородства со стороны части британцев. С трудом пробивая свой голос сквозь грохот английских пушек и неистовые взрывы французских бомб, он предложил выступить по радио с таким посланием: «От народа Англии к народу Франции. Катастрофа, свалившаяся на нас, находится в ваших руках. В этот последний час надо забыть всю ненависть и весь гнев. Наши глаза открыты. Мы больше не можем думать о себе как только об англичанах или как только о французах; все мы прежде всего являемся цивилизованными существами. Не думайте, что мы повержены и это обращение всего лишь крик о помиловании. Наше вооружение в полном порядке, и наши ресурсы все еще велики. Однако благодаря откровению, снизошедшему на нас в эти дни, мы прекратим сражение. Ни один самолет, ни один корабль, ни один солдат Британии не совершит больше ни одного враждебного акта. Делайте что хотите. Пусть лучше наш великий народ погибнет, чем вся раса людей будет вовлечена в этот убийственный водоворот. Но и вы не нанесете новый удар. Как наши сердца сейчас открыты окончательному падению, так и ваши должны быть открыты для акта всеобщего братства. Души Франции и Англии различны. Это различие достаточно глубоко, но оно, по сути, лишь таково, как отличие осязания и зрения. Без вас мы должны бы были превратиться в варваров. А без нас даже ярчайший дух Франции был бы выражен всего лишь наполовину. Потому что дух Франции живет и в нашей культуре, и в самой нашей речи; и дух Англии является тем самым, что исходит от вас в вашем наиболее своеобразном великолепии».

Не было ни одного момента за всю историю человечества, чтобы еще какое-либо правительство со всей серьезностью приняло подобное послание. Будь оно предложено во время предыдущей войны, его автора подняли бы на смех, прокляли и, возможно, даже убили. Но с тех пор очень многое изменилось. Возросшие связи, расширение культурного общения и длительные энергичные компании за космополитизм изменили сознание Европы. И даже в этих условиях, когда, после короткой дискуссии, правительство распорядилось, чтобы это необычное послание было отправлено, его члены были напуганы собственными действиями. Поскольку выразил его лишь один из них, они пребывали в состоянии неуверенности: были они одержимы дьяволом или богом, но то, что были одержимы, не вызывало сомнения.

Этой ночью люди в Лондоне (те, что еще остались) испытали духовную экзальтацию. Распад городской жизни, потрясение от физических мук и жалости, осознание беспрецедентного духовного акта, к которому каждый человек чувствовал себя сопричастным, — все эти воздействия объединились, создавая, даже в суете и смятении разрушенной столицы, определенный сдержанный пыл и глубокое умиротворение разума, абсолютно несвойственные лондонцам.

Между тем нетронутый север не знал, принимать неожиданный пацифизм властей за малодушие то ли за удивительно смелый жест. Однако очень скоро и там начали понимать необходимость такой нравственности и склонились к последнему мнению. Париж был разделен этим посланием на громко заявившую о себе партию победы и едва слышную партию замешательства и смущения. Но по мере того как время шло и первая настаивала на продолжении агрессивной политики, вторая обрела голос, чтобы закричать: *«Да здравствует Англия, да здравствует гуманизм!»* И теперь так сильно было стремление к космополитизму, что результат был бы почти безусловно триумфом разума, не случись в Англии ситуация, которая опрокинула весь зыбкий курс попыток в противоположное направление.

Бомбардировка произошла в пятницу ночью. В субботу отзвуки великого английского послания как эхо прокатились по всем нациям. Этим вечером, когда туманный и мокрый день катился к мертвенно-бледному закату, над западными окраинами Лондона появился французский самолет. Он постепенно снижался и был принят наблюдателями за посланца мира. Он шел все ниже и ниже. Было видно, как что-то отделилось от него и упало вниз. Через несколько секунд колоссальный взрыв прозвучал по соседству со школой и королевским дворцом. В школе были ужасные разрушения. Дворец же просто исчез. Но самым большим ударом по делу мира оказалось то, что в этом взрыве погибла прекрасная и очень популярная молодая принцесса. Ее тело, непотребно искалеченное, но все еще узнаваемое каждым постоянным читателем иллюстрированных газет, было выброшено на высокую парковую ограду рядом с самой оживленной магистралью, ведущей к городу. Немедленно после взрыва вражеский самолет с грохотом рухнул вниз, объятый пламенем, и разбился вместе со всем экипажем.

Минутное трезвое размышление убедило бы всех наблюдателей, что это несчастье случайное, что самолет этот был всего лишь застигнут непогодой и отстал от общего строя, терпящий бедствие, а вовсе не посланец ненависти. Но узревшее искалеченные тела школьников и терзаемое криками боли и ужаса население было не в состоянии делать логические выводы. К тому же еще и принцесса, необыкновенно сильный чувственный символ и знак родового обособления, убитая и выставленная перед взорами ее поклонников.

Новости облетели всю страну, разумеется, искаженные таким образом, что не оставляли никаких сомнений, что этот акт – последняя проделка сексуальных маньяков с противоположной стороны Ла-Манша. За какой-то час настроение Лондона резко изменилось, и все население Англии впало в припадок первобытной ненависти, куда более непомерной, чем та, что проявлялась в войне с Германией. Британские военно-воздушные силы, полностью снаряженные и хорошо подготовленные, были направлены на Париж.

Тем временем во Франции пало милитаристское правительство, и управление перешло к партии мира. Пока улицы все еще были переполнены его митингующими сторонниками, упала первая бомба. В понедельник утром Париж был уничтожен. Затем последовало несколько дней сражений между силами морской артиллерии и настоящая бойня мирного населения. Несмотря на французскую храбрость и отвагу, более превосходная организация, лучшая оснащенность и осмотрительная смелость британских воздушных сил вскоре создали обстановку, при которой с земли не смог взлететь ни один французский самолет. Но если Франция оказалась разбита, то и Англия была слишком сильно покалечена, чтобы продолжать закрепление своего успеха. Каждый город и в той и в другой стране был полностью разорен. Голод, беспорядки, грабежи и мародерство, а над всем этим – быстро нарастающее и совершенно бесконтрольное распространение болезней, разлагающее оба государства и создающее передышку в войне.

Разумеется, прервались не только военные действия. Сами нации были слишком дезорганизованы и разбиты, чтобы продолжать даже ненавидеть друг друга. Усилия обеих стран были направлены лишь на попытку предотвратить полное вымирание от голода и эпидемий. И в этой восстановительной работе они всецело зависели от помощи со стороны. Управление обеими странами было временно возложено на Лигу Наций.

Очень важно сравнить настроение в Европе тех дней с тем, что последовало за европейской войной. Хотя раньше и имели место реальные попытки объединения, разногласия и подозрительность продолжали иметь место в национальной политике стран. Было множество ожесточенных споров о гарантиях безопасности без потерь и репараций; продолжалось деление всего континента на два противостоящих лагеря, хотя к тому времени это было чисто искусственное, скорее сентиментальное обстоятельство. Но после англо-французской войны стало преобладать совсем другое настроение. Не было разговоров о репарациях, не было попыток поиска безопасности путем союзов. Патриотизм просто постепенно утих на время под влия-

нием чрезвычайного бедствия. Два враждующих народа взаимодействовали с Лигой в работе по возрождению не только самих себя, но и друг друга. Такое изменение сущности произошло отчасти благодаря временному упадку всей национальной организованности, отчасти благодаря быстрому росту влияния в каждой нации пацифистской и антинационалистической Лейбористской партии, отчасти благодаря тому факту, что Лига оказалась достаточно мощной, чтобы расследовать и опубликовать всю историю начала войны и представить каждую из сражающихся сторон самой себе и всему миру в неприглядном свете.

Мы только что рассмотрели некоторые подробности инцидента, выделяющегося в истории человечества как, возможно, наиболее драматичный пример события с мелкой причиной и с гигантскими последствиями. Судите сами. Из-за какой-то ошибки или просто неисправности в приборах французский пилот отклонился от курса и потерпел крушение в Лондоне сразу после предложения о мире. Не случись этого, Англия и Франция не были бы почти полностью уничтожены. И будь война остановлена в самом начале, как это почти и случилось, партия разума во всем мире обрела бы значительную силу; робкое стремление к объединению обрело бы уверенность, которой ему не хватало, доминировало бы над человеком не только во время ужасного отвращения после каждого спазма национального противостояния, но и как постоянная политика, основанная на утвердившемся доверии. В действительности баланс между импульсами торможения и развития человека в это время был столь хрупким, что если бы не этот мелкий инцидент, то движение, которое было запущено призывом англичан к миру, могло бы продвигаться уверенно и быстро к объединению человеческой расы. И тогда оно могло бы достичь своей цели раньше, а не позже периода деградации разума, который был фактическим результатом длительной эпидемии войн. И, таким образом, Первый Век Тьмы мог бы так и не наступить.

3. Европа после англо-французской войны

Едва заметные прежде изменения теперь начали оказывать свое влияние на весь мыслительный климат планеты. Было прекрасно видно от Америки до Китая, что эта война была всего лишь незначительным нарушением покоя, едва ли большим, чем скандал между задиристыми спорщиками, всего лишь эпизодом из жизни дряхлеющей цивилизации на склоне лет. Выраженная в долларах компенсация убытков не была впечатляющей ни для богатого Запада, ни для потенциально богатого Востока. Британская Империя, это уникальное причудливо переплетенное дерево народов, потеряла с этого момента свое бывшее значение в мировой дипломатии; но поскольку связи, удерживавшие эти народы вместе, теперь стали носить в основном духовный характер, Империя не развалилась от несчастий, обрушившихся на ее жизненный ствол. Разумеется, общий страх перед американским хозяйственным империализмом способствовал тому, что колонии сохраняли преданность.

Однако эта незначительная ссора на самом деле была непоправимым несчастьем с далеко идущими последствиями. Потому что, несмотря на те различия в характерах, которые толкнули Англию и Францию в конфликт, они содействовали, хотя отчасти и невольно, в сдерживании и очищении европейского менталитета. И хотя их ошибки сыграли большую роль в разрушении западной цивилизации, достоинства, из которых выползли эти пороки, были необходимы для спасения мира, скатывающегося к безудержному фантазерству. Несмотря на укоренившуюся слепоту и скудость французской международной политики и даже еще более гибельную робость английской, их влияние на культуру было вполне благотворным и в тот момент крайне необходимым. Потому что, имея полярные взгляды во вкусах и идеалах, эти два народа были тем не менее одинаковы в склонности к сомнениям, и их лучшие представители были более способны к расчетливому и в то же время приводящему к действиям рассуждению, чем другие представители Запада. Именно эта особенность и послужила источником их

характерных ошибок – английская осмотрительность, доходившая порой до смертельной трусости, и известное французское близорукое самодовольство и хитрость, которые выдавались за реалистичность. Английский ум имел несколько разновидностей. Но в целом он был очень широко распространен, из этого и проистекало особое английское влияние на мир. Относительно обособленный, скептический, осторожный, практичный, более терпимый, чем остальные, потому что более самодовольный и менее склонный к страстям, типичный англичанин был способен на благородство и на неприязнь, на героизм и на трусость или циничный отказ от намерений, провозглашенных как жизненно важные для нации и всей расы. Сходные черты французов и англичан могли быть преступными по отношению к человечеству, но только по-разному. Француз вредил слепо, посредством странной неспособности беспристрастного отношения к Франции. Англичанин же вредил через малодушие и трусость и с открытыми глазами. Среди всех наций они выделялись единением общих ощущений и взглядов. Но точно так же из всех наций они были наиболее готовы отказаться от своих взглядов во имя общего здравого смысла. Отсюда и их репутация как вероломных.

Разница национальных характеров и патриотических чувств не была в то время самым главным отличием между людьми. Общие традиции или культурная среда создавали некоторое однообразие, однако в каждой нации присутствовали самые разные мыслительные типы, хотя и в разных пропорциях. Наиболее важное из всех культурных различий между людьми – различие между родовой замкнутостью и космополитизмом – и очерчивало национальные границы. Потому что повсюду в мире зарождалось нечто похожее на новую космополитическую «нацию» с новым всеобъемлющим патриотизмом. В каждой стране теперь появился стусок пробужденных умов, которые, каковы бы ни были их нравы, политика и официальная вера, были едины в отношении их преданности человечеству как расе или как отважному духу. К сожалению, эта новая преданность все еще была смешана со старыми предрассудками. В некоторых умах защита человеческого духа была искренне отождествлена с защитой определенной нации, принимаемой за обиталище всего просвещенного. В других, охваченных воинствующей пролетарской преданностью из-за социальной несправедливости, хотя они и были внутри космополитами, заражали как своих героев, так и своих врагов страстью к сектантству и расколу.

Еще одно чувство, менее определенное и осознанное, чем космополитизм, также играло некоторую роль в умах людей – преданность бесстрастию ума и путаному восхищению миром, который начинал открываться, миром величественным, огромным, трудно осознаваемым, в котором, по видимости, человек был обречен играть роль небольшую, но трагическую. Во многих расах существовала, без всякого сомнения, некая преданность бесстрастному уму. Но Англия и Франция превзошли всех в этом отношении. С другой стороны, даже у этих двух наций было много такого, что было против такой привязанности. Они, как и все люди этой эпохи, были склонны к приступам безумной эмоциональности. Разумеется, французский ум, в большинстве случаев столь наблюдательный, столь реалистичный, столь высокомерно относящийся к двусмысленностям и туманности, столь разграниченный в окончательных оценках, был тем не менее столь перегружен идеей «Франции», что был совершенно неспособен к благородству в международных делах. Но именно Франция вместе с Англией главным образом и инспирировала интеллектуальную прямоту, ставшую самой уникальной и самой яркой нитью западной культуры не только на территории двух этих наций, но и во всей Европе и Америке. В семнадцатом и восемнадцатом веках от Рождества Христова Франция и Англия, понимая намного яснее, чем все остальные народы, потребность к объективному восприятию мира для собственного спасения, основали физическую науку и выделили скептицизм как наиболее конструктивный из всех инструментов ума. На более поздней стадии в значительной мере опять-таки Франция и Англия посредством этого инструмента показали человека и физическую вселенную в их истинных соотношениях; и в основном именно избранные из этих двух народов оказались способными злорадствовать по поводу этого впечатляющего открытия.

С упадком Франции и Англии эта великая традиция бесстрастного познания начала исчезать. Теперь Европу вела Германия. И немцы, несмотря на их гений практицизма, их научный вклад в историю, их блистательную науку и строгую философию, внутри были все же романтиками. Эта склонность была их силой и их слабостью. Благодаря этому у них стимулировались их прекрасное искусство и их наиболее глубокие метафизические гипотезы. Но через это же они зачастую приобретали напыщенность и отсутствие самокритичности. Более энергичные, чем другие умы Запада, в решении загадки бытия, менее скептические относительно силы человеческого интеллекта и по этой причине склонные игнорировать или доказывать несостоятельность необъяснимых фактов, немцы были смелыми систематизаторами. В этом направлении они достигли больших успехов. Без них европейская мысль должна была бы пребывать в хаосе. Но их страсть к порядку и систематизации окружающего, лежащего в беспорядке за внешней оболочкой, зачастую оказывалась слишком пристрастной. На весьма шатких основаниях они уравнивали лестницы, чтобы добраться к звездным вершинам. Таким образом, без постоянной язвительной критики из-за Рейна и Северного моря тевтонский дух не мог бы достичь полного самовыражения. Смутная тревога о собственной сентиментальности и отсутствие беспристрастности склоняли этих великих людей время от времени заявлять о своем возмужании посредством актов зверства и жестокости и компенсировать свою сонную жизнь непрерывными наступательными и блистательно успешными коммерческими успехами; но то, что требовалось им, – еще более радикальная самокритика.

За Германией следовала Россия. Там жили люди, чья гениальность требовала еще больше, чем у немцев, дисциплины, подчиненной критическому уму. Со времени большевистской революции в селениях, разбросанных на этих огромных просторах полей и лесов, и еще больше в крупных городах возникла новая форма искусства и мысли, в которой была слепая страсть к иконоборству, живая чувственность и, однако, еще и очень удивительная и, по существу, мистическая или интуитивная сила отторжения всех личных стремлений. Америка и Западная Европа в первую очередь были заинтересованы в личной жизни человека и только во вторую – в организации жизни общества в целом. Для этих людей преданность включала вынужденное самопожертвование и идеалом являлась только личность, выделяющаяся в различных видах мастерства и совершенства. Общество было лишь необходимой формой для этой драгоценности. Но русские либо благодаря природному дару, либо под влиянием многовековой тирании, религиозного рвения и в полном смысле слова социальной революции были склонны к проявлению общих групповых интересов, фактически – к спонтанной вере во все, что было признано более возвышенным, чем отдельный человек любого общества, будь то Бог или слепые силы природы. Западная Европа смогла достичь путем разума точного понимания человеческой незначительности и бесполезности, если рассматривать человеческое существо как чужестранца среди звезд; с этой точки зрения можно даже мельком увидеть космическую тему, в которой вся человеческая борьба представляет всего лишь единичный несчастный случай. Но русский ум, будь то ортодоксальный, толстовский или фанатично материалистический, мог бы достичь точно такого же взгляда чисто интуитивно, путем прямого восприятия вместо долгих и сложных умственных блужданий и, достигнув его, мог радоваться этому. Но, вследствие независимости от интеллекта, опыт оказывался усложненным и запутанным, неустойчивым, часто неверно понимаемым, и его влияние на управление оказывалось скорее подобным взрыву, чем указующему воздействию. Необходимость заключалась в том, чтобы Запад и Восток Европы противостояли и сдерживали друг друга.

После большевистской революции в русской культуре появился новый элемент, такой, что не был ранее известен ни в одном современном государстве. Старый строй был заменен настоящим пролетарским правительством, которое, хотя и было олигархическим, а временами кровавым и фанатичным, положило конец прежней тирании класса и воодушевляло покорного гражданина гордиться участием в великом содружестве. Еще более важно то, что укоренив-

шийся русский характер не принимал всерьез связи между политической революцией и материальным состоянием и проповедовал таким образом свободу от снобизма перед богатством, что было совершенно чуждо Западу. Внимание, которое в другом месте было сосредоточено на накоплении денег, в России большей частью было отдано либо спонтанным инстинктивным наслаждениям, либо культурной деятельности.

На самом деле именно среди жителей русских городов, гораздо меньше стиснутых традициями, чем остальное население, возникла ситуация, что дух Первых Людей начинал достигать нового, и вполне естественного, преображения в соответствии с преобразуемым им миром. А от горожан кое-что из нового образа жизни стало доходить даже к крестьянам, в то время как в глубинах Азии выносливое и постоянно увеличивающееся население все в большей степени устремляло свои взоры к России не только в поисках техники, но и в поисках идей. Были периоды, когда казалось, что Россия могла бы трансформировать почти вселенское увядание расы в новый ее расцвет.

После большевистской революции Запад бойкотировал новую Россию, и вследствие этого она прошла через стадию осознанных сумасбродств и крайностей. Коммунизм и примитивный материализм стали догмами новой утверждающейся атеистической церкви. Всякая критика была подавлена, и даже еще более сурово, чем оппозиционная критика в других странах, и русских научили думать о самих себе как о спасителях человечества. Однако позже, когда экономическая изоляция начала препятствовать росту большевистского государства, новая культура была смягчена и распространена гораздо шире. Постепенно экономические связи с Западом были восстановлены, а культурные – расширились. Интуитивная и мистическая беспристрастность России начинала говорить о себе на языке интеллектуальной беспристрастности лучшей западной мысли, таким образом консолидируясь с ней. Иконоборство было укрощено. Жизнь, построенная на ощущениях и порывах, сдерживалась новым побуждением к критическому подходу. Фанатический материализм, чье пламя было извлечено из неверно истолкованного, но достаточно глубокого мистического интуитивного знания объективной реальности, начал ассимилироваться с куда более рациональным стоицизмом, который был необычайно редкостным цветком на Западе. В то же время через соприкосновение с крестьянской культурой и с населением Азии новая Россия начала делать попытку в одном и том же восприятии совместить серьезное разочарование в Англии и Франции и безудержный восторг перед Востоком.

Гармонизация этих двух настроений стала теперь главной духовной потребностью человечества. Неудача объединить их в возвышенное духовное чувство не могла привести ни к чему, кроме расового безумия. И поэтому так оно и произошло надлежащим образом. Между тем, эта задача интеграции начинала казаться все более и более неотложной для лучших умов России и могла быть в конце концов завершена, будь они более продолжительное время озарены холодным светом Запада.

Но этому не суждено было состояться. Интеллектуальная самоуверенность Франции и Англии, уже потрясенная с двух сторон через нарастающий упадок Америкой и Германией, была теперь подорвана. Уже многие десятилетия Англия была свидетелем того, как эти молодые конкуренты захватывали ее рынки. Эта потеря опутывала и душила ее массой внутренних проблем, таких, которые никогда не могли быть решены одним махом; и это был курс, требовавший большей смелости и энергичности, чем могли обеспечить люди, потерявшие надежду. Затем началась война с Францией и разорительный развал. Англию не охватывали никакие бредовые идеи, как это случилось во Франции; однако весь менталитет страны изменился, и ее отрезвляющее влияние на Европу уменьшилось.

Что же касается Франции, то ее культурная жизнь мучительно угасала. Она могла бы, конечно, восстановиться после нанесенного удара, не будь он отравлен снедающим ядом национализма. Потому что любовь к Франции была разрушительна для самой Франции. Дух Фран-

ции ценился столь безмерно и сумасбродно, что всех остальных французы почитали за варваров.

Поэтому и случилось так, что в России доктрины коммунизма и материализма, являвшиеся продуктами немецких систематизаторов, выжили без всякого осуждения. С другой стороны, практика коммунизма постепенно расшатывалась. Потому что Российское государство развивалось под влиянием западного, и особенно американского, финансового капитала. Материализм как официальное кредо тоже превратился в фарс, так как был чужд русскому сознанию. Таким образом, между практикой и теорией существовала, в обоих отношениях, глубокая несовместимость. То, что когда-то было жизненно важной и многообещающей культурой, стало лицемерием.

4. Русско-германская война

Несоответствие между теорией коммунизма и конкретной его практикой в России было одной из причин последующей катастрофы, выпавшей на долю Европы. Между Россией и Германией должны были бы установиться тесные партнерские отношения, основанные на взаимном обмене машинами и зерном. Но на пути к этому стояла теория коммунизма, и, нужно сказать, самым странным образом. Российская организация промышленности доказала свою несостоятельность без американского капитала; постепенно его влияние трансформировало коммунистическую систему. От Балтики до Гималаев и Берингова пролива пастбища, лесные угодья, обработанные машинами площади под посев зерна, нефтяные промыслы и раскинувшаяся сеть промышленных городов находились в возрастающей зависимости от американских финансов и общей организации дела. Однако не Америка, а куда менее индивидуалистическая Германия стала символом капитализма для русского ума. Самодовольное отвращение к Германии компенсировало России ее собственный отход от коммунистического идеала. Этот извращенный антагонизм поощрялся американцами, которые, будучи сильны в собственном индивидуализме и процветании и к этому моменту весьма пренебрежительно относясь к русским доктринам, были озабочены лишь тем, как бы прикарманить себе русские деньги. В действительности это именно Америка помогла России совершить собственное предательство и именно американский дух был в этот период наиболее чужд русскому духу. Но американское богатство было для России тем, без чего нельзя обойтись; так что ненависть, предназначенная Америке, должна была обернуться против Германии.

Немцы со своей стороны были недовольны тем, что американцы вытеснили их с самого прибыльного рынка, особенно с нефтяных промыслов русской Азии. Экономическая жизнь всей человеческой расы в течение некоторого времени базировалась на угле, но затем было обнаружено, что нефть является куда более подходящим источником энергии, и поскольку запасов нефти на планете были гораздо меньше, чем запасов угля, а расходы нефти были, разумеется, абсолютно бесконтрольны и расточительны, дефицит ее уже ощущался. Поэтому национальные владельцы оставшихся нефтяных промыслов стали главным фактором в политике и изобильным источником войн. Америка, уже израсходовавшая большую часть собственных запасов, стремилась теперь конкурировать со все еще богатыми источниками, контролируемые Китаем, опережая Германию в России. И не было ничего удивительного в том, что немцы огорчились. Но в этом – их собственная ошибка. В те дни, когда русский коммунизм стремился перестроить мир, Германия заняла в индивидуалистической Европе лидирующую роль, ранее принадлежавшую Англии. В то время стремящаяся к торговле с Россией, она одновременно боялась заразиться русской социальной доктриной, тем более что коммунизм, вначале значительно продвинулся вперед среди немецких рабочих. Позже, даже когда в Германии разумная реорганизация промышленности лишила коммунизм своей привлекательности, и таким обра-

зом сделала его беспомощным, привычка к антикоммунистической пропаганде по-прежнему оставалась.

Поэтому мир в Европе был в постоянной опасности из-за противостояния двух народов, которые отличались друг от друга скорее в идеалах, чем на практике. Потому что один, теоретически коммунистический, был вынужден полностью передать множество общественных прав предприимчивым личностям, в то время как второй, теоретически организованный на базе частного предпринимательства, становился даже в большей степени социализированным.

Ни одна из сторон не желала войны. Ни одна не была заинтересована в военном триумфе, потому что милитаризм больше не считался верным средством для окончательного решения вопросов. Ни одна страна не была открыто националистической, потому что национализм, хотя все еще имевший силу, больше не восхвалялся. Каждая сторона заявляла о стремлении к интернационализму и миру и обвиняла другую в эгоистичном патриотизме. Поэтому Европа, хотя стала теперь даже более миролюбивой, чем прежде, была обречена на войну.

Как и большинство войн, англо-французская война усилила стремление к миру, но в то же время сделала сам мир менее надежным. Усилилось недоверие: не только старое недоверие между нациями, но и разрушительное недоверие человеческой натуры, сжимающее людей, как страх перед безумием. Отдельные личности, думающие о себе как о добропорядочных искренних европейцах, боялись, что в любой момент они могут стать жертвой какой-либо нелепой эпидемии патриотизма и будут участниками крушения Европы.

Этот страх был одной из причин создания Европейской Конфедерации, в которой все европейские нации, за исключением России, отказались от своего суверенитета в пользу общей власти и фактически объединили свои вооружения. Внешне мотивом такого акта было стремление к миру; но Америка истолковала его как прямой вызов и отказалась от участия в Лиге Наций. Китай, «естественный враг» Америки, оставался в Лиге, надеясь использовать ее против своего соперника.

Снаружи Конфедерация на первый взгляд представлялась как тесно связанное целое, но изнутри, и это было известно, оно было непрочным и рушилось при каждом серьезном кризисе. Нет никакого смысла проследивать множество мелких войн этого периода, хотя их совокупный эффект был достаточно серьезен как с экономической, так и с психологической стороны. Европа в конце концов превратилась в нечто, напоминающее единственную сентиментальную нацию, хотя это единение было привнесено не столько общими целеустремлениями, сколько общим страхом перед Америкой.

Окончательная консолидация была результатом русско-германской войны, причина которой была отчасти экономической, а отчасти основанной на чувстве. Все народы Европы долгое время с ужасом наблюдали финансовое поглощение России Соединенными Штатами, и они опасались, что и им скоро придется погибнуть под той же тиранией. Предполагалось, что если уничтожить Россию, то это должно ранить Америку в самое чувствительное место. Но фактическая причина войны была из области чувств. Полвека спустя после англо-французской войны один из второсортных немецких авторов опубликовал типично немецкую, достаточно посредственную книгу. Поскольку каждая нация считала свои характеристики весьма высокими, то каждая была склонна к характерным ошибкам. Эта книга была одним из тех блестящих, но экстравагантных произведений, в которых все многообразие окружающего преподносилось лишь под одной формулой, с чрезвычайной детализацией и правдоподобием, хотя и с удивительным *простодушием*. Слишком чрезмерно проработанная в описании собственного надуманного мира, она была тем не менее относительно надуманной. В двух толстенных томах автор утверждал, что космос являет собой дуальную систему, в которой героический и, несомненно, нордический дух управляет (благодаря божественному праву) дисциплинированным, но тем не менее рабским — несомненно славянским — духом. Вся история и вся эволюция рассматривались с точки зрения обоснования этого принципа; и в настоящее время, говори-

лось там, славянский дух продолжает отравлять Европу. Раздражение Москвы большей частью было вызвано одной фразой, где говорилось об обезьяньем лице русского недочеловека.

Москва требовала извинений и запрещения книги. Берлин сожалел об оскорблении, но без всякой искренности, и настаивал на свободе слова. Затем последовало нарастание ярости в радиопередачах, а вслед за этим – война.

Подробности этой войны не имеют значения для постижения развития разума в Солнечной системе, но результаты ее были очень важными. Москва, Санкт-Петербург и Берлин были уничтожены атаками с воздуха. Вся западная часть России была обработана самым новейшим и самым смертельным отравляющим газом, так что не только была изничтожена вся флора и фауна, но также и вся земля между Черным и Балтийским морями превратилась на много лет в неплодородное и необитаемое пространство. Война окончилась через неделю, потому что сражающиеся стороны оказались разделенными колоссальной территорией, на которой ничто живое не могло существовать. Но последствия этой войны были долгими. Немцы запустили процессы, которые были не в силах остановить. Струи отравленного воздуха продолжали разноситься переменчивыми ветрами по всем странам Европы и Западной Азии. В это время стояла весна, но сохранившиеся на побережье Атлантики весенние цветы завяли еще в бутонах и каждый новый лист имел иссохший ободок. Людям досталось тоже, хотя из тех, кто спасся в районах, близлежащих к зоне военных действий, сильно пострадали лишь дети и старики. Яд распространился через весь континент гигантскими, гонимыми ветром прядями, широкими и волнующимися при каждом изменении ветра. И куда бы он ни отклонялся, здоровые глаза, дыхательные пути и легкие разъедались так же, как и листья.

Америка после многочисленных дебатов наконец-то решила защитить свои интересы в России, предприняв карательный поход против Европы. Китай тоже начал мобилизовывать свои силы. Но задолго до того, как Америка была готова нанести удар, новости о распространении по воздуху ядовитых веществ изменили ее политику. Вместо силового воздействия была оказана помощь. Это был прекрасный жест доброй воли. Но в то же время, как отмечали обозреватели в Европе, вместо затрат такой жест приводил к некоторой прибыли, потому что он ставил большую часть Европы под американский финансовый контроль.

Таким образом, результатом русско-германской войны стал тот факт, что Европа оказалась унифицирована по духу ненавистной Америкой и что европейский менталитет несомненно ухудшился. Это произошло отчасти благодаря эмоциональному влиянию самой войны, отчасти – социальным последствиям действия отравляющих веществ. Часть подрастающего поколения была непригодна для жизни. В течение тридцати лет, прошедших затем до начала европейско-американской войны, Европа была обременена высоким числом инвалидов. Высокообразованная интеллигенция встречалась в целом реже, чем раньше, и была определенно сконцентрирована на практических работах по восстановлению.

И еще более ужасным для человеческой расы был тот факт, что недавняя культурная инициатива русских по объединению западного интеллектуализма и восточного мистицизма теперь потерпела крах.

Глава II. Падение Европы

1. Европа и Америка

Через головы европейских племен два самых могущественных народа разглядывали друг друга с нарастающей неприязнью. Уж они-то могли, потому что один хранил самую древнюю и наиболее утонченную из всех сохранившихся культур, тогда как второй, самый молодой и наи-

более самоуверенный в величии своей нации, объявил ее новый формирующийся дух духом будущего.

На Дальнем Востоке Китай, теперь уже наполовину американизированный, хотя в значительной мере находившийся под влиянием России и полностью принадлежащий Востоку, терпеливо совершенствовал свои рисовые плантации, развивал железные дороги, поднимал промышленность и беспристрастно вел диалог со всем остальным миром. В давние времена, ведя борьбу за независимость, Китай многое перенял и многому научился у воинствующего большевизма. И после падения русского государства именно на Востоке продолжала жить русская культура. Ее мистицизм повлиял на Индию. Ее социальные идеалы повлияли на Китай. Это не означало, что Китай полностью унаследовал теорию и, в еще меньшей степени, практику коммунизма, но он научился в большей мере верить себя энергичной, преданной и в чем-то деспотичной партией и опираться на принципы общественного в большей мере, чем индивидуального. Однако он весь был пронизан индивидуализмом и, несмотря на попытки своих правителей, ускорял создание погрязшего в нищете и безысходности класса наемных рабов.

На Дальнем же Востоке Соединенные Штаты открыто заявляли о том, что являются стражами порядка на всей планете. Опасающиеся всех и всем завидующие, повсеместно почитаемые за их предприимчивость, однако повсюду широко презираемые за их самодовольство американцы очень быстро меняли сам характер человеческого существования. К этому моменту каждое человеческое существо на всей планете использовало американские продукты, и не было ни одного региона, где бы американский капитал не поддерживал местную рабочую силу. Более того, американская пресса, пластинки, кинематограф и телевизор непрестанно пропитывали планету американским образом мысли. Год за годом эфир разносил эхо нью-йоркских развлечений и религиозных страстей со Среднего Запада. И что удивительного в том, что Америка, даже будучи презираемой, неотвратимо сформировала по единому шаблону всю человеческую расу. Это, возможно, и не имело бы значения, будь Америка способна дать самое лучшее из того, чем она обладала. Но неизбежно из этого распространялось только все наихудшее. Только наиболее грубые особенности этого потенциально великого народа могли овладеть умами иностранцев посредством таких несовершенных инструментов. И поэтому из-за этого ядовитого влияния, исходящего от основоположников вот такого человеческого общества, весь мир, а вместе с ним и наиболее благородные и знатные представители самой Америки были безвозвратно испорчены.

Потому что все лучшее Америки было слишком слабо, чтобы противостоять худшему в ней же. Разумеется, американцы сделали достаточный вклад в развитие человеческой мысли. Они помогли раскрепостить философию, освободив ее от древних пут. Они продвигали науку благодаря чрезмерно многочисленным и точным опытам. В астрономии, поддерживаемой их дорогими приборами и чистой атмосферой, они сделали очень многое, чтобы показать расположение звезд и галактик. В литературе, хотя зачастую они и вели себя как варвары, они также представили новые образцы выразительности и движения мысли, не без труда признанной в Европе. Они же, кроме того, создали новые и выдающиеся образцы архитектуры. И их гений организации, работавший в едва мыслимых для человечества масштабах, оставался исключительно практическим. По сути, их лучшие умы взглянули на старые проблемы теории и оценки со свежим простодушием и смелостью, так что мрачные покровы суеверий срывались в любом месте, куда бы американцы ни обратили свой взор. Но эти лучшие представители нации были все же меньшей частью гигантской массы своеобразных обманщиков, в которых, что поразительно, застарелые религиозные догмы соревновались с неудержимым оптимизмом молодости. По существу, это была очень яркая раса, но заторможенная, незрелая. Им чего-то не хватало, чего-то такого, что должно было бы обеспечить рост. Тот, кто обращает свой взор назад, сквозь целые эпохи, к этому далекому от него народу, может видеть, как судьба этих людей была переплетена с обстоятельствами их жизни и с их характером, и может признать за

мрачную шутку, что те, кто казался самому себе обладающим достаточными способностями и талантами для омоложения и перестройки планеты, неминуемо должны были ввергнуть ее, через духовное опустошение, в преждевременное угасание и вековую тьму.

Это было неизбежно. Однако и там были люди с уникальными задатками, одаренные от природы гораздо выше остальных. Это была раса, слившаяся из всех других рас и обладавшая более искрометным умом, чем все остальные. В ней были смешаны и англосаксонское упрямство, и тевтонская гениальность в вопросах детализации и систематизации, и итальянское веселье, и глубокая пылкость Испании, и более изменчивая страстность кельтов. Здесь же присутствовала чувствительная и мятущаяся душа славянина, пышущая молодостью примесь негроидов, слабый, но искусно влияющий след индейца и разбросанные в сторону Запада капли монгольской крови. Общая нетерпимость, без всяких сомнений, изолировала до некоторой степени эти столь несхожие между собой расы; однако в целом это был скорее один народ, гордившийся своей индивидуальностью, своим успехом, своей идеалистической миссией в мире, а также своим оптимистическим и антропоцентрическим взглядом на вселенную. Чего только не могла достигнуть эта энергия, будь она более разумно направлена, будь она вынуждена заботиться о более серьезных, угрожающих жизни проблемах! Прямой трагический опыт мог бы, вероятно, раскрыть сердца этих людей. Общение с более зрелой культурой могло бы облагородить их интеллект. Но сам успех, который опьянял их, делал их при этом слишком самодовольными, чтобы брать уроки у менее преуспевающих соперников.

Однако наступил момент, когда эта замкнутость должна была закончиться. Пока Англия оставалась серьезным экономическим соперником, Америка неизбежно смотрела на нее с большим подозрением. Но когда было обнаружено, что Англия вполне определенно находится в экономическом упадке, хотя в культурном отношении все еще пребывает в зените, Америка проявила более активный интерес к самой последней и самой серьезной фазе английских проблем. Наиболее разумные американцы сами начали вполголоса говорить о том, что, возможно, их непревзойденный успех не был, в конце концов, хорошим основанием ни для их собственного духовного богатства, ни для мировых моральных устоев. Малочисленная, но упорная группа писателей начала утверждать, что Америке не хватает самокритичного подхода, что она не способна замечать насмешки в собственный адрес и что она фактически совершенно лишена той беспристрастности и смирения, которые были прекраснейшими, хотя и самыми редкими, настроениями для современной Англии. Это движение могло бы положительно повлиять на американский народ, который нуждался в смягчении собственного варварского эгоизма и должен был еще раз прислушаться к тишине за пределами шумного человеческого пространства. Еще раз, потому что только недавно они всерьез были оглушены настойчивым шумом их собственного материального успеха. И, разумеется, рассеянные по континенту в течение всего этого периода многочисленные робкие очаги истинной культуры ухитрялись держать свои головы над поднимавшейся волной невежества и суеверий. Это были те, кто ожидал от Европы помощи и делал попытку объединения, когда Англия и Франция окончательно запутались в этом разгуле страстей и убийств, которые истребили так много их лучших умов и перманентно ослабили их культурное влияние.

После них Европу представляла Германия. И Германия была слишком серьезным экономическим соперником для Америки, чтобы поддаться влиянию этой страны. Более того, немецкий критицизм, хотя зачастую и слишком эмоциональный, был ужасно педантичен, чересчур в малой степени ироничен, чтобы пробить шкуру американского самодовольства. Поэтому так случилось, что именно Америка все дальше и дальше втягивалась в американизацию. Огромное богатство и промышленность, а также яркая изобретательность были сконцентрированы на незрелых намерениях. В частности, вся американская жизнь была построена на культе всемогущего индивидуализма, того иллюзорного идеала, который сама Европа только начала выращивать в последней фазе своего развития. Те из американцев, кому не уда-

лось реализовать этот идеал, кто остался у подножия социальной лестницы, или утешали себя надеждами на будущее, или украдкой добивались символического удовлетворения, отождествляя себя с одной из популярных звезд, или гордились своим американским гражданством и восхищались в высшей степени наглой международной политикой своего правительства. Те, кто достиг власти, были вполне удовлетворены, пока они могли хотя бы просто удерживать ее, и в обычной самоуверенной манере подчеркивали, что ее положение вне всякой критики.

И было почти неизбежно, что, когда Европа восстановилась после русско-германской катастрофы, она должна была вступить в драку с Америкой, потому что она уже давно истиралась под седлом американского финансового капитала, и повседневная жизнь европейцев становилась все более и более стиснутой присутствием широко распростершейся и высокомерной иностранной «аристократии», представлявшей американских деловых людей. Одна лишь Германия была относительно свободна от этого засилья, потому что она сама все еще обладала большой экономической мощью. Но и здесь не в меньшей степени, чем где-то еще, происходили постоянные трения с американцами.

Разумеется, ни Европа, ни Америка не желали войны. Каждая сторона отчетливо понимала, что война будет означать конец делового процветания, а для Европы, возможно, и вообще конец всего, потому что было известно, что разрушительная сила человека слишком возросла за последнее время и что если бы война стала неминуемой, то более сильная сторона могла бы уничтожить другую. Но в конце концов неизбежно возник нужный «инцидент», пробудивший слепую ярость по обе стороны Атлантики. Убийство в Южной Италии, несколько опрометчивых заявлений в европейской прессе, оскорбительные ответные меры в американской, сопровождаемые линчеванием на Среднем Западе итальянца, бесконтрольное убийство американских граждан в Риме, решение послать американский воздушный флот для оккупации Италии, перехват его объединенным европейским воздушным флотом – и война оказалась в самом разгаре прежде, чем о ней успели объявить. Эта воздушная акция, возможно и неудачная для Европы, закончилась кратковременной задержкой американского продвижения. Враг сдержал свой темперамент и приготовился к сокрушительному удару.

2. Истоки загадки

Пока американцы мобилизовывали все свои военные силы, произошло весьма интересное событие этой войны. Так случилось, что международное общество ученых проводило свою встречу в Англии, в Плимуте, и молодой китайский физик выразил желание сделать доклад на отдельной секции. Он занимался поисками средств для использования субатомной энергии до полного распада вещества, и самым интересным было то, что, согласно установленному протоколу, сорок международных представителей отправились на северное побережье Девона и встретились на голом мысе под названием Хартланд-пойнт.

Стояло ясное утро после только что прошедшего дождя. На одиннадцать миль к северо-западу скалы острова Ланди просматривались с необычной четкостью отдельных деталей. Над головами участников кружились морские птицы, в то время как они сами расселись на плащах, разложенных на ошипанной кроликами траве.

Это была замечательная компания, в которой каждый из присутствующих был уникальной личностью, однако в некоторой степени характеризовался собственным национальным типом. И все определенно были «столпами науки» своего времени. Прежде бы предполагалось, что среди них преобладает бескомпромиссная склонность к материализму и притворное проявление цинизма; но сейчас этому на смену пришло открытое притворство и непререкаемая вера в то, что все природные явления есть выражение космического разума. Всякий раз, когда человек выходит за пределы своих собственных серьезных научных работ, он выбирает даль-

нейшие убеждения весьма легкомысленно, согласно собственному вкусу, так же, как выбирает себе развлечение или пищу.

Из присутствовавших мы могли бы выделить одного-другого для подробного рассмотрения. Немец, антрополог, продукт давно установившегося культа физического и духовного здоровья, пытающийся выразить в собственной атлетической персоне черты, присущие человеку нордической расы. Француз, старый, но все еще блестящий психолог, чье необычное хобби заключалось в коллекционировании оружия, древнего и современного, относился к работе секции с добродушным цинизмом. Англичанин, один из немногих сохранившихся интеллектуалов своей расы, компенсировал серьезное изучение физики едва ли менее серьезным увлечением изучением истории английских бранных выражений и сленгов и восторгал своих коллег продуктами собственного мастерства. Президентом научного общества был биолог из Западной Африки, известный своими опытами по межвидовому скрещиванию человека и обезьяны.

Когда все расселись, Президент объяснил цель этой встречи. Использование субатомной энергии было уже реализовано, и они должны были присутствовать при демонстрации.

Затем поднялся молодой монголоид и достал из ящика прибор, напоминавший скорее старинное ружье. Показывая этот предмет, он в дальнейшем заговорил с тем причудливым высокопарным формализмом, который сразу выдавал в нем хорошо образованного китайца. «Прежде чем описать детали моего весьма тонкого и деликатного процесса, я поясню вам его важность, показав, что может быть сделано в конечной реализации. Я не только могу инициировать аннигиляцию вещества, но я также могу сделать это на расстоянии и в точно выбранном направлении. Более того, я могу заблокировать процесс. Как средство разрушения мой прибор совершенен. Как источник энергии для созидательных работ человечества он имеет неограниченный потенциал. Джентльмены, это величайший момент в истории Человека. Я почти готов предоставить в руки организованного разума средства для того, чтобы остановить любые человеческие междоусобные конфликты. С этого момента это великое Общество, *элитой* которого вы являетесь, будет благотворно править планетой. С помощью этого маленького прибора вы остановите нелепую войну и с помощью другого, который я собираюсь вскоре закончить, вы неограниченно распределите промышленную энергию повсюду, где, на ваш взгляд, она нужна. Джентльмены, с помощью вот такого ручного прибора, который я имею честь демонстрировать, вы становитесь почти абсолютными хозяевами этой планеты».

Тут представитель Англии пробормотал один из архаизмов, значение которого было знакомо только ему самому: «С нами Бог!» В умах некоторых из тех иностранцев, которые не были физиками, это необычное в данной ситуации выражение было принято за технический термин, имеющий какую-то связь с новым источником энергии.

Китаец тем временем продолжал. Повернувшись в сторону острова Ланди, он заметил: «Этот остров больше не является населенным и представляет лишь некоторые затруднения для судоходства, поэтому я уберу его». При этом он направил свой прибор на эту удаленную скалу, не переставая давать пояснения: «Вот это спусковое устройство должно возбудить элементарные отрицательные и положительные заряды, которые сконцентрируют атомы в определенной точке обращенной к нам поверхности скалы, чтобы уничтожить друг друга. Эти возбужденные атомы будут воздействовать на своих соседей, и таким образом до бесконечности. Вот это, второе спусковое устройство тем не менее должно остановить возникшую аннигиляцию. Откажись я от использования его, процесс, вполне естественно, будет продолжаться бесконечно, возможно до тех пор, пока не будет разрушена вся планета».

Среди наблюдателей последовало беспокойное движение, но молодой человек тщательно прицелился и нажал в быстрой последовательности оба спусковых устройства. Прибор не издал никакого звука. Не было заметно и никакого видимого воздействия на спокойной поверхности острова. У англичанина начал было вырываться булькающий смех, но тут же захлебнулся. Потому что на удаленной от наблюдателей скале появилось ослепительное пятно света. Оно

увеличивало свои размеры и яркость, пока все присутствующие уже не смогли продолжать наблюдение. Пятно осветило нижние кромки облаков и «стерло» солнечные тени от кустов, росших рядом с наблюдателями. Весь обращенный к побережью край острова являл собой невыносимо палящее солнце. Вскоре, однако, его неистовство было прикрыто облаками пара, поднявшегося от вскипевшего моря. Затем, совершенно неожиданно, весь остров, эти три мили крепчайшего гранита, развалился на куски, так что все скопление огромных скал отлетело к небесам, а ниже медленно набухал гигантский гриб из мельчайших обломков. И после этого появился звук. Уши всех присутствующих были зажаты руками, в то время как глаза все еще напряженно наблюдали за заливом, окутанным белизной и градом камней. А тем временем от центра этого возмущения надвигалась огромная волна. Было видно, как она поглотила каботажное судно и направилась дальше, в сторону Бидефорда и Барнстепля.

Наблюдавшие вскочили на ноги, громко крича, в то время как молодой автор этого неистовства с торжествующим видом наблюдал происходящее и с некоторым удивлением воспринимал масштабы этих очевидных последствий открытого им процесса.

Научная встреча теперь была перенесена в ближайший храм, чтобы заслушать доклад об этом исследовании. К тому времени, когда участники заполнили помещение, пар и дым рассеялись и море плескалось на том пространстве, что недавно занимал Ланди. Внутри храма была со всеми подобающими приличиями расположена огромная Библия и широко распахнуты окна, чтобы отчасти разогнать застоявшийся запах святынь. Потому что, хотя скороспелые и весьма хитроумные толкования теории относительности и квантовой теории и приучили людей науки относиться к религии всего лишь с уважением, многие из них все еще сохраняли некоторое почтение, а некоторые все еще были склонны к нервному удушью, когда на самом деле оказывались в присутствии святынь. Когда ученые разместились на древних и жестких скамьях, Президент объяснил, что церковные власти любезно позволили провести здесь их заседание, полагая, что, с тех пор как люди науки мало-помалу открыли духовные основы физического, наука и религия впредь должны стать близкими союзниками. Более того, целью этого заседания было обсуждение тех величайших загадок, раскрыть которые было бы триумфом науки, а приспособить и приукрасить – делом религии. Затем Президент похвалил молодого открывателя энергии с победой и попросил его выступить.

Тут, однако, вмешался престарелый представитель Франции и получил слово. Родившийся почти сто сорок лет назад и сохранившийся скорее благодаря природной силе духа, чем всевозможным уловкам регенерации, этот старец, казалось, вознамерился говорить о далекой и более разумной эпохе. Потому что в период отмирания цивилизации очень часто находится кто-то из стариков, кто смотрит далеко вперед и при этом самым живым и проницательным взглядом. Он сделал отчасти длинное, напыщенное, однако весьма аргументированное заявление, состоявшее в следующем: «Без всякого сомнения, мы представляем здесь интеллектуальный потенциал нашей планеты, и тот факт, что нам доверено быть участниками этой встречи, говорит о нашей сравнительной честности. Но, увы, мы всего лишь люди. Мы время от времени делаем мелкие ошибки и допускаем мелкое неблагоразумие. Обладание такой силой, каковая была предложена нам, не принесет мира на землю. Напротив, оно будет сохранять национальную ненависть. Оно ввергнет мир в смятение и беспорядок. Оно подорвет нашу собственную чистоту и сделает из нас тиранов. Более того, оно разрушит науку. А затем... Итак, когда в конце концов, из-за какой-нибудь маленькой ошибки, мир разлетится на куски, не будет ничего печальнее этого события. Я знаю, что Европа почти определенно должна быть разрушена этими энергичными, но, пожалуй, слишком испорченными детьми с противоположной стороны Атлантики. Но альтернатива еще тревожнее, чем это возможное несчастье. Нет, сэр! Ваша столь великолепная игрушка может оказаться истинным подарком для развитого ума, но для нас, все еще находящихся на стадии варварства... нет, этого не должно быть. И поэтому, с глубоким сожалением, я прошу вас уничтожить ваше изделие и, если только это возможно,

саму вашу память о столь чудесном исследовании. И, наконец, самое важное: даже вполголоса не говорите о своем исследовании ни нам, ни кому-либо из людей».

После него свой протест выразил немец, указывая, что отказ будет признаком малодушия. Он быстро описал свой взгляд на мир, организованный под управлением соответствующим образом организованной науки и воодушевленный научно же организованной религиозной догмой. «Несомненно, – сказал он, – отказаться от этого означало бы отказаться от Божьего дара, от дара того самого Бога, чье присутствие в мельчайших проявлениях мы так недавно и так удивительно открыли». Последовали и другие выступления, как за, так и против, но вскоре стало ясно, что превалировал все-таки здравый смысл. Разумеется, в этот период ученые были, конечно же, космополитами по духу. Они были так далеки от национализма, что даже при таком благоприятном случае представитель Америки подстрекал к созданию оружия, хотя оно и могло бы быть использовано против его собственных соотечественников.

В заключение, однако, и фактически тайным голосованием, совещание, отдавая глубокое уважение китайским ученым, предложило, даже более – распорядилось, что прибор и все связанные с ним расчеты должны быть уничтожены.

Тогда молодой человек встал, достал из ящика свое изделие и повертел его в руках. Он так долго стоял в тишине, уставившись на свой прибор, что собравшиеся начали проявлять беспокойство. Однако наконец он заговорил: «Я должен следовать решению этого собрания. Да, слишком тяжело разрушить плоды десятилетнего труда, даже такие. Я ожидал получить благодарность и признательность человечества, но вместо этого я оказался отверженным». Он сделал еще одну паузу. Пристально глядя в окно, он достал из кармана полевой бинокль и некоторое время изучал небо на западе. «Да, это американцы. Джентльмены, приближается американский воздушный флот».

Собравшиеся повскакивали и столпились у окон. Высоко в небе на западе, с севера на юг, показалась растянутая линия точек. Заговорил англичанин: «Ради бога, используйте еще раз свой проклятый инструмент, или Англия будет погублена. Они, должно быть, уже разделились с нашими парнями над Атлантикой».

Ученый-китаец обратил свой взор к Президенту. Последовал общий крик: «Остановить их!» Запротестовал только француз. Представитель Соединенных Штатов повысил голос и сказал: «Это мой народ. Там, в небе, есть и мои друзья. Возможно, там мой собственный сын. Но они обезумевшие. Они собираются сделать нечто страшное и ужасающее. Они в таком состоянии, что готовы линчевать. Остановите их». Китаец все еще пристально смотрел на Президента, и тот кивнул. Француз упал, заливаясь старческими слезами. Затем молодой человек, склонившись над подоконником, тщательно прицелился по очереди в каждую черную точку. Одна за другой они превращались в ослепительные звезды, а затем исчезали. В храме наступила долгая тишина. Затем послышался шепот, и в сторону китайского ученого направились взгляды, выражавшие неприязнь и страх.

На соседнем поле последовала торопливая церемония. Был зажжен костер. Прибор и не менее смертоносная рукопись были сожжены. А затем печальный молодой китаец, настойчиво пожимавший всем руки, сказал: «Я не должен жить, если во мне продолжает жить моя тайна. Однажды более достойная раса вновь сделает такое открытие, но сегодня я представляю опасность для планеты. И поэтому я, столь глупо не замечавший, что живу среди дикарей, позволю себе, следуя древней мудрости, умереть». И с этими словами он упал замертво.

3. Европа убита

Радио и молва разнесли слух об этом по всему миру. Был загадочно взорван целый остров. Американский воздушный флот загадочно уничтожен в воздухе. И по соседству с тем местом, где эти события произошли, известнейшие ученые собирались на свою конференцию.

Европейское правительство тщательно искало неизвестного спасителя Европы, чтобы поблагодарить его и применить его открытие для собственной пользы. Президент научного общества представил состав участников встречи и итоги тайного голосования. Он и его коллеги были незамедлительно арестованы и было применено «давление», сначала моральное, а затем и физическое, чтобы заставить их открыть секрет, потому что мир был уверен, что они действительно знали его и удерживали при себе для своих собственных целей.

Между тем стало известно, что командующий американскими военно-воздушными силами, после того как разгромил европейский воздушный флот, получил инструкции только лишь «покружиться» над Англией, пока будут идти переговоры о мире. Потому что в Америке представители большого бизнеса угрожали правительству бойкотом, если над Европой будет произведено чрезмерное насилие. Большой бизнес был весьма интернационален в своем мнении, ему было ясно, что разрушение Европы должно неминуемо расстроить американские финансы. Но беспрецедентное бедствие с победоносным воздушным флотом ввергло американцев в слепую ярость, и партия мира на время затихла. Поэтому так и вышло, что оборонительные действия одного китайского ученого не только не спасли Англию, а, наоборот, обрекли ее.

В течение нескольких дней европейцы жили в паническом страхе, не представляя себе, какой ужас может обрушиться на них в любой момент. И потому неудивительно, что правительство прибегло к пыткам, чтобы вытянуть из ученых их секрет. Как нет ничего удивительного и в том, что из сорока лиц, причастных к произошедшему, один, и это был англичанин, спас себя, прибегнув к обману. Он пообещал сделать все возможное, чтобы «вспомнить» тот сложный и запутанный процесс. Под строгим наблюдением он использовал свои собственные знания физики, чтобы провести эксперимент в поисках китайского эффекта. Однако, к счастью, он был на ложном пути. И, разумеется, он знал это. Хотя его первым мотивом было всего лишь самосохранение, позже он стал следовать методике непрерывного предотвращения опасного открытия путем направления исследований в тупик. И таким образом его измена в виде одной лишь симуляции попытки повторения в качестве наиболее известного физика, при проведении исследований в абсолютно безнадежном направлении, спасло эту недисциплинированную и с трудом похожую на человеческую расу от уничтожения ее собственной планеты.

Американцы же, обычно избегающие чрезмерностей, теперь оказались охвачены коллективным безумием от ярости к англичанам и всем европейцам, вместе взятым. С холодной расчетливостью они залили Европу самым новейшим и самым смертоносным газом, чтобы отравить всех людей в их городах, словно крыс в собственных норах. Примененный газ был такого свойства, что сила его воздействия должна была иссякнуть через три дня. Поэтому американские санитарные службы могли занимать любой крупный город через неделю после атаки. Из тех, кто первым вступил в глубочайшую тишину уничтоженных городов, многие были повергнуты в смятение от присутствия несметного числа мертвых людей. Первоначально газ действовал на уровне земли, но затем, поднимаясь как морская волна, поглотил верхние этажи, остроконечные шпили, высокие холмы. И потому, в то время как на улицах лежали тысячи тех, кто был захвачен первыми волнами отравы, каждая крыша или бельведер хранили тела тех, кто с трудом поднимался вверх в тщетной надежде сбежать за верхнюю границу досягаемости надвигающейся волны. Когда же появились оккупанты, им оставалось созерцать лишь вытянутые во весь рост и искривленные фигуры.

Вот так умерла Европа. Все центры интеллектуальной жизни были разрушены, а из сельскохозяйственных районов оказались нетронутыми лишь высокие нагорья и горные вершины. С этого момента европейский дух жил, лишь частично и в самом извращенном виде, в умах американцев, китайцев, индийцев и всех остальных.

Разумеется, остались еще и английские колонии, но в тот момент они были менее европейскими, чем американскими. Несомненно, эта война уничтожила Британскую Империю.

Канада объединилась с Соединенными Штатами. Южная Африка и Индия заявили о своем нейтралитете в момент возникновения войны. Австралия, хотя и не из-за малодушия, а лишь из-за противоречия в чувствах привязанности, тоже вскоре заняла нейтралитет. Новозеландцы закрепились в своих горах и поддерживали безумное, но героическое сопротивление почти в течение года. Простой и храбрый народ, они почти не имели представления о духовности Европы, однако, по непонятным причинам и несмотря на их значительную американизацию, были преданы ей или, по крайней мере, символу, выражавшему одну из сторон европеизации, заключенному в слове «Англия». Разумеется, их преданность была столь экстравагантной, что когда дальнейшее сопротивление стало невозможно, то многие из них, как мужчины, так и женщины, предпочли покончить с собой, но не покориться.

Но самую длительную агонию в этой войне пережили не потерпевшие поражение, а победители. Потому что, когда охладилась их страсть, американцам не удалось так легко скрыть от себя тот факт, что они совершили убийство. В душе они были не жестокими людьми, а скорее мягкими. Им нравилось думать о мире как о месте сплошных невинных наслаждений, а о самих себе как о главных поставщиках удовольствия. Однако они так или иначе были втянуты в это немыслимое преступление, и с этого времени всепроникающее чувство коллективной вины исказило американское сознание. Они всегда были хвастливы и фанатичны; теперь же эти качества в них стали непомерны, даже до безумия. Как индивидуально, так и все вместе они стали всё больше бояться критики, всё более подвержены отвращению и стыду, всё более лицемерны, всё более враждебны критическому разуму, всё более суеверны.

Таким образом, этот когда-то благородный народ был избран богами, чтобы быть проклятым и стать посланником бедствий.

Глава III. Америка и Китай

1. Соперники

После падения Европы условные культурные зависимости людей постепенно кристаллизовались в два больших национальных или расовых центра духовной привязанности, олицетворяемых американцами и китайцами. Постепенно все другие проявления патриотизма стали не более чем частными случаями одного или другого из этих двух главных столпов благонадежности. Поначалу, разумеется, было множество разрушительных междоусобных конфликтов. Подробная история этого периода должна бы описать, как именно Северная Америка, повторяя процессы теперь уже древней «американской гражданской войны», объединила внутри себя американизированные к этому времени страны Латинской Америки на Южно-Американском материке; и как Япония, когда-то угрожавшая развивающемуся Китаю, получила такой урон от социальных революций, что пала жертвой американского империализма; и как эта зависимость настолько сильно повлияла на ее духовную привязанность к китайцам, что в конце концов Япония освободила себя путем героической войны за независимость и присоединилась к возглавляемой Китаем Азиатской Конфедерации.

Полная история рассказала бы также о превратностях Лиги Наций. Хотя она никогда не являлась правительством космополитов, а была лишь ассоциацией национальных правительств, каждое из которых отстаивало главным образом собственные интересы, эта громадная организация постепенно приобрела вполне реальный престиж и влияние на всех своих членов. И несмотря на множество недостатков, большинство которых были обусловлены ее базовым уставом, она была бесценна как большой реальный центр, где фокусировались интересы всего человечества. Вначале ее существование было весьма условным, и она со всей осторожностью лишь поддерживала себя, доходя едва ли не до подобострастия по отношению к «высшим

силам». Однако постепенно она приобрела моральный авторитет такой степени, что никакая сила, даже самая могущественная, не отваживалась открыто и хладнокровно проигнорировать решение Лиги или отклонить решение Верховного суда. Но поскольку человеческие интересы носили характер скорее национальный, чем космополитический, очень часто случались ситуации, в которых нация теряла голову, впадала в буйство, нарушала свои обещания и бросалась в подстегиваемую страхом агрессию. Такая ситуация и вызвала англо-французскую войну. В другие времена нации распались бы на два больших лагеря, и Лига была бы временно забыта в связи с их разногласиями. Именно это случилось во время русско-германской войны, оказавшейся возможной только благодаря тому, что Америка предпочитала поддерживать Россию, а Китай благоволил Германии. После разрушения Европы мир некоторое время большей частью делился на Лигу и на Америку. Но Лига была полностью под властью Китая и больше не отстаивала космополитические интересы. Дело обстояло именно таким образом, и те, чья преданность интересам человечества была неподдельной, из всех сил старались вернуть Америку в общее содружество и в конце концов добились успеха.

Несмотря на поражение Лиги в попытках противостоять «великим» войнам, она превосходно справлялась с предотвращением всех малых конфликтов, которые некогда были хронической болезнью человеческой расы. Под конец, разумеется, мир на планете был бы надежно защищен, если бы сама Лига не была бы разделена почти на равные половины. К несчастью, с подъемом Америки и Китая эта ситуация стала все более и более обычной. В период войны между Северной и Южной Америкой была сделана попытка воссоздать Лигу как верховную международную власть, контролирующую объединенные вооруженные силы всех наций. Но хотя стремление к космополитизму и было велико, племенное обособление было сильнее. Результатом стало то, что по настоянию японцев Лига фактически раскололась на две Лиги, каждая из которых заявляла о наследовании верховной власти в международных делах от старой Лиги, но каждая на самом деле находилась под влиянием одного из полюсов сверхнационального интереса: одна – американского, другая – китайского.

Это произошло через сотню лет после падения Европы. Следующее столетие завершило процессы формирования двух систем, политических и духовных. С одной стороны выступала богатая и сплоченная Американская Континентальная Федерация с ее бедными родственниками – Южной Африкой, Новой Зеландией, полуразрушенными остатками Западной Европы и частью лишенного сердца тела, которым была Россия. С другой стороны были Азия и Африка. На деле древнее характерное различие между Востоком и Западом стало теперь основой политического чувства и организации.

Внутри каждой из систем существовали, без всякого сомнения, реальные культурные различия, главными из которых были различия между китайским и индийским менталитетом. Китайцы были заинтересованы в видимости, в утонченности, в прагматизме, в то время как индийцы были склонны искать за видимостью некую предельную реальность, для которой эта жизнь, как они говорили, была всего лишь преходящим аспектом. Так, обычный индеец никогда не принимал близко к сердцу никакую практическую социальную проблему, при всей ее серьезности. Идея совершенствования этого мира никогда не была для него всепоглощающим интересом – с тех самых пор, как он приучился верить, что этот мир являлся всего лишь тенью. Было, разумеется, и такое время, когда Китай имел меньшую духовную связь с Индией, чем с Западом, но страх перед Америкой притянул друг к другу эти два великих народа. По меньшей мере, они были всерьез единогласны в своей ненависти к этой смеси коммерческого туризма, миссионерства и варварского завоевания, что повсюду воплощали собой американцы.

Китай, отдавая дань своей относительной слабости и раздражению, вызванному распространившимися внутри него щупальцами американской индустрии, в это время был более националистичным, чем его соперник. Америка, естественно, открыто заявляла, что переросла национализм и олицетворяет политическое и культурное единство мира. Но она понимала это

единство как единство под руководством Америки, а под культурой подразумевала американский образ жизни. Такой вид космополитизма принимался и Азией, и Африкой без всякой симпатии. В Китае были предприняты согласованные действия с целью искоренения иностранных элементов из его культуры. Успех этих действий, однако, был лишь поверхностным. Косички и палочки для еды снова вошли в моду среди паразитирующей части населения, и изучение китайской классики стало обязательным во всех школах. Однако образ жизни обычного среднего человека оставался американским. Не только потому, что он использовал американские столовые приборы, обувь, граммофоны, бытовую технику, но при этом его алфавит был европейский, его словарный запас был пропитан американским сленгом, его газеты и радио были в той же мере американскими, хотя и антиамериканскими по политическому содержанию. Он ежедневно наблюдал на своем домашнем телеэкране все особенности американской личной жизни и каждое американское общественное событие. Вместо опиума и китайских палочек он пристрастился к сигаретам и жевательной резинке.

Образ его мыслей также большей частью был монголоидным вариантом американского мышления. Например, его мышление не было метафизическим, но поскольку некоторое присутствие метафизики является неизбежным, то он простодушно воспринял материалистическую метафизику, которую широко распространили ранние большевики. С этих позиций единственной реальностью была физическая энергия, и разум был всего лишь одной из систем управления телом, отвечающей за реакции на внешние раздражения. Бихевиоризм играл некогда большую роль в очищении лучших западных умов от суеверий, и одно время он был главным развивающимся острием мысли.

Эта ранняя, веская, хотя и экстравагантная, доктрина была тем, что поглотило Китай. Но на своей родине бихевиоризм был постепенно инфицирован, благодаря всеобщей потребности в удобных идеалах, и окончательно видоизменился в странный вид спиритизма, согласно которому отдаленная реальность была, без всяких сомнений, физической энергией, и эта энергия была отождествлена с божественным духом. Наиболее драматической чертой американской мысли в этот период было соединение бихевиоризма и фундаментализма, устаревшего и выродившегося вида христианства. Бихевиоризм сам по себе, разумеется, был разновидностью вывернутой пуританской веры, согласно которой интеллектуальное спасение включало признание сырой материалистической догмы, главным образом потому, что она была несовместима с лицемерием и непонятна интеллектуалам ранних философских школ. Более старые пуритане подавляли все плотские страсти; эти же, новые, подавляли с не меньшим самодовольством страсти духовные. Но при все возрастающем уклоне в сторону спиритизма самого естества бихевиоризм и фундаментализм нашли точку соприкосновения. Поскольку отдаленная материя физического мира была объявлена теперь многообразной и произвольной «частью» деятельности «духа», то какое удобство это создавало для согласия между материалистами и спиритуалистами! В основе, несомненно, они никогда не расходились так далеко, хотя и были противниками в теории. Настоящее же расхождение было между действительно духовным подходом, с одной стороны, и смешанным, духовно-материалистическим, – с другой. Поэтому большинство материалистов из христианских обществ и большая часть доктринеров из кругов ученых не слишком долго искали формулу для выражения собственного единства, их отказа от всех тех витиеватых и пышных положений, которые выступали как характеристика человеческого духа.

Два этих убеждения были едины в их отношении к исходному физическому движению. И здесь лежит глубочайшая разница между мышлением американцев и китайцев. Для первых деятельность, любой вид деятельности был сам по себе конечным итогом; для вторых деятельность была всего лишь продвижением к истинному конечному итогу, которым являлся отдых и умиротворение разума. Действие должно быть предпринято лишь тогда, когда нарушалось

равновесие. И в этом отношении Китай был един с Индией. Оба предпочитали созерцание действию.

Поэтому в Китае и в Индии страсть к богатству была менее сильной, чем в Америке. Богатство было силой, необходимой, чтобы приводить в движение людей и объекты, и в Америке, вследствие этого, богатство откровенно считалось тенью Бога, божественным духом, вложенным в человека. Бог был высший хозяин, вселенский Работодатель. Его мудрость представлялась как колоссальная активность, его любовь – как необыкновенная щедрость к своим работникам. Рассказы о талантах стали краеугольным камнем образования, и, по этим причинам, быть богатым означало быть почитаемым в качестве одного из главных посредников самого Бога. Типичным американцем, представлявшим большой бизнес, был тот, кто в окружении демонстрируемой им роскоши в глубине души оставался аскетом. Он ценил свою славу только потому, что она доказывала остальным людям, что он относится к числу избранных. Типичным же представителем богачей из Китая был тот, кто наслаждался своей роскошью, проявляя тонкий неизменный вкус, и был крайне редко склонен жертвовать им ради всего лишь желания добиться власти.

С другой стороны, поскольку американская культура была тесно связана с ценностями жизни индивидуума, она была более чувствительна, чем китайская, к благосостоянию простых людей. По этой причине условия в промышленности при американском капитализме были куда лучше, чем при китайском. А в Китае оба эти вида капитализма существовали бок о бок. Там были американские заводы, использующие американскую систему, где китайские рабочие процветали, но были и китайские заводы, на которых рабочих можно было сравнить с наемными рабами. Тот факт, что большинство китайских промышленных рабочих не могли получить возможность купить автомобиль, не говоря уже об аэроплане, был источником самодовольного возмущения среди американских работодателей. А то обстоятельство, что этот факт не вызывал никакой революции в Китае и что китайские предприниматели были способны обеспечивать избыток трудовых ресурсов, несмотря на лучшие условия работы на американских заводах, само по себе являлось источником замешательства и недоумения. Но на самом деле то, чего хотел средний китайский рабочий, – не чисто символическая самоуверенность при управлении находящимися в частной собственности машинами, а уверенность в будущей жизни и действительно свободное время. На ранних стадиях формирования «современного» Китая, разумеется, возникали серьезные возмущения классовой ненависти. Почти каждый крупный китайский промышленный центр, в какой-то из моментов своего развития, громил своих работодателей и объявлял себя независимым коммунистическим городом-государством. Но коммунизм был чужд Китаю, и ни один из этих экспериментов не имел постоянного успеха. В итоге, когда правление Национальной Партии стало уверенным и надежным и всем проявлениям зла в промышленности был положен конец, классовое чувство уступило место политической ненависти к американскому вмешательству и американскому мошенничеству, и тех, кто работал под американским началом, очень часто стали называть предателями.

Национальная Партия, разумеется, не была выразителем духа Китая, но она была как бы центральной нервной системой, внутри которой дух осуществлял контроль как руководящий принцип. Партия была чрезвычайно практической, но в то же время и идеологической организацией, и в ней на равных правах гражданская служба сочеталась с религиозной дисциплиной, при этом партия всеми силами противодействовала любому виду религии. Созданная первоначально по образцу большевистской партии России, она, кроме того, черпала идеи из местной и описанной в литературе организации службы в старом Китае и зачастую даже из традиций объединенной администрации, которая была лучшим и основным вкладом Британской империи на Востоке. Поэтому, следуя собственному курсу, Партия приближала идею духовных правителей. Чтобы в обычном порядке быть принятым в Партию, необходимо было сделать две вещи: пройти очень трудный письменный экзамен по западным и китайским общественным наукам

и пройти пятилетний срок обучения реальной административной работе. Вне Партии Китай был по-прежнему чрезвычайно пронизан коррупцией, потому что казнокрадство и протекционизм не осуждались с тех давних пор, как они были благопристойно прикрыты. Но Партия дала блестящий пример самозабвенного ревностного служения, и эта невероятная честность была одним из источников ее силы. Было общеизвестно, что член Партии искренне заинтересован в общих, а не в своих личных делах и потому заслуживает доверия. Высшим объектом его преданности была не Партия, а Китай и, разумеется, не масса отдельных людей, к которым он относился почти столь же небрежно, как и к себе, а корпоративное единство и культура расы.

Вся полнота исполнительной власти в Китае находилась теперь в руках членов Партии, и решающим законодательным органом был Партийный Съезд. Между двумя этими институтами находился президент. Иногда будучи не более чем председателем Исполнительного Комитета, этот человек время от времени был почти диктатором, соединяя в себе атрибуты премьер-министра, императора и папы. Потому что глава Партии был главой государства, и, подобно древним императорам, он становился символическим объектом выражения культа предков.

Политика Партии определялась отношением китайцев к культуре. Как западные государства очень часто организовывались благодаря стремлению к военному престижу, так и новый Китай организовывался под влиянием престижа культуры. Потому что с этой стороны американское государство осуждалось как пример в высшей степени варварской грубости; таким образом, патриотизм был втянут в сферу управления, чтобы усилить культурную политику Партии. Было предметом гордости, что в то время как в Америке каждый мужчина и каждая женщина могли лишь надеяться пробить путь к материальному богатству, в Китае каждый развитый человек мог на самом деле наслаждаться всем культурным богатством расы. Экономическая политика Партии основывалась на принципе предоставления всем рабочим получения гарантированных средств к существованию и возможности полноценного образования. (В глазах американцев, однако, средства к существованию, закрепленные таким образом, были едва ли пригодны лишь для зверей, а обеспечиваемое образование было устаревшим и атеистическим.) Партия проявляла немалую заботу о том, чтобы собрать в свои ряды лучших представителей от всех социальных классов, а также поощряла среди масс интеллигенции уважение к образованию и создавала у них иллюзию, что они сами в какой-то степени являются составляющей национальной культуры.

Но, говоря по правде, эта культура, которую простой народ почитал в своих высших руководителях и которой так подражал в собственной жизни, едва ли была менее поверхностной, чем культ силы, против которого она выставлялась. Потому что это был почти в полном смысле культ социальной справедливости и поголовной грамотности: не такого простого книжного образования, которое охватывало и Древний Китай, а как обширной совокупности современной научной теории, в которой главную роль играла чистая математика. В прежние времена кандидат для работы в учреждении должен был продемонстрировать небольшое, но не критическое знание классических писателей; теперь же он должен был представить доказательства не менее чем сообразительности в написании основополагающих физических формул, знаний биологии, психологии, и особенно экономики и социальной теории. И хотя перед ним никогда не ставилась задача ломать голову над философскими основами математики, ожидалось, что он должен быть знаком со сложностью по крайней мере одного из направлений этого широкого поля искусств. Масса информации, наваливавшаяся на студента, была так велика, что он не имел времени обдумать общие значения различных отраслей собственных знаний.

Однако в Китае был дух. И в этом неуловимом китайском духе лежала единственная надежда Первых Людей. Проникающая повсюду, Партия была меньшинством передовых умов, которые являлись источником ее воодушевления и формирования духа нации в этот период. Четко осознающие ограниченность человека, эти мыслители считали его не менее чем верши-

ной творения вселенной. На основе позитивистской, а скорее поверхностной метафизики они построили социальную идею и создали теорию искусств. Разумеется, в развитии и достижениях искусства они видели высшее человеческое достижение. Будучи пессимистами относительно отдаленного будущего расы и пренебрегая американским евангелизмом, они признавали в качестве конца существования создание сложно соединенного узора из человеческих жизней, оправленного в красивую рамку. Общество, высочайшая работа искусства (так они определяли его), является очень тонкой и скоропортящейся тканью человеческих отношений. Они даже допускали возможность, что в последнем пристанище, не только одной личной жизни, а жизненного пути всей расы, может произойти трагедия, и это следует оценить согласно стандартам трагического искусства. Отделяя их собственный дух от американского, один из них сказал: «Америка – это умственно отсталый подросток, попавший в игровую комнату, оборудованную роскошью и электрической энергией, делающий вид, что его механическая игрушка управляет миром. Китай – это джентльмен, прогуливающийся вечером в собственном саду, больше всего наслаждающийся ароматом и порядком, потому что в воздухе уже появляются первые признаки зимы, а до его слуха доносится молва о несокрушимом варваре».

В таком подходе было что-то замечательное и в то же время крайне необходимое; но была здесь и фатальная неполноценность. В своих наилучших образцах она поднималась до обособленной, но тем не менее пылкой восторженности самой сути существования, но все же слишком вырожденной в бездеятельное самодовольство и культ общественного этикета. На самом деле была даже опасность коррупции из-за закоренелой китайской привычки заботиться только о внешних проявлениях. В некоторых отношениях дух Америки и дух Китая были взаимодополняющими, так как один был неутомимым, а другой успокаивающим, один был жаждущим, а другой бесстрастным, один слишком религиозным, другой слишком профессиональным, один был поверхностно мистическим или хотя бы романтическим, другой классическим и рациональным, несмотря на слишком большую жизненную активность для затяжного и скрупулезного мышления. Начни они взаимодействовать, и эти два менталитета могли бы многого достичь. С другой стороны, у обоих был одинаковый и весьма важный недостаток. Ни один из них не был выведен из равновесия и озарен тем неутолимимым стремлением к истине, той страстью к свободному упражнению ума, изнурительной погоней за реальностью факта, которые составили славу Европы и даже ранней Америки, но теперь уже давно отсутствовали среди Первых Людей. И, как результат этой ущербности, они страдали и другим недугом. Оба теперь не имели того презрительного острословия, в котором любили упражняться представители более раннего поколения, как над собой, так и над окружающими, и даже над их самыми святыми ценностями.

Несмотря на эти недостатки, при благоприятных обстоятельствах они могли бы весьма преуспеть. Но, следует заметить, американский дух подрывал единство Китая и таким образом разрушал его единственный шанс на спасение. Потому и случилось одно из тех несчастий, наполовину неизбежных, наполовину случайных, которые периодически обрушивались на Первых Людей, словно прямо выраженное желание некоего божества, больше заботившегося о совершенстве своей драматической постановки, чем о тех разумных куклах, которых оно привело в действие.

2. Конфликт

После европейско-американской войны сначала миновало столетие с минимальным числом национальных конфликтов, а затем столетие напряженного мира, в течение которого Америка и Китай стали все больше и больше раздражать друг друга. Ближе к этому периоду большое количество людей теоретически было куда как большими космополитами, чем националистами, однако закоренелый племенной дух скрывался внутри каждого сознания и был

готов возобладать. Теперь планета была тонко организованным экономическим союзом, и большой бизнес во всех странах был подчеркнута пренебрежительна к патриотизму. Разумеется, все старшее поколение этого периода было сознательным и без всяких оговорок придерживалось интернационализма и пацифизма. Однако это логически непоколебимое состояние было подорвано биологическим стремлением к рискованным жизненным ситуациям. Длительный мир и улучшившиеся социальные условия значительно уменьшили опасности и трудности жизни, и не было социально безопасной замены войне для удовлетворения жажды примитивной смелости и животной ярости существ, приспособленных к дикому существованию. Сознательно люди желали мира, подсознательно они все еще нуждались в проявлении такой отваги, которую предоставляла лишь война.

И этот сдерживаемый боевой дух всякий раз находил самовыражение во вспышках неразумного племенного обособления.

И неминуемо в конце концов произошел серьезный конфликт. Как обычно, причина была как экономической, так и основанной на чувствах. Экономической причиной была потребность в топливе. Столетие назад очень серьезный недостаток нефти так отрезвил человечество, что Лига Наций была вынуждена навязать систему международного контроля над существующими залежами нефти и даже над запасами угля. Она также установила строгое регулирование использования этих бесценных ископаемых. Нефть в особенности должна была использоваться лишь для тех предприятий, где не мог бы применяться никакой другой источник энергии. Международный контроль за топливом был, возможно, высшим достижением Лиги, и он оставался одной из граней жесткой политики человечества и долгое время после того, как Лига была упразднена. Однако, по иронии судьбы, эта необычайно трезвая политика в большой степени способствовала падению цивилизации. Благодаря ей, как выяснится в дальнейшем, исчезновение угля пришлось на тот период, когда развитие человечества было в упадке, и оно не могло справиться с таким кризисом. Вместо того чтобы приспособить себя к новым условиям, оно просто погибло.

Но в этот период, о котором мы говорим, были недавно найдены дополнительные средства путем разработки больших месторождений топлива в Антарктике. К несчастью, этот обширный источник практически был недостижим для юрисдикции Международного Контрольного Совета по топливу. Америка была первой, кто приступил к этим разработкам, и видела в арктических запасах топлива средства как для собственного прогресса, так и для добровольно взятой на себя задачи американизации планеты. Китай, страшившийся американизации, требовал, чтобы новые источники были подведены под юрисдикцию Совета. За несколько лет эмоции весьма сильно сконцентрировались вокруг этого вопроса, и оба народа вновь впали в старое националистическое настроение. Казалось, что война должна начаться неизбежно.

Практическим же основанием для конфликта тем не менее послужил, как обычно, инцидент. Достоянием гласности стал скандал по поводу детского труда на некоторых заводах в Индии. Мальчики и девочки двенадцати лет были подвержены жестокой эксплуатации, и при их тяжелом положении единственным доступным авантюрным приключением был преждевременный секс. Американское правительство заявило протест, и в таких выражениях, которые предполагали, что Америка считает себя стражем мировой нравственности. Индия немедленно отложила реформу, которую начала было проводить в жизнь, и ответила Америке как стороне, сующейся в чужие дела. Америка пригрозила отправкой войск с целью наведения порядка, «поддержанная одобрением всего, придерживающегося морали, населения земли». Тогда вступился Китай, чтобы помирить своего соперника и своего партнера, и обязался отыскать способ устранения зла, если Америка откажется от своих экстравагантных оскорблений в сторону Восточной Конфедерации. Но было слишком поздно. Был совершен налет на американский банк в Китае, и голову его управляющего пинали по улице. Людские племена вновь почувствовали запах крови. Была объявлена война Запада против Востока.

Из воюющих сторон Азия вместе с Северной Африкой образовывала географически более сплоченную систему, но Америка и ее вассалы имели лучшую экономическую организацию. С началом войны ни одна из сторон не имела никакого грозного вооружения, потому что война уже долгое время была объявлена «вне закона». Это обстоятельство тем не менее имело небольшое значение, поскольку боевые действия в то время могли с большим успехом продолжаться с помощью огромного количества гражданских самолетов, нагруженных отравляющими веществами, высокоэффективной взрывчаткой, болезнетворными микробами или еще более смертоносными «подбиологическими организмами», которые современная наука иногда рассматривала как простейший живой материал, а временами как наиболее сложные молекулы.

Противостояние началось с физического насилия, затянувшегося на четверть столетия. К концу этого периода Африка большей частью была в руках Америки. Лишь Египет оставался непригодной для жизни людей землей, потому что южноафриканцы вполне успешно отравили истоки Нила. Европа находилась под военным правлением Китая. Это было обеспечено армиями крепких центрально-азиатских народов, уже начавших задумываться над тем, почему бы им не стать заодно и хозяевами самого Китая. Китайский язык, с европейским алфавитом, изучался во всех школах. Однако в Англии не было ни школ, ни населения; потому в самом начале войны в Ирландии была создана американская военно-воздушная база, и Англию очень быстро опустошили. Летчики, пролетая над тем, что когда-то было Лондоном, могли лишь догадываться об очертаниях Оксфорда и Стрэнда среди зелено-серой путаницы развалин. Дикая природа, когда-то столь ревностно оберегаемая в «национальных парках» от наступления городской цивилизации, теперь широко распространилась по всему острову. На другой стороне земного шара подобным же образом были опустошены японские острова в бесплодных попытках построить там военно-воздушную базу, с которой можно было бы добраться до сердца врага. До сих пор ни Китай, ни Америка не понесли сколько-нибудь серьезных разрушений, но в последнее время американские биологи открыли новый злокачественный микроб, еще более заразный и стойкий, чем какой-либо из известных в прошлом. Его действие было направлено на разложение верхнего уровня нервной системы, таким образом создающее расстройство умственной деятельности, а массированная атака вызывала паралич, а затем смерть. С этим оружием американская военщина уже превратила один из китайских городов в сущий бедлам, и бациллы распространились уже по всей провинции, делая поведение людей совершенно ненормальным. Появилась мода приписывать все чьи-либо грубые ошибки и промахи контакту с этим новым микробом. Не было открыто никаких эффективных средств борьбы с этим бедствием. А поскольку на ранних стадиях болезни пациент становился неумно активным, предпринимая бесконечные и бесцельные действия под самыми неубедительными предложениями, казалось весьма вероятным, что «американское бешенство» распространилось на весь Китай.

В целом же к тому моменту военное преимущество было на стороне Америки, но, возможно, экономически ее жители были более потрясены, потому что их высший стандарт процветания сильно зависел от иностранного инвестирования и иностранной торговли. По всему Американскому континенту распространилась самая настоящая нищета и серьезные симптомы классовой вражды, и, разумеется, не между отдельными рабочими и предпринимателями, а между рабочими и автократической военной правящей кастой, которая, естественно, и организовала эту войну. Первым поддался патриотической лихорадке большой бизнес, но вскоре вспомнил, что война является глупым и разрушительным действием для торговли. Разумеется, с обеих сторон пламя национализма горело только пару лет, после чего страсть к приключениям уступила место простому страху перед врагом. Потому что на каждой стороне простой народ был вскормлен верой в то, что его враг – злобное исчадие ада. Когда миновала четверть века с той поры, как между двумя народами существовали свободные связи, то реальная раз-

ница в менталитетах, которая всегда существовала между ними, стала многим настолько же очевидной, как разница между биологическими видами. Поэтому в Америке церковь проповедовала: китаец не имеет души. Заявлялось, что эволюцию китайской расы с недобрыми целями совершил Сатана, когда та впервые возникла из человекообразных животных. По его замыслу эта раса должна быть очень хитрой и без малейшей доли совести. Он побудил ее к неутолимой похотливости и упрямой слепоте по отношению к божеству, к тому великолепному властному процессу воспроизводства капитала, который составляет славу Америки. Утверждалось, что точно так, как в доисторические времена молодая раса млекопитающих смела медлительных, тупых и устаревших рептилий, так и теперь молодая одухотворенная Америка была предназначена очистить планету от подлых монголоидов. В Китае, с другой стороны, официальный взгляд отражал представление о том, что американцы являли типичный случай биологической деградации. Подобно всем паразитирующим организмам, они преуспели благодаря специализации в одном низкопробном способе поведения, одной из издержек их высшей природы, и теперь «паразиты планеты» свое безумное стяжательство полагали высшей способностью человеческой расы.

Таковы были официальные доктрины. Но напряжение войны в итоге вызвало у каждой из сторон глубокое недоверие к их собственным правительствам и настойчивое стремление любой ценой добиться мира. Правительства ненавидели партии мира еще больше, чем друг друга, так как само их существование теперь зависело от войны. Они зашли даже так далеко, что информировали друг друга о тайных операциях пацифистов, раскрытых их собственными секретными службами на территории противника.

Поэтому, когда наконец большой бизнес и рабочие по каждую сторону океана решили остановить войну согласованными действиями, их уполномоченным представителям оказалось весьма трудно встретиться.

3. На острове в океане

К этому времени все человечество, если не считать правительства, искренне желало мира; но общественное мнение в Америке балансировало между желанием просто завершить экономическое и политическое объединение и фанатичным стремлением навязать Востоку американскую культуру. Китай тоже балансировал между чисто коммерческим стремлением принести в жертву идеалы ради спасения мира и процветания и желанием сохранить китайскую культуру. Два лица, которые должны были тайно встретиться для обсуждения условий мира, были типичными представителями своих рас; для обеих из них были актуальны как коммерческие, так и культурные мотивы, хотя к этому периоду чаще доминировали коммерческие.

Был двадцать шестой год войны, когда два гидросамолета – один с Запада, другой с Востока – ночью направились к одному из островов в Тихом океане и опустились в небольшой уединенной бухте. От луны, которая в другое время должна была бы освещать всю акваторию своим потрескавшимся ноздреватым диском, в этот момент едва лишь искрились волны. С каждого из самолетов выбрался пассажир и направился на резиновой лодке прямо к суше. Два человека сошлись на берегу и пожали друг другу руки: один проделал это, соблюдая этикет, второй же – с чуть наигранным братским расположением. Тут уже и солнце выглянуло из-за морской глади, рассылая блеск и тепло. Китаец, сняв свой летный шлем, деловито расправил косу, сбросил грубую тяжелую одежду и предстал в костюме из небесно-голубого шелка, напоминавшем пижаму и украшенном вышитыми золотыми драконами. Другой человек, поглядывавший с едва скрытой неприязнью на этот пышный наряд, торопливо отшвырнул в сторону плотную верхнюю одежду, открывая скромное серое пальто и брюки, которыми американские бизнесмены этого периода подсознательно символизировали их возвращение к пуританству.

Закурив сигареты китайского посланника, эти двое уселись, чтобы заняться обустройством планеты.

Беседа была вполне дружелюбной и проходила без помех, потому что существовало соглашение относительно радикальности принимаемых мер. Правительства обеих стран должны были немедленно свергнуты. Оба представителя были уверены, что это может быть сделано, если попытка будет произведена одновременно по обе стороны океана, потому что в обеих странах и финансам, и людям можно было доверять. Вместо национальных правительств должен быть создан Всемирный Финансовый Директорат, который должен состоять из ведущих торговых и промышленных магнатов всего мира наряду с представителями от организаций рабочих. Первым Президентом Директората должен стать американский представитель, а первым вице-Президентом – представитель Китая. Директорат должен управлять всей экономической реорганизацией мира. В особенности – на Востоке: условия работы на промышленных предприятиях должны быть приведены в соответствие с аналогичными условиями в Америке, в то время как, с другой стороны, должна быть устранена американская монополия в Антарктике. Эта богатая и почти нетронутая земля должна быть подчинена контролю Директората.

Временами во время беседы вставал вопрос о больших культурных различиях между Востоком и Западом; но оба участника переговоров, как казалось, хотели верить, что это было незначительным делом, которое просто не имело права нарушать деловую беседу.

Тут произошла одна из тех случайностей, которые, будучи незначительными по своей сути, производят непропорционально большие эффекты. Неустойчивая натура Первых Людей сделала их особенно подверженными переживаниям из-за подобных инцидентов, особенно – в период их упадка.

Беседа была прервана появлением человеческой фигуры, выплывшей из-за мыса и направляющейся в этот небольшой залив. На мелководье она поднялась в полный рост, оказавшись женщиной, и направилась из воды прямо в сторону создателей Всемирного Государства. Молодая, улыбающаяся, с бронзовой кожей, абсолютно голая, с отяжелевшей после долгого плавания грудью, она в нерешительности остановилась перед ними. Отношения между двумя мужчинами тут же изменились, хотя ни один из них в первый момент не осознал этого.

«Очаровательная дочь Океана, – сказал китаец на том в некоторой степени устарелом и сознательно неамериканском английском, которым теперь пользовались азиаты при общении с иностранцами, – что могут сделать для тебя эти две презренные твари земные? Не могу ответить за своего приятеля, но я, во всяком случае с этого момента, твой раб». При этом его глаза с безупречной вежливостью нежно блуждали по всему ее телу. А она, с той особой грацией, что окружает женщин неким ореолом, когда они чувствуют прикосновение восхищенного взгляда, отжала морскую воду с волос и стояла, готовая заговорить.

Но тут запротестовал американец: «Кем бы ты ни была, пожалуйста, не прерывай нас. Мы на самом деле очень заняты обсуждением дел большой важности, и у нас просто нет времени, чтобы попусту тратить его. Пожалуйста, уходи. Твоя нагота неприятна каждому, кто привык к цивилизованным манерам. В стране современной культуры тебе бы не позволили купаться в таком виде. Мы становимся очень щепетильны в отношении этого».

Болезненный интенсивный багрянец проступил сквозь коричневатый цвет мокрой бронзы, и нарушительница спокойствия вроде сделала попытку уйти. Но китаец воскликнул: «Постой! Мы уже почти закончили нашу деловую беседу. Так взбодри нас своим присутствием. Позволь нам хоть мгновение созерцать совершенство той амфоры, что образуют твоя талия и твои бедра, и тем самым заставь забыть нас о реальностях нашей беседы. Кто ты? К какому народу ты принадлежишь? Мои познания в антропологии не позволяют мне определить это. Твоя кожа гораздо светлее, чем свойственно для этих мест, хотя и богата солнечным загаром. Твоя грудь говорит о греческой крови. Очертания твоих губ напоминают о Египте. Твои

волосы, хотя и были темные, высыхая, проявляют удивительный золотистый оттенок. И твои глаза, позволь мне рассмотреть их... Удлиненные, нежные и пронизательные, как у женщин моей страны, бездонные, как дух Индии, они тем не менее кажутся твоему новому рабу не совсем черными, а фиолетовыми, будто зенит небосвода перед рассветом. Разумеется, столь тончайшее единство несовместимого покоряет как мое сердце, так и мой разум».

Во время этой страстной речи ее самообладание полностью восстановилось, хотя она изредка и поглядывала на американца, который продолжал старательно не смотреть в ее сторону.

Она ответила почти с той же дикцией, что и ее собеседник, но, к удивлению, со старинным английским акцентом: «На самом деле я полукровка. Ты можешь называть меня не дочерью Океана, а скорее дочерью Человечества, потому что на этом острове оставляли свое семя путники самых разных рас. Мое тело, и я знаю это, выдает свою столь разнообразную родословную в такой странной смеси людей и характеров. Возможно, что и мой разум также необычен, потому что я никогда не покидала этот остров. И хотя с моего рождения прошло меньше четверти века, прошлое столетие значило для меня гораздо больше, чем мрачные события сегодняшнего дня. Меня выучил отшельник. Лет двести назад он вел деятельную жизнь в Европе, но к концу своего долгого жизненного пути он перебрался на этот остров. Он любил меня, как это свойственно старикам. И день за днем давал мне возможность проникнуть в глубину духа прошлого; но о нашем веке он ничего не сообщил мне. Теперь, когда он умер, я стремлюсь ознакомиться с современным миром, но продолжаю видеть все под углом века иного. И поэтому, – заметила она, поворачиваясь к американцу, – если я и нарушаю современные нормы, то лишь потому, что мой отшельнический разум никогда не был приучен относиться к наготы как к чему-то неприличному. Я очень несведуща, почти как дикарь. Если бы я только смогла получить весь опыт вашего великого мира! Если когда-то эта война закончится, я отправлюсь в путешествие».

«Восхитительно, – заметил китаец, – какой изысканно пропорциональный, исключительно цивилизованный дикарь! Поедем со мной на праздник в современный Китай. Там ты сможешь плавать без костюма, поскольку ты так прекрасна».

Она пропустила его приглашение и, казалось, погрузилась в мечты. Затем продолжила с рассеянным видом: «Возможно, я и не страдала бы от этого беспокойства, от этой тяги увидеть мир, если бы вместо этого испытала опыт материнства. Многие островитяне время от времени награждали меня своими ухаживаниями. Но я не могла себе позволить забеременеть ни от одного из них. Все они очень милые, но в душе каждый из них не более чем ребенок».

Американец начал проявлять беспокойство. Но тут вновь вмешался китаец, заговорив своим тихим проникновенным голосом: «Я, – сказал он, – я, вице-Президент Всемирного Финансового Директората, буду счастлив предоставить тебе возможность материнства».

Она серьезно и внимательно посмотрела на него, затем улыбнулась, как ребенок, который просит больше, чем может получить. Но на этот раз американец торопливо поднялся на ноги. Адресуя свои слова к облаченному в шелк китайцу, он сказал: «Ты наверняка знаешь, что американское правительство собирается послать вторую воздушную эскадру с отравляющими веществами, чтобы превратить в безумцев всю твою нацию, вызвать безумство еще большее, чем то, в котором вы уже пребываете сейчас. Вы не сможете защитить себя от этого нового оружия; и для того чтобы я мог спасти тебя, мне не следует больше тратить время по пустякам. Не должен делать этого и ты, потому что нам следует действовать одновременно. Мы уже согласовали все свои действия. Но прежде чем покинуть это место, я должен сказать, что твое отношение к этой женщине весьма убедительно напоминает мне, что у китайцев что-то не в порядке и с образом мыслей, и с образом жизни. Тревожась за судьбы мира, я не забываю своих обязанностей относительно этого. И сейчас я должен заметить тебе, что, когда установится

Директорат, мы, американцы, постараемся повлиять на тебя, чтобы изменить эти недостатки, ради спасения всего мира и твоего собственного».

Китаец поднялся и возразил ему: «Этот вопрос должен иметь отдельное частное решение. Мы и не ожидали, что вы воспримите наши стандарты, как не ожидали и вы, что мы воспримем ваши». Он сделал шаг в сторону женщины и улыбнулся. И эта улыбка оскорбила американца.

Нам нет нужды следовать за всеми подробностями пререканий, возникших между двумя представителями, каждый из которых, хотя и был до некоторой степени космополитом по духу, при этом проявлял искреннее высокомерие по отношению к чужим ценностям. Вполне хватало того, что американец становился все более напорист и деспотичен, а противная ему сторона все более беспечна и иронична. Наконец американец повысил голос и предъявил ультиматум. «Наш договор о мировом содружестве, – сказал он, – будет считаться не заключенным, если ты не добавишь пункт, гарантирующий радикальные реформы, которые на самом деле были внесены моими коллегами как условие сотрудничества, а я решил отказаться от них в случае, если они будут нарушать наше соглашение; но теперь вижу, что они являются почти главными. Ты должен отучить своих людей от похотливых и праздных наклонностей и дать им современную научную религию. Учителя в ваших школах и университетах должны сами стать приверженцами современной фундаментальной физики и бихевиоризма и должны вводить в жизнь веру в Богоматерь. Перемены будут трудными, но мы поможем тебе. Вы нуждаетесь в строгом порядке Инквизиторов, достойном Директората. Они будут также присматривать за изменением сексуальной фривольности вашего народа, в которой вы безрассудно расточаете божественную энергию. До тех пор, пока ты не согласишься с этим, я не смогу остановить войну. Следует чтить законы Бога, и те, кто знает это, должны проводить это в жизнь».

Но тут его прервала женщина: «Скажите мне, что означает этот ваш Бог? Европейцы поклонялись любви, а не энергии. И что подразумеваете под энергией вы? Является ли это лишь средством убыстрять движение машин и возбуждать эфир?»

Он ответил ей без всякого выражения, как будто повторяя урок: «Бог есть всепроникающий дух движения, который пытается активизировать себя везде, где бы он ни проявлялся. Бог предначертал великому американскому народу механизировать вселенную». Он помолчал, пристально разглядывая четкие линии своего гидросамолета. Затем продолжил, с большей выразительностью: «Но давай действовать! Время дорого. Или ты служишь Богу, или мы сметем тебя с его пути».

Женщина приблизилась к нему, произнеся: «Несомненно, в этом энтузиазме есть нечто великое. Но так или иначе, хотя мое сердце и говорит мне, что вы правы, мой разум все еще сомневается. Где-то должна быть ошибка».

«Ошибка! – рассмеялся он, подавляя ее олицетворением силы и власти. – Когда человеческий дух приходит в движение, как может он ошибаться в том, что его действия не божественны? Я всю жизнь служил Энергии, этому великому Богу, начав работать мальчиком в гараже и став затем Президентом Мира. Разве не доказал весь американский народ свою веру своим успехом?»

С выражением восторга, но все еще в замешательстве, она во все глаза смотрела на него. «Есть что-то до ужаса ошибочное в вас, американцах, – сказала она, – но, безусловно, вы великие люди». Она посмотрела ему в глаза. Затем неожиданно дотронулась до него рукой и сказала с внутренним убеждением: «Будь тем, кто ты есть. Вероятно, ты прав. В любом случае ты мужчина, настоящий мужчина. Обладай мной и будь отцом моего ребенка. Возьми меня в эти полные опасностей города Америки, чтобы я могла работать рядом с тобой».

Президент был удивлен неожиданной страстностью ее истосковавшегося по чувствам тела, и она видела это; но он повернулся к вице-Президенту и сказал: «Она увидела, где находится правда. А ты? Так война – или сотрудничество в божественных трудах?»

«Смерть нашего тела – или смерть нашего разума, – заметил китаец, но с примесью горечи, которой не хватало убежденности, потому что он не был фанатиком. – Ну хорошо, поскольку душа всего лишь гармония поведения тела и поскольку, несмотря на это маленькое разногласие, мы пришли к соглашению, что координация деятельности является главной на сегодняшний день потребностью планеты, и поскольку в отношении наших различий эта дама сделала выбор в пользу Америки, и более того, если существует хоть какая-то добродетель в азиатском пути развития, она не уступит никакой мелкой пропаганде, а скорее лишь усилится от противостояния... поскольку все дела обстоят именно так, я принимаю ваши условия. Но было бы недостойно для Китая, чтобы столь великие перемены были навязаны ему извне. Вы должны дать мне время сформировать в Азии местную и добровольную партию, которая будет сама проповедовать ваши взгляды и, возможно, придаст им некоторое изящество и утонченность, если я могу так выразиться, которые в данный момент отсутствуют. Именно так нам следует поступить, чтобы обеспечить международный контроль над Антарктикой».

Вслед за этим соглашение было подписано, но было выдвинуто и также подписано новое секретное дополнение, и оба документа засвидетельствовала Дочь Человечества своим четким округлым старомодным почерком.

Затем, взяв каждого за руку, она сказала: «Итак, наконец мир объединен. Как надолго, хотелось бы мне знать? Кажется, будто я слышу брзжащий голос моего старого учителя, что я до некоторой степени поступаю глупо. Но он покинул меня, и я выбрала нового учителя, Хозяина Мира».

Она отпустила руку азиата и сделала движение, как бы увлекая с собой американца. И он, хотя и был строгим почитателем моногамии, а в Нью-Йорке его поджидала лучшая половина рода человеческого, со всей страстью желал прижать ее разогретое солнцем тело к своей пуританской одежде. Она потянула его в сторону вдоль пальмовых деревьев.

Вице-Президент Мира вновь присел, закурил сигарету и задумался, продолжая улыбаться.

Глава IV. Американизированная планета

1. Создание первого Всемирного Государства

Теперь мы подошли к тому этапу в истории Первых Людей, когда, почти через триста восемьдесят земных лет после европейской войны, задача мирового единства была наконец-то разрешена... но, однако, при достижении этого разум человеческой расы был серьезно искалечен.

Нет нужды детально рассматривать переход от конкуренции национальных суверенитетов к единому контролю со стороны Всемирного Финансового Директората. Достаточно указать лишь на то, что благодаря согласованным действиям в Америке и в Китае поддерживавшие войну правительства почувствовали невозможность дальнейшей деятельности из-за пассивного сопротивления представителей большого международного бизнеса. В Китае этот процесс прошел быстро и почти бескровно; в Америке наблюдались существенные беспорядки, затянувшиеся на несколько недель, пока обескураженное правительство пыталось утихомирить бунтовщиков, введя военное положение. Но теперь почти все население стремилось к миру, и хотя было убито несколько промышленных магнатов, а толпы рабочих в некоторых местах разогнаны и расстреляны, оппозиция была непоколебима. И очень скоро правящая клика рухнула.

Шкала времени I



Американизированный мир

Новый порядок в значительной мере включал в себя систему, родственную по организации социализму, однако в основе его лежал индивидуализм. Каждая отрасль промышленности находилась, в теории, под демократическим управлением всех ее членов, а на самом деле контролировалась лишь отдельными главными лицами. Координацию всех отраслей промышленности осуществлял Всемирный Промышленный Совет, на котором руководители каждой отрасли обсуждали дела планеты как единого целого. Положение каждой отрасли хозяйства в Совете отчасти определялось ее экономическим влиянием в мире, а отчасти – отношением общественности. Потому что всякая деятельность людей начинала рассматриваться как «важная» или «неважная», и важная не обязательно должна была быть самой мощной экономически. Таким образом, в Совете возник внутренний круг важных «отраслей», куда входили, в примерном порядке значимости, финансы, воздушное сообщение, техника, наземный транспорт, химическая промышленность и профессиональный спорт. Но истинным источником власти был не этот Совет, и даже не внутренний его круг, а Финансовый Директорат. В него входила дюжина богатых промышленников во главе с американским Президентом и китайским вице-Президентом.

Внутри этой величественной структуры были неизбежны разногласия. Вскоре после того, как эта система обрела жизнь, вице-Президент попытался сместить Президента путем публикации сведений о его связи с цветной женщиной, которая теперь именovala себя Дочерью Человечества. Как ожидалось, отголоски этого скандала должны были настроить добродетельное американское общество против их героя. Но весьма гениальным ходом Президенту удалось спасти и себя, и единство мира. Вместо того чтобы отрицать эту связь, он начал гордиться ею. И в этот момент сексуального триумфа, как он заметил, ему открылась великая правда. Без такого смелого жертвоприношения в виде собственной непорочности он никогда бы не был достоин места Президента Мира; ему следовало бы оставаться американцем. В жилах этой женщины течет кровь многих рас, а ее разум вмещает множество культур. И его союз с ней, подкрепленный множеством последующих визитов, сблизил его с духом Востока и наградил его таким уважением со стороны широких масс, какого как раз и требовало его высокое положение. Как частный человек он настаивал на приверженности моногамии, имея жену в Нью-Йорке; и, как всякий частный человек, он был грешен и должен страдать, испытывая муки совести. Но как Президент Мира он должен нести эту обязанность, чтобы поддерживать этот мир. И поскольку ничто не могло быть признано реальным без физической основы, этот духовный союз должен был быть материализован и символизирован его физическим союзом с Дочерью Человечества. Сдерживая эмоции, он рассказал в микрофон, в присутствии этой мистической женщины, что он неожиданно победил свои личные моральные колебания и как, в неожиданном приливе божественной энергии, он осуществил свое соитие со всем Миром в тени бананового дерева.

Восхитительные формы Дочери Человечества (скромно прикрытые) были транслированы по телевидению на весь мир. Ее лицо, смесь Азии и Запада, стало самым мощным символом единства человечества. Каждый мужчина на планете стал воображать себя ее любовником. Каждая женщина мысленно представляла себя этой величайшей женщиной.

Несомненно, была некоторая правда в тех упреках, что Дочь Человечества раскрепостила разум Президента, потому что его политика в отношении Востока неожиданно стала весьма осторожной. Он чаще сдерживал требования своих сограждан относительно немедленной американизации Китая. И очень часто склонял китайцев к тому, чтобы радушно воспринимать ту политику, которую поначалу они воспринимали с явным подозрением.

Данное Президентом объяснение собственного поведения лишь повысило его престиж как в Америке, так и в Азии. Америка была буквально загипнотизирована столь показной набожностью всей истории. Очень скоро вошло в моду быть в моногамном браке с одной женой, олицетворявшей семейный очаг, и одной «символической» женой на Востоке, или в

каком-то другом городе, или на соседней улице, или даже с несколькими в разных местах. В Китае спокойная терпимость, которую с самого начала заслужил Президент, переросла, из-за этого инцидента, в нечто, напоминающее привязанность. И, отчасти благодаря его действиям, отчасти – влиянию его символической жены, американизация Китая была осуществлена без особых беспорядков.

Поэтому спустя семь месяцев после основания Всемирного Государства Китай был полностью поглощен нашествием умопомешательства, называемого американским бешенством, которым его травил бывший враг. Прибрежный район Северного Китая был полностью дезорганизован. Промышленность, сельское хозяйство, транспорт – все бездействовало. Огромные толпы, голодные и почти лишенные рассудка, блуждали по местности, пожирая все растущее на земле и устраивая сражения из-за каждого трупа своих умерших собратьев. Это было еще задолго до того, как болезни были взяты под надежный контроль, и, разумеется, в последующие годы неизбежны были подобные взрывы, вызывая панику по всей стране.

Некоторым наиболее старомодным китайцам казалось, будто все население незаметно заразилось каким-то микробом, потому что по всему Китаю, по всей видимости спонтанно, появились новые секты местного происхождения, называвшие себя энергистами, и начали проповедовать новую интерпретацию буддизма в терминологии, возводящей деловую активность в ранг священной обязанности. И хотя подобное бывает довольно редко, проповедь эта преуспела до такой степени, что за несколько лет вся система образования была заполнена ее адептами, но не без сопротивления со стороны реакционных коллективов старейших университетов. Достаточно странно, однако, что, несмотря на общее признание Нового Пути, несмотря на тот факт, что молодежь Китая была приучена восхищаться движением во всех его формах, несмотря на сильно возросший размер заработной платы, которая позволила всем рабочим обладать личными средствами передвижения, большинство населения Китая, по сути, продолжало относиться к деловой активности как к некоторому ограничению отдыха. И когда, в конце концов, один из знаменитейших физиков доказал, что высшим выражением энергии было состояние равновесия всех сил внутри атома, китайцы применили это положение к себе и заявили, что в их собственном состоянии покоя и заключается самый совершенный баланс всех могущественных сил. Вот таким образом Восток внес свой вклад в религию этого века. Поклонение деловой активности заставило включить туда поклонение пассивности. И оба положения были основаны на естественно-научных принципах.

2. Влияние науки

Наука в этот период среди Первых Людей пользовалась особым почетом. Это было не потому, что она лежала в области, исследовавшейся в пору наивысшего расцвета расы максимально пристально, и не потому, что именно благодаря науке люди получили возможность слегка заглянуть в природу физического мира, а скорее потому, что применение научных принципов круто меняло материальные обстоятельства их жизни. Когда-то не вполне устойчивые научные доктрины начали выкристаллизовываться в твердые и замысловатые догмы; но находчивый научный ум все еще с блеском продолжал упражняться в улучшении промышленных технических средств и, таким образом, полностью завладел воображением расы, мыслительное любопытство которой уже подходило к завершению. Ученый считался олицетворением не только знаний, но и силы, и никакие легенды о возможностях науки не казались слишком фантастическими, чтобы не верить в них.

Столетие спустя после образования Всемирного Государства в Китае начал распространяться слух о высочайшем секрете научной религии, об ужасной тайне Горделпаса, посредством которой можно использовать энергию, заключенную во взаимодействии протона и электрона. Открытое много лет назад китайским физиком и святым праведником, это бесценное

знание, как предполагалось теперь, сохранилось лишь среди научной элиты, и будет готово для публикации, как только мир окажется готовым к обладанию им. Новая секта «энергистов» заявляла, что молодой открыватель был сущим воплощением Будды и что, поскольку мир был все еще не готов для высшего откровения, он доверил свой секрет ученым. Среди поклонников христианства умы занимала точно такая же легенда с аналогичной личностью. Обновленное Христианское Братство, к этому моменту чрезмерно усиленное самыми влиятельными из западных церквей, почитало изобретателя как Сына Божьего, который, в своем Втором Пришествии, намеревался привнести на землю золотой век, тысячелетнее Царство Христово, опубликовав секрет столь божественной силы; но, обнаружив людей все еще неспособными использовать на практике даже более примитивную проповедь любви, которая была обнародована при его Первом Пришествии, он принял страдальческие муки ради спасения человечества и доверил свой секрет только ученым.

Работники науки всего мира с давних пор были организованы в тесное сообщество. Вступить в Международную Научную Корпорацию можно было, лишь только сдав экзамен и уплатив значительный взнос. Членство в Корпорации предоставляло титул «ученого» и право на производство экспериментов. Оно же, кроме того, было и непременным условием для многих выгодных постов. Более того, поговаривали, что существуют некоторые технические секреты, которые члены Корпорации поклялись не разглашать. Был слух, что, во всяком случае после одного случая незначительной болтовни, нарушивший это правило загадочно умер.

Наука же как таковая, вся совокупность естественных знаний, стала к этому времени столь сложной, что отдельный разум мог усвоить лишь малую долю ее. Поэтому студенты, изучавшие какую-то одну область науки, практически ничего не знали о работах других людей в родственных сферах. Это было особенно характерно для такой сложной науки, как субатомная физика. Внутри этой области содержалась дюжина всяких направлений, каждое из которых было столь же сложным, как вся физическая наука девятнадцатого столетия от Рождества Христова. Эта возрастающая сложность вынуждала изучающих одну область все более неохотно подвергать критике или даже пытаться понять принципы других отраслей знаний. Каждое небольшое отделение, ревниво охраняющее собственные интересы, было до мелочей придирчиво, когда дело касалось уважения других. В ранний период науки направлялись и оценивались с философской точки зрения своими собственными лидерами и философами от техники. Но философии как строго научной дисциплины больше не существовало. Разумеется, была весьма туманная структура идей, или предположений, основанных на науке и наиболее общих для всех людей, – популярная псевдонаука, созданная журналистами из обрывков фраз, циркулировавших среди ученых. Но настоящие деятели науки гордились неприятием этой обветшавшей структуры – даже тогда, когда они непреднамеренно допускали ее существование. И каждый настаивал, что его особый предмет обучения должен непременно оставаться непонятным даже для большинства ученых собратьев.

При таких обстоятельствах, когда слухи утверждают, что загадка Горделпаса известна физикам, каждое отделение субатомной физики, с одной стороны, с сожалением открыто отрицало свою роль в этом деле, а с другой – было готово поверить, что какое-то другое отделение и в самом деле обладало этим секретом. В результате поведение ученых как единого организма усиливало общую уверенность в том, что они знают, но не собираются говорить об этом.

Почти два века спустя после образования первого Всемирного Государства Президент Мира заявил, что пришло время для формального объединения науки и религии, и созвал конференцию ведущих представителей этих двух влиятельных направлений. На том самом острове в Тихом океане, что стал Меккой духа космополитизма и теперь служил широко известным, легендарным Храмом Мира, лидеры буддизма, магометанства, индуизма, Обновленного Христианского Братства и Современной Католической Церкви Южной Америки пришли к соглашению, что их различия были всего лишь различиями внешних форм выражения. Все до

одного были поклонниками Божественной Энергии, независимо от того, выражалась ли она в активной деятельности или в напряженной неподвижности. Все до одного признали святого Первооткрывателя как последнего и величайшего из пророков, действительного воплощения Божественного Движения. И было легко доказано, в свете современной науки, что оба эти направления, по сути, одно и то же.

В прежние века был обычай выискивать ересь и истреблять ее огнем и мечом. Но теперь тяга к единообразию завершилась разьяснением различий при всеобщем одобрении.

Когда конференция установила факт единства религий, она перешла к учреждению единства религии и науки. Всем известно, сказал Президент, что некоторые из ученых обладали высшим секретом, хотя, и это разумно, открыто не признавались в этом. Теперь пришло время, когда структуры науки и религии должны быть объединены для лучшего управления людьми. Поэтому он призвал Международную Научную Корпорацию выделить внутри себя некую отдельную группу, которая должна быть освящена церковью и называться Священным Орденом Ученых. Хранители же высшего секрета должны получить общественное содержание. Они должны полностью посвятить себя служению науке, и особенно исследованию научнейшим способом явления, связанного с поклонением Божественному Горделпасу.

Из присутствующих ученых лишь незначительное число чувствовали себя весьма неловко, зато большинство с трудом сдерживало свой восторг под маской гордого и глубоко-мысленного сомнения. Среди священнослужителей также наблюдались два отношения к происходящему, но в целом было ощущение того, что церковь за счет подобного соединения должна приобрести особый престиж науки. И это выражалось в первую очередь в том, что был основан орден, которому было предназначено стать доминирующей силой во всех человеческих делах до самого конца первой мировой цивилизации.

3. Материальные достижения

Если не считать мелкие локальные конфликты, легко подавляемые силами Всемирной Полиции, человеческая раса на протяжении уже почти четырех тысяч лет представляла единое социальное объединение. В течение первого из этих тысячелетий материальный прогресс был достаточно быстрым, но затем начались мелкие сбои вплоть до окончательного распада. Вся энергия человека была сконцентрирована на поддержании постоянного роста безумного уклада его цивилизации, пока, после очередных трех тысячелетий все возрастающих затрат, доступные источники энергии неожиданно не истощились. В тупике оказалась и творческая мысль, не способная справиться с этим новым кризисом. Весь социальный порядок рухнул.

Мы можем пройти мимо самых ранних стадий этой цивилизации и исследовать ее в момент, когда она оказалась на том этапе, где начали ощущаться фатальные изменения.

Материальное положение человечества в этот период изумило бы всех его предшественников, даже тех, кто полагал себя наиболее цивилизованным существом. Но для нас, Последних Людей, был лишь чрезмерный пафос и даже комизм не только в этом глубоком разрыве между материальными достижениями и цивилизацией, но и в реальной недостаточности самого хваленного материального развития по сравнению с тем, что имеется в нашем обществе.

К этому времени облик всех континентов был почти полностью искусственным. Дикие животные сохранялись в естественном состоянии во множестве природных заповедников, которыми дорожили как музеями и центрами туризма; каждый из них был по площади не менее квадратной мили. Да и разницы между промышленными и сельскохозяйственными районами больше не существовало. Все континенты были урбанизированы, – разумеется, не в виде перенаселенных промышленных городов ранней эпохи, но тем не менее урбанизированы. Промышленность и сельское хозяйство повсюду были взаимно связаны. Отчасти это было возможно благодаря высокому развитию воздушных сообщений, отчасти же благодаря не менее

удивительным достижениям в архитектуре. Успехи в области искусственных материалов позволили делать постройки в виде высоких изящных конструкций, которые, поднимаясь иногда на высоту до трех миль, а иногда даже и больше, при основании, на четверть мили уходящем ниже уровня земли, могли занимать на поверхности земли площадь до четверти мили в поперечнике. По форме эти структуры были большей частью крестообразные, и на каждом этаже, в центральной части креста, имелась посадочная площадка, обеспечивавшая прямую посадку с воздуха для маломерных частных аэропланов, которые теперь стали неотъемлемой частью жизни каждого взрослого человека. Эти гигантские архитектурные колонны, предвестники еще более гигантских сооружений грядущих веков, были разбросаны по каждому континенту с различной плотностью. Очень редко их разрешалось строить на расстоянии меньшем их высоты; с другой стороны, за исключением Арктики, они редко бывали удалены друг от друга более чем на двадцать миль. Таким образом, общий облик каждой страны скорее напоминал редкий лес обрубленных древесных стволов огромной высоты. Очень часто до середины высоты эти искусственные горные пики были окружены облаками или были окутаны целиком, вплоть до нижних этажей. Обитателям верхних этажей было хорошо знакомо зрелище спящего океана облаков, испещренного со всех сторон чрезмерно высокими рукотворными островами. Высота верхних этажей была такова, что в них следовало поддерживать не только искусственное тепло, но и искусственное давление воздуха и снабжение кислородом.

Между этими колоннами, созданными для проживания и производства, повсюду находилась земля, зеленая или коричневатая, в соответствии с сезонными переменами в сельском хозяйстве, парки и природные заповедники. Широкие сероватые магистрали для перевозки тяжелых грузов словно сети опутали все континенты, но более легкий транспорт и тот, что обслуживал пассажиров, был исключительно воздушным. Над всеми густо населенными районами воздушное пространство буквально кишело самолетами, поднимавшимися на высоту до пяти миль, а выше – гигантские воздушные лайнеры постоянно курсировали между континентами.

Предпринимательство уже в далеком прошлом принесло цивилизацию почти в каждый уголок суши. Сахара была озерным краем, занятым исключительно солнечными курортами. Арктические острова Канады, изобретательно обогреты перенаправленными тропическими течениями, стали родным домом для выносливых северян. Побережье Антарктики, размороженное точно таким же образом, постоянно заселялось теми, кто нанимался разрабатывать залежи полезных ископаемых в глубинных районах материка.

Значительная часть энергии, необходимой для поддержания всей этой цивилизации, получалась из зарытых глубоко в земле в виде каменного угля остатков доисторической растительности. Несмотря на то что после основания Всемирного Государства топливо Антарктики расходовалось очень экономно, новые месторождения нефти были исчерпаны менее чем за три столетия, и люди были вынуждены приводить в действие свои аэропланы электричеством, вырабатываемым посредством каменного угля. И скоро, к сожалению, стало очевидно, что даже необычайно богатые месторождения угля в Антарктике не будут вечными. Отсутствие нефти дало человечеству поучительный урок, заставив его прочувствовать реальность энергетической проблемы. В тот же самый момент космополитический дух, учивший рассматривать всю человеческую расу как соотечественников, постепенно также начал расширять свой взгляд и смотреть на вещи глазами будущих далеких поколений. В течение первого, и самого разумного, тысячелетия существования Всемирного Государства наблюдалась широко распространенная решимость не подвергать опасностям будущее за счет расточительной траты энергии. Поэтому существовала не только строгая экономия (первая предпринятая во всем мире крупномасштабная деловая акция), но были сделаны и попытки использовать более долговременные источники энергии. Очень широко использовался ветер. На каждом здании электроэнергию вырабатывало множество ветряков, и точно такой же вид имела каждая заметная вершина,

в то время как любой более-менее значительный перепад воды принудительно направлялся через турбины. Все еще очень важным оставалось использование энергии, получаемой из вулканов и из скважин, достигавших подземного тепла. Это, как надеялись, должно было решить энергетическую проблему раз и навсегда. Но даже в этот период Всемирного Государства изобретательный гений не был тем, кем он должен бы быть, и не было найдено ни одного удовлетворительного способа получения энергии. В результате ни на одной из стадий этой цивилизации вулканические источники не сделали ничего большего, чем дополнительные разрезы на удивительно богатых угольных залежах Антарктики. В этом регионе уголь залегал на гораздо большей глубине, чем где-либо еще, потому что каким-то случайным образом внутреннее тепло Земли не было здесь достаточно сильным, как в иных местах, чтобы преобразовать внутренние пласты в графит. Другой возможный источник энергии, как было известно, существовал в океанских приливах и отливах, но использование его было запрещено, потому что это движение было по своей сути астрономическим и почиталось как священное.

Возможно, что самое величайшее достижение Первого Всемирного Государства в его самый ранний и наиболее оживленный период заключалось в профилактической медицине. Хотя биологические науки с давних пор стали производными по отношению к фундаментальным теориям, они продолжали приносить много практической пользы. Уже давно ни мужчины, ни женщины не испытывали страха ни за себя, ни за своих близких по поводу таких бедствий, как рак, туберкулез, ангина, ревматические болезни и сильные расстройства нервной системы. И больше не было неожиданных опустошающих эпидемий, вызванных микробами. Не было больше тяжелых родов, и сама принадлежность к женскому полу перестала быть источником страданий. Больше не было хронических инвалидов и пожизненных калек. Осталось лишь старение; и даже это могло быть многократно облегчено физиологическим омоложением. Устранение всех этих древних источников слабости и мучений, которые в прежние времена калечили расу и преследовали множество людей либо откровенным ужасом, либо смутным и едва осязаемым падением духа, теперь повсеместно принесло жизнерадостность и оптимизм, невозможные для прежних людей.

4. Культура Первого Всемирного Государства

Таковы были материальные достижения этой цивилизации. Даже и в половину подобного искусственно созданного, сложного и благоприятного не существовало раньше. Ранняя эпоха, разумеется, тоже ставила перед собой ряд подобных идей, но мания национализма отвращала ее от достижения необходимого экономического единства. Эта же, современная цивилизация, однако, полностью переросла национализм и потратила множество веков мирной жизни на собственную консолидацию. Но к какому концу она пришла? Ужасы нищеты и болезней были устранены, дух человека освободился от калечащей его ноши и смог отважиться на смелые предприятия. Но, к несчастью, его разум пребывал к этому времени в значительном упадке. И потому эта эпоха, еще более чем «пресловутый» девятнадцатый век, была великой эпохой сплошного самодовольства.

Каждый индивидуум представлял собой хорошо питающееся и физически здоровое человекообразное животное. И притом он был экономически независим. Его рабочий день никогда не превышал шести часов и зачастую равнялся четырем. Он пользовался значительной частью промышленной продукции и во время отпуска мог свободно путешествовать на своем самолете вокруг планеты. При удаче годам к сорока он мог обрести богатство, даже в то время; а если удача ему не улыбнулась, то все равно он мог рассчитывать на определенный достаток еще до наступления восьмидесяти, когда он мог рассчитывать еще на столетие активной жизни.

Но, несмотря на такое материальное процветание, он был рабом. Его работа и его досуг состояли из лихорадочной активности, прерываемой моментами ленивого равнодушия, кото-

рое он считал как греховным, так и неприятным. Если он не был представителем сверхпреуспевающего меньшинства, он был склонен к минутным раздумьям, слишком бесформенным, чтобы называться медитациями, и тоске, слишком слепой, чтобы ее можно было выдать за желание. Потому что он и все его современники находились во власти определенных идей, которые препятствовали им в обретении полноты человеческой жизни.

Одной из этих идей была идея прогресса. Для отдельного человека предназначение, возложенное на него религиозным учением, заключалось в постоянном достижении новых успехов в авиации, сексуальной свободе и богатстве. Для общества в целом идеалом тоже был прогресс, и прогресс именно того же невежественного свойства. Еще более замечательная и широко развитая авиация, еще более многочисленные открытые сексуальные связи, еще более расширенное производство и потребление должны были еще больше приводиться в соответствие с еще более усложненной в своей организации социальной системой. Поэтому за последние три тысячи лет установился прогресс именно такого грубого сорта, но этот факт являлся скорее источником гордости, чем сожаления. Он подразумевал, что цель была уже в основном почти достигнута, то есть создано то совершенство, которое должно оправдать высвобождение секрета божественной силы и торжественное открытие эры несравненно более могущественной активности.

Потому что общераспространенная идея, буквально подавляющая человечество, заключалась в фанатичной вере в движение. Горделпас, Первичный Двигатель, требовал от человеческих существ, каждое из которых считалось его земным олицетворением, быстрой и сложной активности, и таким образом перспектива личной жизни каждого индивидуума зависела от выполнения этого обязательства. Странно, но хотя наука давным-давно разрушила веру в бессмертие как неотъемлемый символ человека, выросла дополнительная вера в факт, что те, кто включился в активную деятельность, были навечно сохранены, неким особым чудом, в постоянно движущемся духе Горделпаса. Поэтому с детских лет до самой смерти поведение личности было определено обязанностью развивать как можно большую деятельность, посредством ли собственных мышц или путем управления силами природы. В экономической иерархии заслуживали уважения три профессии, почитаемые почти так же, как Священный Орден Ученых, а именно полеты, танцы и атлетика. Каждый практиковался в этих трех областях до определенного уровня, потому что они были определены религией, но профессиональные летчики и инженеры-авиаконструкторы, профессиональные танцоры и атлеты составляли привилегированный класс.

По нескольким причинам особой чести были удостоены полеты. Они имели чрезвычайно важное практическое значение как средство связи, и как самое быстрое средство передвижения они учреждали высшую форму поклонения. Случайное совпадение, что форма самолета совпадала с основным символом древнего христианства, добавило полетам дополнительный мистический смысл. Потому что, хотя дух христианства и был утерян, многие его символы сохранились в новой вере. Более важной причиной преобладания полетов было то, что, поскольку военные действия давно ушли в прошлое, авиация, как естественный вид опасности, стала главным способом выхода природной склонности к риску современного человекообразного животного. Молодые мужчины и женщины с готовностью рисковали своими жизнями во имя Горделпаса и их собственного спасения, в то время как их старшие наставники получали косвенное удовлетворение в этом бесконечном празднике молодой удали. Разумеется, если не считать острых ощущений от занятий благочестивым воздушным пилотажем, то было невероятно, что человечество так долго сохраняет взаимный мир и свое единство. В каждом религиозном центре во время часто повторяющихся Дней Священных Полетов выполнялись традиционные коллективные и индивидуальные полеты. Когда такое случалось, то все небо бывало разукрашено замысловатыми узорами из тысяч самолетов, кружащихся, кувыркающихся, парящих, ныряющих в безупречном порядке и на разной высоте; танец, совершавшийся на одном уровне,

с большим искусством дополнял танцы, совершавшиеся в это же время на других. Казалось, будто произвольные внутренние переливы направлений огромных стай травников и чернозобиков обретали тысячекратную сложность и были подчинены единой непрерывно развивающейся теме танца. Затем, совсем неожиданно, все разлеталось на куски у самого горизонта, оставляя небо свободным для квартетов, дуэтов и соло самых блистательных, посвятивших себя полетам звезд. Обычно и ночью множество самолетов, снабженных цветными огнями, описывали в самом зените непрерывно меняющиеся символические огненные рисунки. Кроме вот таких воздушных танцев на протяжении восьми сотен лет существовал еще и обычай время от времени отражать в плотном потоке самолетов, растянувшихся почти на шесть тысяч миль, священные строки Горделпаса, чтобы это великое достояние могло быть увидено на других планетах.

В жизни каждого отдельного человека полеты играли весьма существенную роль. Сразу после рождения он попадал в руки жрицы полетов и падал, привязанный к парашюту, чтобы затем быть ловко пойманным на крыло самолета его отца. Подобный ритуал служил замечательной методикой по предотвращению беременности (запрещенных, как идущих вразрез с культом божественной энергии): поскольку к тому времени у многих младенцев совершенно атрофировался древний эффект спазматических конвульсий, большинство новорожденных падали спокойно, но вдребезги разбивались об отцовские крылья. В юношеском возрасте каждый человек (мужчина или женщина) первый раз в жизни брался за штурвал самолета, и с тех пор вся его жизнь оказывалась пронизанной суровыми воздухоплавательными упражнениями. Начиная со среднего возраста, то есть лет со ста, когда он уже не мог рассчитывать подняться на очередную ступень в иерархии людей, занятых активными полетами, он продолжал ежедневно летать с чисто практическими целями.

Две другие формы традиционной активности, то есть танцы и атлетика, вряд ли были менее важными. Да и они не были совсем привязаны к земле. Потому что определенные церемонии торжественно отмечались танцами на крыльях поднявшегося в воздух самолета.

Танцы ассоциировались главным образом с негритянской расой, занимавшей в это время весьма своеобразное положение в мире. Фактически огромные различия в цвете кожи среди человечества в этот период начинали ослабевать. Разросшиеся связи между отдельными районами заставили так перемешаться черные, коричневые, желтые и белые породы людей, что буквально повсюду было неразличимое по расовому признаку большинство. Нигде не было сколько-нибудь значительного количества людей определенной расы. Но каждый древний тип допускал возможность и теперь, и впоследствии неожиданного проявления в отдельных индивидуумах, особенно на территориях давнего обитания. С такими «откатами» обычно поступали особыми и исторически уместными способами. Так, например, в случае проявления ярко выраженной негритянской породы доверялось исполнение большинства священных танцев.

На заре цивилизации в дни национальных праздников потомки эмансипированных африканских рабов весьма заметно влияли на эстетическую и религиозную стороны жизни белого населения Северной Америки и насаждали культ негритянского танца, который сохранялся до самого конца существования Первых Людей. Отчасти это было благодаря сексуальному и достаточно примитивному характеру негритянских танцев, весьма необходимых нации, обложенной сексуальными запретами. Но это имело еще и более глубокие истоки. Американская нация приобрела своих рабов путем захвата и долгое время продолжала надменно обращаться с их потомками. Позже она скомпенсировала свою вину культом негритянского духа. Таким образом, когда американская культура распространилась по всей планете, чистокровные негры стали священной кастой. Лишенные многих гражданских прав, они считались ближайшими слугами Горделпаса. Они были и священными, и отверженными одновременно. Такая двойственная роль выражалась в крайне нелепом ритуале, проводившемся раз в год в каждом из огромных национальных парков. Белая женщина и негр, оба специально отобранные, чтобы

показать свое мастерство в танце, исполняли долгий и символический балет, кульминацией которого был ритуальный акт сексуального насилия, совершавшийся на виду у всех зрителей. Когда действие заканчивалось, негр ножом убивал свою жертву и убегал через лес, преследуемый ликующей толпой. Если он достигал убежища, то становился особо священным объектом на всю оставшуюся жизнь. Но если его ловили, то разрывали на куски или обливали легко воспламеняющимся горючим веществом и сжигали. В то время предрассудки Первых Людей были таковы, что участники обряда весьма редко сопротивлялись этому действию, потому что существовало твердое убеждение, что обоим обеспечена бесконечная жизнь в Горделпасе. В Америке подобное Священное Линчевание было наиболее популярным из всех праздников, потому что оно было сексуальным и кровавым и предоставляло небывалое наслаждение для тех масс, чья сексуальная жизнь была ограниченной и тайной. В Индии и в Африке насильник всегда был «англичанин», когда такое редчайшее существо удавалось схватить. В Китае же был изменен весь характер этого обряда, потому что насилие заменил поцелуй, а убийство состояло в прикосновении веера.

И еще одна раса, евреи, испытывала отношение к себе с подобным же сочетанием достоинства и презрения, но по совершенно иным причинам. В древние времена все их основные умственные способности, и особенно их финансовые таланты, удачно сочетались с их бездомностью, делая их изгоями общества, и теперь, в период упадка Первых Людей, они сохраняли видимость, если уж не факт, расового единства. Они по-прежнему были изгоями, хотя незаменимыми и сильными. Пожалуй, единственным видом умственной деятельности, который все еще пользовался уважением у Первых Людей, оставались финансовые операции, будь то частные или международные. Евреи сделали себя незаменимыми в финансовой организации мирового государства, далеко превзойдя все другие расы, потому что лишь они одни сохранили скрытое уважение к чистому уму. И поэтому задолго до того, как умственные способности стали считаться чем-то сомнительно наличествующим у обычных мужчин и женщин, все полагались на евреев. Это их достоинство называлось сатанинской хитростью, и они считались воплощением дьявольских сил, укрощенных служением Горделпасу. Поэтому с течением времени евреи стали чем-то вроде тихой заводи в областях умственной деятельности. Это ценнейшее свойство они использовали чаще всего в личных целях, потому что двухтысячелетнее преследование сделало их постоянными сторонниками племенного обособления, подсознательными, если уж не намеренными. Поэтому, когда они получили контроль над немногими оставшимися операциями, требовавшими скорее новизны подхода, чем рутины, они использовали свое преимущество главным образом для усиления своей собственной позиции в мире. Потому что, хотя и относительно способные, они сильно пострадали от общей грубости и взаимных притеснений, охвативших весь мир. Пусть даже в какой-то мере и способные критиковать те практические средства, с помощью которых должны быть достигнуты нужные цели, к этому времени они были совершенно неспособны критиковать те главные идеи, что тяготели над их расой в течение тысячелетий. Их ум стал чрезвычайно склонен к племенному протекционизму. Существовало, таким образом, некоторое оправдание для вселенской ненависти и даже физического отвращения, с которыми им приходилось иметь дело, потому что им одним не удалось сделать большой скачок вперед, от национализма к космополитизму, который для других рас недолго был чисто теоретическим. Существовала подходящая причина и для уважения, которое они получали, поскольку сохранили и использовали самым безжалостным образом определенную степень самого явного человеческого качества, то есть ума.

В стародавние времена ум и здравомыслие расы были основаны на неспособности слабых представителей выжить в окружающих условиях. Когда же в моду вошел гуманизм и слабых людей стало брать на попечение общество, естественная селекция уменьшилась. И поскольку эти неудачники были неспособны ни к благоразумию, ни к социальной ответственности, то они производили потомство без всяких ограничений и угрожали заразить своим разложением

едва ли не всю человеческую породу. Поэтому в период наивысшего расцвета западной цивилизации все особи, имеющие отклонения от нормы, подвергались стерилизации. Но современные поклонники Горделпаса считали как стерилизацию, так и контрацепцию опасным вмешательством во власть божества. Следовательно, единственным способом ограничения роста населения было сбрасывание новорожденных с аэропланов – процесс, который, хотя и уменьшал количество слабых, благоприятствовал сохранению здоровых младенцев скорее рефлексивного, чем мыслительного типа. Поэтому умственное развитие расы устойчиво падало. И никто не сожалел об этом.

Общее отрицательное отношение к интеллекту было неизбежным следствием поклонения инстинкту, а это, в свою очередь, было одним из аспектов верований в деловую активность. Поскольку подсознательным источником жизненных сил человека считалась Божественная Энергия, то спонтанный импульс ее должен был распространяться насколько возможно, нигде не встречая преград. Разумеется, допускались попытки объяснения этого факта в отношении каждого отдельного человека и лишь в пределах официальной сферы деятельности конкретного индивидуума, но никогда – вне ее границ. И даже специалисты не могли доставить себе удовольствие заняться обоснованием и изучением этого факта без получения лицензии для такого специального исследования. Лицензия была весьма дорогая и, как правило, выдавалась лишь при условии, если можно было доказать, что целью исследования является повышение деловой активности в мировом масштабе. В прежние времена некоторые личности из разряда патологически любопытных отваживались критиковать освященные веками методы подхода к проблемам и предлагали «лучшие» способы, не вполне подходящие для Священного Ордена Ученых. Это следовало остановить. На четвертом тысячелетии существования Всемирного Государства действия цивилизации стали до такой степени замысловато шаблонными, что никогда не создавали новых непредсказуемых ситуаций в основах существовавшего порядка.

Был еще один вид интеллектуальной деятельности в дополнение к финансовой, и, разумеется, весьма почитаемый, а именно – математические вычисления. Все ритуальные действия, все движения индустриальных машин и двигателей, все наблюдаемые явления природы должны были быть точно описаны математическими формулами. Эти описания собирались в специальных священных архивах. И там они хранились. Столь широкое создание математических описаний было основной работой ученых, и считалось, что это были единственные средства, с помощью которых такая исчезающая вещь, как движение, могла бы быть передана в вечное бытие Горделпаса.

Культ интуиции и врожденных способностей не заканчивался лишь простым формированием неуправляемого импульса. Все было гораздо сложнее. Потому что основной инстинкт, как считалось, был инстинктом веры в деятельный Горделпас, а это должно было управлять всеми остальными инстинктами, из которых самым важным и священным был сексуальный порыв, и Первые Люди всегда стремились считать его и божественным, и бесстыдным. По этой причине секс стал теперь жестко контролируемым. Упоминание о сексуальности, даже скрытое под иносказанием, было запрещено законом. Тот, кто делал замечания по поводу обычного сексуального содержания религиозных танцев, сурово наказывался. Ни одному индивидууму не позволялось никакой сексуальной активности и никаких сексуальных знаний, пока он (мужчина или женщина) не обретет собственные крылья. Между тем, разумеется, множество сведений об искаженных и извращенных характерах могло бы быть почерпнуто из изучений религиозных писаний и бытового уклада, но официально все эти священные материалы получали метафизическую, а не сексуальную интерпретацию. И хотя совершеннолетие, Овладение Крылом, могло наступать лет в пятнадцать, иногда оно дотягивало до сорока. Если к этому возрасту индивидуум все еще не справлялся с испытательными упражнениями, ему (или ей) навсегда запрещались сексуальные связи и информация на эту тему.

В Китае и в Индии это столь экстравагантное сексуальное табу было в некоторой степени смягчено. Множество беззаботных людей приходили к осознанию, что предоставление знаний о сексе «подросткам» является ошибочным лишь в том случае, когда средой общения является исключительно священный американский язык. По этой причине они использовали для этого местный говор. Подобным же образом сексуальная активность «подростков» была разрешена при условии, что происходила в диких резервациях и без использования американской речи. Однако даже в Азии эти ухищрения ортодоксами порицались.

Когда человек обретал собственные крылья, он официально посвящался в таинство секса и всю его «биолого-религиозную» значимость. Ему также позволялось обрести «жену, хранящую домашний очаг», а после еще большего числа усложненных авиационных испытаний любое количество «символических» жен. Аналогично происходило и с женщинами. Эти два вида партнерства весьма значительно различались. Супруги, «хранители семейного очага», вместе появлялись на публике, и их союз был нерушим. Союз же «символический», с другой стороны, мог быть нарушен любой стороной. И он также считался достаточно священным, чтобы подвергаться публичному разоблачению или даже хотя бы упоминанию.

Очень большое число людей так и не проходило тест, который определял разрешение на сексуальную жизнь. Эти индивидуумы либо оставались девственниками, либо предавались сексуальным отношениям, которые были не только незаконны, но и кощунственны. С другой стороны, преуспевшие были склонны вступать в сексуальные отношения при каждом удобном случае.

При таких обстоятельствах было вполне естественно, что среди сексуально ущемленной части населения должны были существовать определенные тайные культы, которые были поиском выхода из суровой реальности в миры фантазий. Одним из таких культов была преобразованная древняя христианская религия, превращенная в поклонение Богу Любви. В основе лежало утверждение, что всякая любовь является сексуальной, поэтому при богослужениях, частных или публичных, каждый поборник веры должен находить прямую сексуальную связь с Богом. В результате возник чрезвычайно грубый фаллический культ, очень презируемый теми более удачливыми личностями, кто не нуждался в нем.

Другая великая ересь частично исходила из энергии сдерживаемых взрывов интеллекта и привлекала личности с природным любопытством, которые хоть в какой-то мере дополняли глобальную нехватку умственного развития. Эти восторженные поборники интеллекта были вдохновлены Сократом. Великий древний утверждал, что чистая мысль невозможна без четкой определенности целей и что без четкого мышления человек теряет полноту бытия. Его последние ученики были едва ли менее горячими поклонниками правды, чем их учитель, однако они полностью утратили его дух. Только познав правду, утверждали они, человек может достичь бессмертия; а познать правду он может, только давая точные определения окружающему. Поэтому, проводя вместе тайные встречи и находясь в постоянной опасности ареста за недозволенное мышление, они без конца спорили о толковании вещей. Но вещи, бывшие предметом их интереса, не составляли базовых концепций человеческой мысли, потому что те, что составляли ее, по их утверждению, были определены раз и навсегда еще Сократом и его ближайшими последователями. Поэтому, принимая их в качестве истины и допуская грубые ошибки в их понимании, отдаленные последователи Сократа брали на себя ответственность дать определение всем процессам в мировом государстве и ритуалам утвержденной религии, всем эмоциям мужчин и женщин, всем формам носов, ртов, зданий, вершин, облаков и фактически всем территориям, составляющим их мир. Таким образом, они верили, что они освобождают самих себя от мещанства, свойственного их возрасту, и обеспечивают творческую взаимосвязь и добрые отношения с будущими последователями Сократа.

5. Крах

Крушение этой первой всемирной цивилизации произошло из-за неожиданной нехватки в обеспечении каменным углем. Все первоначальные месторождения истощились за много веков до того, и должно бы стать очевидным, что те, что были открыты в более позднее время, не могли разрабатываться вечно. Потому что уже несколько тысяч лет основное снабжение углем осуществлялось из Антарктики. Этот континент был до такой степени богат месторождениями, что в затуманенном сознании населения мира укоренилось суеверное представление, будто он загадочно неисчерпаем. Поэтому, когда в конце концов, несмотря на жесткую цензуру, начали просачиваться слухи о том, что даже самая большая из достижимых на сегодняшний день глубин бурения не позволяет обнаружить каких бы то ни было новых залежей окаменелой растительности, мир поначалу воспринял их с недоверием.

Здоровая политика должна была бы положить конец гигантским затратам энергии на поддержание ритуальных полетов, которые потребляли из общественных ресурсов гораздо больше, чем вся производящая индустрия. Но верующим в Горделпаса такой путь был почти невыносимым. Более того, он подрывал бы устои аристократии, сформировавшейся вокруг полетов. Теперь этот сильный класс заявлял, что давно уже пришло время открыть секрет божественной энергии, и призывали Священный Орден Ученых торжественно открыть новую эру. Громкая многоголосая агитация во всех странах поставила ученых в весьма неловкое положение. Они тянули время, заявляя, что, хотя момент раскрытия тайны и приближается, он все-таки еще не настал, потому что они получили божественный намек, что имевшие место недостатки угля были возложены на людей как высшая степень проверки их веры. И служение Горделпасу в виде ритуальных полетов должно быть скорее увеличено, чем уменьшено. Тратя лишь самый необходимый минимум энергии на мирские дела, люди должны полностью сосредоточиться на религии. Когда же Горделпас получит доказательство их преданности и веры, он разрешит ученым спасти их.

Таким уж был престиж науки, что подобное объяснение в первый момент было принято повсеместно. Ритуальные полеты были поддержаны. Все связанные с роскошью производства были упразднены, и даже до минимума были сокращены жизненно важные службы. Таким образом, рабочие, выброшенные с производств, были возвращены к сельскохозяйственным работам, потому что считалось, что использование механической энергии в простой обработке почвы должно быть отменено как можно скорее. Подобные перемены требовали еще больших организационных способностей, чем было в запасе у человечества. Повсюду начал распространяться беспорядок, за исключением тех мест, где отдельными евреями была проведена серьезная организация дела.

Первым результатом этого широчайшего движения за экономию и самоограничение должно было быть некое духовное пробуждение большинства, которое раньше вело непригодную ленивую жизнь. Аргументом для этого служило широчайшее ощущение кризиса и приближающегося чуда. Религия, ставшая, несмотря на свой повсеместный авторитет в этот период, скорее институтом ритуала, чем духовного опыта, начала волновать многие сердца... разумеется, не как минутный приступ поклонения, а скорее как непонятный страх, не лишенный болезненного самомнения.

Но как только истощилась новизна этого энтузиазма, а жизнь становилась все более и более стесненной, даже самые ревностные начали с ужасом замечать, что в моменты бездеятельности они были склонны к сомнениям, слишком шокирующим для признания. И поскольку ситуация продолжала ухудшаться, даже жизнь, занятая непрерывной деятельностью, не могла подавить эти нечестивые фантазии.

Потому что теперь человечество было ввергнуто в беспрецедентный психологический кризис, распространенный шоком экономического бедствия на перманентно нездоровый менталитет. Необходимо вспомнить, что каждый индивидуум когда-то был любознательным ребенком, но его приучили остерегаться любопытства, как дыхания Сатаны. В результате вся человеческая раса страдала от некоего вида вывернутой репрессии, репрессии интеллектуальных позывов. Неожиданная экономическая перемена затронула все классы на всей планете, концентрируя внимание на шокирующем любопытстве и крайнем скептицизме, которые до сих пор были надежно похоронены в самых глубоких тайниках сознания.

Нелегко было постичь странное искажение менталитета, беспокоившее теперь все человечество, характеризуя себя в некоторых случаях припадками самого настоящего головокружения. После многих веков процветания, утвержденного порядка и ортодоксии люди неожиданно оказались охвачены сомнением, к которому относились как к явлению сатанизма. Но об этом не было произнесено ни слова; однако дьявол, не переставая нашептывать, овладел сознанием каждого человека, испытывавшего на себе встревоженные взгляды своих собратьев. Разумеется, все перемены в его жизни совпадали с его легковерием.

В ранний период жизненного пути человечества подобный мировой кризис мог бы пробудить у людей здравомыслие. Под первым нажимом бедствия они могли бы отказаться от экстравагантных элементов своей культуры. Но теперь древний уклад жизни был слишком глубоко похоронен. Следовательно, мы созерцаем фантастическую картину мира, общество, устроенное самозабвенно и даже героически благодаря безрассудной трате его ресурсов в многочисленных воздушных зрелищах, без целеустремленной веры в их справедливость и действительность, а исключительно в виде безрассудного автоматизма. Подобно тем маленьким грызунам, чья миграция стала невозможна из-за появившейся водной преграды, и потому они ежегодно топили себя целыми тысячами, Первые Люди беспомощно продолжали свое пристрастие к ритуалам; но в отличие от леммингов они были в достаточной мере человеческими существами, чтобы в то же самое время быть угнетенными неверием, которое, сверх того, они боялись осознать.

Тем временем ученые были серьезно и тайно погружены в изучение древней научной литературы в надежде обнаружить забытый талисман. Они же предпринимали тайные эксперименты, но шли по ложному пути, указанному коварным английским современником Первооткрывателя. Первые результаты были таковы, что несколько исследователей было отравлено или убито электрическим током и взлетел на воздух огромный институт. Это событие поразило массы, которые предполагали, что этот случай произошел из-за слишком рискованного применения божественной силы. Непонимание побудило отчаявшихся ученых приготовиться к дальнейшим впечатляющим «чудесам» и, больше того, использовать их для укрощения нарастающего нетерпения голодающих промышленных рабочих. Поэтому, когда депутация рабочих появилась около учреждений Всемирного Сельскохозяйственного Управления, чтобы потребовать для работающих в промышленности дополнительное количество муки, Горделпас неким чудесным образом взорвал землю, на которой те стояли, и разбросал их тела прямо на зрителей. Когда в Китае работающие в сельском хозяйстве объявили забастовку, чтобы получить причитающуюся им долю электрической энергии для обработки земли, Горделпас воздействовал на них зловредной атмосферой, так что многие тысячи их задохнулись и умерли. Стимулированные таким образом с помощью прямого божественного вмешательства сомневающиеся и предательские элементы из всеобщей человеческой массы вновь обрели и веру, и послушание. И мир слегка продвинулся вперед настолько, насколько возможно, как это делалось за последние четыре тысячи лет, если не считать общее усиление голода и ухудшение здоровья.

Но неизбежно, по мере того как условия жизни становились все более и более суровыми, послушание сменилось отчаянием. Смелые духом начали публично взывать к благо-

разумию и даже к благочестию, относительно столь огромных затрат энергии на ритуальные полеты, в то время когда предметы первой необходимости, и прежде всего пища и одежда, становились недостижимыми. Разве не делала эта беспомощная преданность их всего лишь предметом насмешки в божественных глазах? Бог помогает тому, кто помогает себе сам. И уже давно вызывал тревогу устрашающе возросший масштаб смертности. Истощенные и оборванные люди начали просить подаяние в общественных местах. В отдельных районах голодало почти все население, и Директорат ничего не сделал для них. Однако в других местах уборка хлебов была сорвана из-за отсутствия энергии, необходимой для жатвы. И во всех странах поднялись шумные протесты с требованием открытия новой эры.

Теперь ученый мир пребывал в панике. Их исследования окончились ничем, и было очевидно, что в будущем вся энергия, получаемая от воды и ветра, должна будет расходоваться лишь на первичное производство. И даже при этом очень многих впереди ждал голод. Президент Физического Общества предложил Директорату сократить наполовину ритуальные полеты как компромисс с Горделпасом. Немедленно эта ужасная правда, в которой до настоящего времени немногие отваживались признаться лишь перед самими собой, была выпущена в эфир известным, вызывавшим доверие евреем: вся вековая легенда о божественной тайне оказалась ложью, из-за чего же тогда эти физики тянули время? Смятение и ярость охватили планету. Повсюду люди поднялись против ученых и против правящих властей, которые управляли ими. Погромы и репрессивные меры вскоре переросли в гражданские войны. Китай и Индия объявили себя независимыми национальными государствами, но не смогли добиться внутреннего единства. В Америке, настоящей цитадели науки и религии, правительство сохраняло некоторое время власть в своих руках, но по мере того как его положение стало менее устойчивым, применяемые им методы стали все более грубыми. В конце концов оно сделало ошибку, применив не только отравляющий газ, но и биологическое оружие; а состояние медицины было настолько слабым, что никто не смог создать средства для сдерживания их уничтожающего действия. Весь Американский континент сдался нашествию легочных и нервных болезней. Древнее «американское бешенство», которое много лет назад было использовано против Китая, теперь опустошило Америку. Огромные станции, аккумулировавшие энергию ветра и воды, были разрушены обезумевшими толпами, стремящимися воздать возмездие всему, что ассоциировалось с властью. После оргии каннибализма некоторые районы остались вовсе ненаселенными.

В Азии и Африке некоторое время все еще поддерживалось подобие порядка. Однако вскоре «американское бешенство» распространилось и на эти континенты, и очень скоро прямые свидетельства существования их цивилизации тоже исчезли.

Только в самых естественно-плодородных районах мира остатки больного и искалеченного населения могли скудно добывать жизненные соки прямо из земли. В других местах было полное опустошение. Теперь без всякого труда джунгли широким шагом вновь занимали когда-то принадлежавшее им пространство.

Глава V. Падение Первых Людей

1. Первый Век Тьмы

Мы подошли к периоду в истории человечества, отстоящему от открытия Ньютона немногим меньше чем на пять тысяч лет. В этой главе нам предстоит охватить около ста пятидесяти тысяч лет, а в следующей – еще десять миллионов. Это перенесет нас во время, удаленное в будущее от Первого Всемирного Государства настолько же, насколько ранние антропоиды удалены от него в прошлое. В течение первой десятой доли первого миллиона лет, прошедших

с момента краха Всемирного Государства, то есть в течение ста тысяч лет, человек оставался в полном упадке. До конца этого промежутка времени, которое мы будем называть Первым Веком Тьмы, он так и не попытался еще раз вырваться из дикого состояния, через варварство к цивилизации. А затем его возрождение прошло относительно быстро. От самых первых попыток до конца оно заняло всего лишь пятнадцать тысяч лет, и к моменту этой последней агонии планета была окончательно опустошена, потому что разум с тех пор так и дремал, находясь в оцепенении более десяти миллионов лет. И это был Второй Век Тьмы. Вот так выглядит временной интервал, который нам предстоит рассмотреть в этой и в следующей главах.

Следовало бы ожидать, что после крушения Первого Всемирного Государства возрождение должно бы произойти через несколько поколений. Историки, разумеется, очень часто бывали озадачены причинами этой удивительно полной и длительной деградации. Присущая человеку натура была приблизительно той же, как до, так и непосредственно после кризиса; однако людской разум, очень легко справлявшийся с управлением уже существующей мировой цивилизацией, оказался совершенно неспособным к строительству нового общества на развалинах старого. Далекое от восстановления, положение человека стремительно ухудшалось, пока человечество не погрузилось в примитивную дикость.

К такому результату привело множество причин, одни из которых были относительно неосновательными и временными, некоторые же глубокими и долгими. Будто бы Судьба, направляя события к уготованному концу, сама использовала множество разнотипных инструментов, ни один из которых не был достаточным сам по себе, хотя все и работали вместе из всех сил в одном и том же направлении. Прямой же причиной беспомощности человеческой расы в период развития кризиса Всемирного Государства были, разумеется, широкая эпидемия психических заболеваний и еще более распространившееся расстройство умственных способностей – следствие применения микробов. Это почти мгновенное воздействие сделало для человека невозможным оценить свое падение на самой ранней и наименее неуправляемой стадии. Позже, когда эпидемия подошла к концу, даже при условии, что вся цивилизация уже представляла сплошные руины, согласованная попытка вернуться к благочестию могла бы тем не менее восстановить ее на более умеренном уровне. Но среди Первых Людей только меньшинство было едва способно к искреннему и беззаветному служению общему делу. Подавляющее же большинство по своей природе было подвержено личным устремлениям. И в этот мрачный период столь велика была глубина разочарования и общего истощения, что даже обычная решительность и твердость были невозможны. Казалось, что рухнула не только социальная структура человеческого общества, но и структура всего обитаемого мира. И единственной реакцией на это было лишь пассивное отчаяние. Четыре тысячелетия определенного уклада жизни лишили человеческую природу всей ее податливости. Ожидать, что эти существа целиком переделают свое поведение, было едва ли более разумно, чем ожидать, что муравьи, когда их гнездо затопляет вода, последуют поведению водяных жуков.

Но еще более важная и настоящая причина заставила Первых Людей после их падения не подниматься долгое время. Трудноуловимые психологические изменения, которые соблазнительно назвать общим дряхлением породы, подрывали состояние тела и разума человека. Химическое равновесие каждого индивидуума становилось все более нестабильным, так что мало-помалу великий дар человечеству в виде продолжительной молодости постепенно терялся. Но куда быстрее, чем от старости, его ткани изнашивались, как бы проявляя износ от трудностей самого бытия. Это бедствие не было неизбежным, но оно было привнесено воздействиями на характер, свойственный данной породе, и усиливалось условиями. В течение нескольких тысяч лет человек жил под очень сильным давлением в биологически неестественном окружении и не нашел средств для компенсации особенностей своей природы из-за наложенной на нее дополнительной нагрузки.

Осознав все это после падения Первого Всемирного Государства, поколения очень быстро скользнули сквозь сумерки в самую настоящую ночь. Чтобы прожить эти столетия, необходимо было жить с осознанием общего упадка и разложения и с легендами о могущественном прошлом. Население почти полностью происходило теперь из фермеров прежних времен, и поскольку сельское хозяйство считалось очень малоактивной областью, подходящей в основном только для ленивых людей, планета была теперь сплошь заселена одними мужланами. Лишенная энергии, машин и химических удобрений, эта деревенщина с трудом могла прокормить даже себя. И, разумеется, только десятая их часть пережила Великую депрессию. Второе поколение знало о цивилизации лишь как о легенде. Все их дни были наполнены непрерывным трудом по обработке земли и регулярными объединениями усилий для борьбы с мародерами. Женщины стали более сексуальны и занимались домашним трудом. Семья, или клан из нескольких семей, стала самой большой социальной единицей. Бесконечные распри и вражда возникали между населением соседних долин и между фермерами и шайками бандитов. Мелкие вооруженные деспоты временами поднимались вверх и падали, но никакого постоянного контроля над достаточно широкой территорией так и не было установлено. Пока еще не было избыточного богатства, чтобы тратить его на такую роскошь, как правители и регулярные армии.

Поэтому без ощутимых перемен тысячелетие протянулось в убогой и тяжелой работе. Этим неоварварам было трудно жить на истощенной планете. Не было больше не только нефти и каменного угля, но и никаких минеральных залежей, сохранившихся в местах, доступных их слабым инструментам и разумам. И особенно легких металлов, необходимых для столь многочисленных разнообразных работ по созданию материальной цивилизации: они давным-давно исчезли из наиболее доступных глубин земной коры. Более того, обработка почвы была слишком затруднена из-за того факта, что само железо, которое теперь нельзя было добыть без механизированных горных работ, оказалось недоступным. Люди были вынуждены вновь прибегнуть к каменным орудиям, как это делали их древнейшие человеческие предки. Но им не хватало ни умения, ни настойчивости своих предков. Для них не существовало ни заостренности палеолита, ни гладкости и симметрии неолита. Их орудиями были лишь разбросанные на земле булыжники, у которых отбивались края для повышения удобства этих естественных камней. Почти на каждом из них они запечатлевали один и тот же патетический символ – Свастику или Крест, – использовавшийся Первыми Людьми в качестве священной эмблемы на всем пути их существования, хотя и с изменявшимся смыслом. В одном случае он символизировал изображение аэроплана, пикирующего к гибели, и в таком виде использовался бунтовщиками как символ падения Горделпаса и самого Государства. Но более поздние поколения интерпретировали эту эмблему иначе, как знак, указывающий на их божественных предков, и как напоминание о том золотом веке, из которого им был предначертан путь либо в вечное падение, либо до того момента, пока боги не вмешаются в их судьбу. Почти очевидно, что в столь упорном использовании этого символа первые представители рода человеческого невольно воплощали двойственность и противоречивость своей собственной природы.

В это время умами всей расы завладела идея непреодолимого упадка. Поколение, перенесшее падение Всемирного Государства, удручающе действовало на свою молодежь рассказами о прошлых прелестях и чудесах и убеждало самих себя в том, что молодые люди не имеют достаточно разума, чтобы вновь построить такую сложную систему. Следующие поколения, по мере того как условия реальной жизни становились все более и более жалкими, относились к легенде о прошлой славе все более и более скептически. Целая масса научных знаний была очень быстро утрачена, если не считать тех обрывков, которые имели практическое значение даже при такой дикой жизни. Осколки старой культуры были, конечно, сохранены в общем переплетении практических знаний народов, которые опутывали земной шар, но они были до неузнаваемости искажены. Поэтому существовало широко распространенное убеждение, что

окружающий мир зарождался как огонь и что жизнь выделилась из огня. После появления обезьян эволюция прекратилась (так утверждалось) до тех пор, пока не явились божественные духи и не овладели самками-обезьянами, произведя таким образом человеческие существа. Таким образом возник золотой век божественных предков. Но, к несчастью, через некоторое время внутри человека зверь одержал победу над божеством, и потому прогресс уступил место многовековому упадку. И, разумеется, этот упадок был неизбежен до тех пор, пока боги не найдут подходящего момента, чтобы вновь прийти на землю и сожительствовать с женщинами и еще раз воспламенить человечество. Подобная вера во Второе Пришествие богов настойчиво и повсеместно поддерживалась в Первый Век Тьмы и утешала людей в их смутном осознании вырождения.

Даже по завершении Первого Века Тьмы развалины древних жилых башен все еще оставались отличительными чертами каждого пейзажа, зачастую производя впечатление одряхлевшего величия рядом с лачугами сегодняшних дикарей. Потому что живущие человеческие расы, поселившиеся возле этих реликтов, напоминали хилых внуков, играющих у ног когда-то могущественных родителей их отцов. Так хороши были старые постройки и из таких прочных материалов, что даже после сотен тысячелетий развалины все еще представляли вполне узнаваемый памятник материальной культуры человека. Хотя большей частью они были теперь, разумеется, немногим больше, чем высоченные горы развалин, заросших травой и кустарником, в большинстве из них сохранились остатки вертикально стоящих стен, и то тут, то там отдельные уцелевшие фрагменты их все еще поднимались вверх из своих выложенных булыжником оснований на сотню футов или около того, будто усеянные окнами отвесные утесы. Теперь эти остатки были окружены фантастическими легендами. В одном из мифов люди из прошлого строили себе громадные дворцы, способные летать. За тысячи лет (за целую эру до этих варваров) люди жили в общем согласии и почитании богов; но под конец они впали в тщеславие от собственной гордости и предприняли полеты к Солнцу, к Луне и в звездное пространство, чтобы изгнать богов из их сияющего дома. Но боги посеяли между ними разлад, так что они один за другим погибли в верхних слоях атмосферы, а их быстроходные крылатые дворцы тысячами рухнули на землю, превратившись с тех пор и навеки веков в памятники человеческому безрассудству. Однако в другом сказании крылатыми были сами люди. Они обитали в голубятнях каменных башен, вершины которых были выше звезд и нарушали покой богов, и те уничтожили их. Итак, в той или иной форме эта тема о крахе могущественных пилотов прошлого довлела над этими жалкими людьми. Их грубый труд на земле, их охота, их защита от появившихся хищников на каждом шагу сопровождалась страхом прогневать богов любым непредвиденным поступком.

2. Зарождение Патагонии

По мере того как проходили столетия, в разных географических зонах начали складываться различные расы людей. И каждая раса состояла из множества племен, каждое из которых не знало о существовании других, кроме своих ближайших соседей. После многих тысячелетий это обширное многообразие пород и культур дало возможность произойти новым биологическим слияниям и образованию смешанных рас. Наконец, после множества подобных межрасовых соединений появились люди, у которых до некоторой степени было восстановлено древнее чувство человеческого достоинства. В очередной раз возникло реальное различие между развитыми и отсталыми районами, между «первобытными» и относительно просвещенными культурами.

Это возрождение произошло в Южном полушарии. Совокупность климатических изменений предоставила самой южной территории Южной Америки подходящий питомник для цивилизации. Кроме того, огромное землетрясение земной коры к востоку и югу от Патагонии

привело к тому, что когда-то относительно мелкая часть океана превратилась в обширное пространство новой суши, соединяющей Америку с Антарктикой на месте прежних Фолклендских островов и острова Южной Георгии и протянувшейся оттуда на восток и северо-восток в самый центр бывшей Атлантики.

Случилось еще и так, что в Южной Америке, как нигде больше, сложились наиболее благоприятные расовые условия. После падения Первого Всемирного Государства в этом регионе начало ослабевать влияние европейских элементов и начали доминировать древние индейские и перуанские племена. За много тысячелетий до этого эта раса достигла своей собственной первобытной цивилизации. После того как она была разрушена руками испанцев, то начала казаться навсегда исчезнувшей и незначительной; однако, как ни странно, она по-прежнему продолжала существовать в отдалении от своих завоевателей. И хотя два племени смешались самым неразделимым образом, все равно в отдаленных частях этого континента оставался образ жизни, чуждый доминирующему повсюду американизму. Американизированный лишь поверхностно, он оставался в своей основе «индейским» и непонятным для остального мира. За весь период прошедшей цивилизации этот дух покоился как дремлющее зимой семя; но с возвращением варварства он дал ростки и спокойно распространился повсюду. От взаимодействия с этой древней первобытной культурой и множеством других расовых элементов, оставшихся на континенте от общей мировой цивилизации, должны были еще раз появиться основы цивилизованного уклада жизни. Таким образом инкам наконец-то выпало одержать триумф над своими завоевателями.

Затем в Южной Америке, и особенно на новых девственных равнинах Патагонии, произошло объединение множества причин, чтобы Первому Веку Тьмы был наконец-то положен конец. Вновь начал повторяться великий порыв разума. Но пока в минорном ключе. Потому что на жителей Патагонии свалились тяжелые затруднения. Они начали стареть задолго до того, как подросло их молодое поколение. Во времена Эйнштейна молодость индивидуума заканчивалась где-то в двадцать пять лет, а в условиях Всемирного Государства этот возраст был искусственно удвоен. После падения цивилизации увеличение естественной краткости жизни индивидуума больше не поддерживалось искусственными мерами, и к концу Первого Века Тьмы мальчик пятнадцати лет уже считался человеком среднего возраста. Цивилизация Патагонии в период своего расцвета обеспечивала значительное облегчение и даже безопасность самой жизни человека и давала ему возможность доживать до семидесяти, а то и до восьмидесяти лет; но период нежной и податливой юности сохранялся в лучшем случае не больше чем на полтора десятилетия. Поэтому действительно молодые люди никогда не были в состоянии внести свой вклад в культуру прежде, чем уже достигали среднего возраста. В пятнадцать лет их кости неотвратимо становились хрупкими, волосы седели, а лица покрывались морщинами. Суставы и мускулы твердели, мозг с трудом адаптировался к новым ситуациям, жизненный задор испарялся.

Могло показаться странным, что при таких обстоятельствах эта раса могла добиться хоть какого-то развития цивилизации и что какое-то поколение должно было бы сделать нечто большее, чем научиться хитростям своих старших предшественников. Однако на самом деле, хотя прогресс и не был быстрым, он был стабильным. Потому что, несмотря на то что этим существам не хватало живости и энергии молодых, они до некоторой степени компенсировали это тем, что избегали множества поспешных действий и ошибок, свойственных молодым. Первые Люди фактически теперь были расой, отдававшей дань увлечениям молодости, и хотя проделки молодых так или иначе мешали им, но теперь они имели преимущество в определенности и единстве цели. Хотя и обреченные на усталость и некоторый страх перед несдержанностью, ведущими к моментальному крушению всех значительных достижений их предков, они избегали большинства расточительных отклонений и столкновений умов, которые ломали ранние цивилизации на их пике, а не на спаде. Более того, поскольку их животная природа

была несколько подавлена, жители Патагонии были более склонны к хладнокровному познанию и более расположены к интеллектуализму. Они являли категорию людей, в которых рациональность поведения была менее всего подвержена страстям, хотя имела склонность потерпеть неудачу из-за простой лени или малодушия. Хотя они относительно легко переживали свою отчужденность, она имела всего лишь природу простой апатии, а не стремление сбежать от замкнутого круга жизненных пристрастий в более обширный мир.

Одним из источников этой особой черты, свойственной разуму людей Патагонии, было то, что их сексуальные влечения были относительно слабыми. Множество неясных причин помогало сдерживать ту расточительную сексуальность, в отношении которой первые человеческие племена отличались от всех остальных животных, даже постоянно подверженных сексуальным устремлениям обезьян. Эти причины были самыми разными, но они объединились, чтобы произвести на последней фазе жизни племен общее сокращение избытков энергии. В периоды Веков Тьмы суровые правила борьбы за существование отменяли сексуальные интересы далеко назад, почти на второстепенное место, в том смысле, как оно существовало в животном мозгу. Половой акт стал лишь наслаждением удовлетворения случайного желания, в то время как самосохранение уже в очередной раз стало неотложной и постоянной потребностью. Когда же, наконец, жизнь постепенно начала налаживаться, сексуальность осталась в частичном упадке, потому что силы «дряхлающей» расы поглотила работа. Итак, культура населения Патагонии по своему уклону отличалась от всех ранее существовавших культур Первых Людей. До того времени существовал конфликт сексуальности и общественного запрета, образовавшийся отчасти из-за неумной страсти, а отчасти из-за заблуждений. Излишки энергии победивших племен, с одной стороны, направляемые обстоятельствами в огромную реку секса и осуждаемые, с другой стороны, сложившимися в обществе обычаями, были вынуждены реализовываться посредством предпринимательства. И хотя очень часто они вырывались наружу и попусту растрачивались еще до своего использования, в целом они все же приносили изрядную пользу. Разумеется, во все времена для них существовала предрасположенность рвануться во все стороны и прорыть свои собственные каналы, как оставшийся от срубленного дерева пень производит не один, а целое множество побегов. В результате – богатство, разнообразие жизни, непоследовательность в решениях и ожесточенные и непостижимые устремления и страсти возникали у самых ранних людей. У людей же Патагонии не было таких избытков. И то, что они не были сильно сексуальны, само по себе не являлось слабостью. А что имело значение, так это то, что эти вливания энергии, которые некогда удавалось направлять через каналы секса, истощились сами собой.

А теперь вообразим себе небольшой и необычайно здравомыслящий народ, утвердившийся к востоку от Байя Бланка и столетие за столетием занимавший равнины и поднимающийся в горные долины. Со временем он достиг и окружил вершины, что были некогда островом Южная Георгия, в то время как на север и на восток распространился до высокогорий Бразилии и перевалил через Анды. Несомненно более высокоразвитые, чем любые из их соседей, несомненно более энергичные и решительные, жители Патагонии не имели серьезных конкурентов. И поскольку по своему темпераменту они были весьма миролюбивы и спокойны, их культурный прогресс был серьезно замедлен, поскольку он порождается или милитаризмом, или внутренними противоречиями. Как и их предки в Северном полушарии, они прошли фазы раскола и единения, деградации и восстановления; но их поступательное развитие в целом обладало большей стабильностью прогресса и было менее драматичным, чем все, происходившее раньше. Ранние люди за тысячу лет совершили скачок от варварства к цивилизованной жизни и вновь скатились в него. Медленное продвижение жителей Патагонии заняло в десять раз больше времени, чтобы пройти от племенной к цивилизованной организации.

В конечном счете они составили широкое и высокоорганизованное сообщество автономных провинций, чьи политические и культурные центры располагались на новом, северо-

восточном побережье древних Фолклендских островов, в то время как варварские окраины включали большую часть Бразилии и Перу. Отсутствие серьезных разногласий между отдельными частями этой «империи» объяснялось отчасти врожденным миролюбивым нравом, а частично талантливой организацией. Эти воздействия были усилены весьма странной и мощной традицией космополитизма, или всеобщего единства человечества, рожденной в агонии распада перед самым возникновением Всемирного Государства и так запавшей в души людей, что она выжила как элемент мифа даже на протяжении Века Тьмы. И так сильна была эта традиция, что даже когда парусные корабли Патагонии добрались до удаленной Африки и Австралии и основали там колонии, эти новые сообщества оставались неразрывными со страной-матерью. И даже когда фактически нордическая культура с новых, находящихся в умеренном климате побережий Атлантики затмила древний центр, политическая гармония расы никогда не подвергалась опасности.

3. Культ юности

Жители Патагонии прошли через все духовные фазы, которые были известны и древним расам, но своим особым способом. У них была своя примитивная племенная религия, унаследованная из далекого прошлого и основанная на страхе перед силами природы. У них было и собственное монотеистическое олицетворение Силы как мстительного Создателя. Наиболее чтимым национальным героем был Богочеловек, положивший конец старой религии страха. У них также были свои фазы и в религиозных ритуалах, и свои фазы рационализма, и, с другой стороны, собственные фазы практической любознательности.

Наиболее важной для историка, старающегося понять их особый менталитет, является тема Богочеловека; как ни странно, она имеет сходство, хотя и заметно отличается, с подобными темами в более ранних культурах первых человеческих племен. Он представлялся как вечным юношей, так и мистическим сыном всех мужчин и женщин. никоим образом не будучи Старшим Братом, он был Возлюбленным Дитя и, разумеется, олицетворял то положение, ту молодую силу и тот энтузиазм, которые, как полагали люди, ускользнули от них. Хотя сексуальный интерес этих людей был весьма слаб, родительские устремления были очень сильны. Но поклонение Возлюбленному Сыну не было просто родительским инстинктом; оно при этом выражало как личную тоску каждого по собственной утраченной юности, так и его смутное ощущение, что сама человеческая раса подвержена старению.

Предание гласило, что пророк на самом деле жил целый век, оставаясь цветущим юношей. Это был образ Ребенка, Отказавшегося Взрослеть. И такая сила воли, как говорили, была возможна для него потому, что слабая жизненная сила расы сконцентрировалась и усилилась в нем во многие миллионы раз. Потому что он был продуктом всей родительской страсти, которая только была или могла быть, и как таковой он был божественен. Он был главным образом Сыном Человека, но при этом он был Богом. Потому что Бог в этой религии был не первичным Создателем, а всего лишь продуктом человеческих усилий. Создатель являл вероломную жестокую силу, совершенно непреднамеренно порожденную существом весьма достойным, а не самим собой. Бог, существо всеобщего обожания, в свое время был вечным результатом человеческого труда, неизменно выполняемым обещанием того, что человек должен выполнить сам. Однако, хотя этот культ и был основан на желании обрести полное душевной молодости будущее, он же был и угрозой страха, временами почти определенного, что такое будущее вообще никогда не состоится, что раса обречена на старение и смерть, что дух никогда не сможет покорить распадающуюся плоть, а будет лишь угасать и исчезать. И только, как говорили, приняв к сердцу откровение Божественного Ребенка, человек мог надеяться избежать такой участи.

Такова была легенда. Она была достаточно поучительна, чтобы познавать реальность. Реальный индивидуум, на котором был основан этот миф о Возлюбленном Сыне, был явлением удивительным. Рожденный от родителей-пастухов среди Южных Анд, он стал знаменит прежде всего как предводитель романтического «движения молодых»; и этот ранний период его жизненного пути принес ему последователей. Он убеждал молодежь показать пример старикам, жить своей собственной жизнью, не связанной обычаями, наслаждаться, работать усердно, но быстро, быть почтительным к друзьям. Он проповедовал главным образом религиозный долг – сохранять молодость духа. Ни один человек, говорил он, не может состариться, если только серьезно не захочет сделать этого, достаточно всего лишь удерживать от спячки свою душу и держать свое сердце открытым всем молодым воздействиям и закрытым для каждого порыва увядания. Наслаждение духом в духе, говорил он, является величайшим из восстановителей: оно воссоздает как любящего, так и возлюбленного. Достаточно, чтобы народ Патагонии оценивал каждую постороннюю красоту без всякой зависти, и раса людей вновь помолодеет. И миссия его все возрастающего Отряда Молодых была не чем иным, как омоложением человека.

Проповеди этого привлекательного учения способствовал факт, внешне напоминавший чудо. Этот проповедник оказался уникальным биологическим явлением среди жителей Патагонии. Когда у многих из его сверстников наблюдались признаки старения, он сохранял физическую молодость. Он обладал также и сексуальной энергией, которая казалась сверхъестественной для окружающих его людей. И поскольку сексуальные запреты были неведомы, он с таким пылом упражнялся в любовных утехах, что имел любовниц в каждом селении, и вскоре его потомство исчислялось сотнями. Его последователи старались изо всех сил быть достойными его в этом отношении, хотя и с меньшими успехами. Но проповедник сохранял не только физическую молодость. Он не потерял и поразительно молодую живость ума. Его сексуальная расточительность, хотя и поражавшая его сверстников, была в нем всего лишь контролируемые всплесками избытка энергии. Она вовсе не истощала, а, наоборот, освежала его. Теперь же, однако, такой избыток уступил место более умеренной жизни, заполненной работой и размышлениями. Как раз в этот период он мысленно начал отделять себя от своих приятелей. К двадцати пяти годам, когда уже большинство жителей Патагонии глубоко погружаются в колею привычного ограниченного мышления, он все еще продолжал бороться с чередой наплывающих идей и стремительно набрасывался на неизведанное. Не достигнув еще и сорока лет и находясь в первозданной физической форме, он собрал все свои силы и посвятил себя тому, чтобы создать собственное тщательно обдуманное и вполне зрелое учение. Это учение, выражавшее его хорошо продуманный взгляд на существование, оказалось почти совершенно непонятным жителям Патагонии. Хотя в некотором смысле оно было отражением их собственной культуры, правда, на таком уровне жизненной энергии, которого когда-либо смогли бы достичь очень немногие из них.

Кульминация произошла, когда во время церемонии в главном храме столичного города, пока все верующие прихожане лежали в прострации перед ужасающим изображением Создателя, нестареющий пророк уверенным размашистым шагом подошел к алтарю, внимательно оглядел первые ряды прихожан, разразившись громкими раскатами смеха, звучно похлопал статую Бога и воскликнул: «Безобразный урод, я приветствую тебя! Не как всемогущего, а лишь как самого великого из всех шутов. Иметь такое лицо – и тем не менее получать за это всеобщий восторг и восхищение! Быть столь пустым – и, однако, столь же пугающим!» Мгновенно возникли сумятица и гвалт. Но таков был авторитет молодого богоподобного бунтаря, его уверенность и неожиданность и такова была его репутация сказочного Дитя, что, когда он повернулся к толпе, они замолчали и начали вслушиваться в его бранную речь.

«Дураки! – воскликнул он. – Одряхлевшие младенцы! Ведь если Бог и на самом деле любит ваше низкопоклонство и все эти запутанные тайны и секреты, то только потому, что ему доставляет удовольствие смеяться над вами, а также и над собой. Вы слишком серьезны,

но при этом серьезны недостаточно; вы слишком торжественны и все же имеете лишь детские цели. Вы так страстно цепляетесь за жизнь, что уже не в состоянии жить. Вы дорожите своей молодостью, дорожите ею так сильно, что она ускользает от вас. Будучи ребенком, я говорил: «Давайте оставаться молодыми». А вы рукоплескали мне и, вернувшись к своим игрушкам, отказывались взрослеть. То, что я говорил тогда, было не так и плохо для ребенка, но этого было недостаточно. Теперь я уже мужчина, и я говорю вам: «Повзрослейте, ради бога!» Разумеется, нам нужно оставаться молодыми, но бесполезно сохранять юность, если мы при этом не взрослеем и не пытаемся остановить старение. Поддерживать молодость, в прямом смысле, это всего лишь поддерживать гибкость тела и живость интересов; а взрослеть – это отнюдь не просто погружаться в неподвижность и разочарование, а обретать еще большее мастерство во всех областях соревнований, которые устраивает жизнь. Есть и еще кое-что, также являющееся частью взросления: увидеть, в конце концов, что жизнь – это игра, ужасно серьезная игра, но тем не менее все же игра. Когда мы играем, как это должно быть по правилам, мы напрягаем каждый мускул, чтобы одержать победу, но все остальное время мы менее настроены на победу, чем во время игры. А при игре мы стараемся изо всех сил. Когда варвары выступают против команды Патагонии, они забывают, что это игра, и сходят с ума по победе. И как же мы тогда презираем их! Если они оказываются проигравшими, они впадают в жестокость; если выигрывают, то становятся крикливыми и вульгарными. В любом случае игра погибает, а они никак не могут понять, что уничтожили такую приятную вещь. А как они при этом докучают арбитру, богохульствуя и проклиная его! Конечно, мне и самому прежде приходилось делать такое – не в играх, а в жизни. Я на самом деле проклинал главного арбитра жизни. Лучше уж так, во всяком случае, чем оскорблять его подарками, в расчете на взаимную любовь, что, в общем-то, является тем самым, что делаете здесь вы, со своими почтительными поклонами и клятвами. Я никогда этого не делал. Я только лишь ненавидел его. Затем, позже, я научился смеяться над ним или, скорее, над той вещью, которую вы выставили на его место. Но наконец сейчас я отчетливо вижу его и смеюсь вместе с ним над собой, потому что потерял дух игры. Но это касается вас! Подойдите сюда, чтобы раболепствовать, плакать и вымаливать милости у этого судьи!»

В этот момент люди ринулись к нему, чтобы схватить его. Но он остановил их задорным молодым смехом, заставившим сменить ненависть на любовь. И заговорил вновь:

«Я хочу рассказать вам, как пришел к своим познаниям. У меня была странная привязанность подниматься на высокие вершины; и вот однажды, будучи высоко среди снежных равнин и ущелий вершины Аконкагуа, я попал в метель. Возможно, некоторые из вас могут знать, на что бывают похожи бури в горах. Воздух стал сплошным несущимся потоком снега. Я был буквально поглощен им и оказался в перемещающемся снежном заносе. Пытался подняться на ноги, но снова и снова падал, пока моя голова не оказалась под снегом. Мысль о смерти приводила меня в бешенство, потому что еще было так много всего, что я хотел сделать. Я боролся неистово и тщетно. Затем неожиданно – и как только я мог натолкнуться на это? – я увидел себя в игре, которую проигрываю, и это было хорошо. Потому что проиграть можно не менее хорошо, чем выиграть. Потому что сама игра была важнее выигрыша. До этого момента я был как с завязанными глазами и ощущал себя рабом победы; неожиданно я стал свободен и обрел зрение. Потому что теперь увидел себя и всех нас глазами вот этого третейского судьи. Это напоминает то, как должен видеть всю пьесу имеющий в ней свою собственную роль лицедей, глядя на нее глазами автора, сидящего в зрительном зале. Вот так и я играл роль отчасти хорошего человека, впавшего в печаль из-за собственной невнимательности, прежде чем завершил свою работу. Для меня как участника пьесы ситуация оказалась ужаснейшей; однако для меня как зрителя она становилась превосходной в более широком смысле. Я увидел, что это равнозначно тому, что происходило со всеми нами, со всеми окружающими нас мирами. Поэтому мне казалось, что я вижу тысячи миров, участвующих вместе с нами в огромном

представлении. И я наблюдал все это невозмутимым взором, торжествующим, но отнюдь не суровым, взором драматурга.

Итак, мне показалось, что наконец-то пришел и мой черед; но нет, для меня был еще только сигнал. Так или иначе, но я стал настолько сильнее от этого нового взгляда на вещи, что выбрался из снежного завала. И вот я снова здесь. Но теперь я совсем другой человек. Мой дух свободен. Будучи ребенком, я говорил: «Становитесь более жизнедеятельными»; но в то время я никак не мог предположить, что существует жизнедеятельность куда более интенсивная, чем вспышка юности, и скорее напоминающая спокойное белое каление. И разве здесь нет ни одного, кто знает, что я имею в виду? Ни одного, кто по крайней мере желает такого, более обостренного образа жизни? Первый шаг к этому – перерасти вот это низкопоклонство самой жизни и вот это смиренное подобострастие перед Силой. Идемте! Отбросьте все прочь! Разружьте этот смешной образ в вашей душе, вот так, как сейчас я разбиваю вдребезги этого идола».

С этими словами он поднял огромный подсвечник и разбил статую святого. Вновь возникли волнение и шум, а настоятели храма арестовали его. Вскоре после этого он был подвергнут пыткам за богохульство и казнен. Потому что эта последняя выходка была всего лишь кульминацией множества неучтывших деяний, и те, кто обладал властью, были рады получить такой явный предлог для того, чтобы уничтожить этого блистательного, но весьма опасного безумца.

Но культ Божественного Ребенка уже стал весьма популярным, потому что раннее учение этого пророка выражало основное страстное желание людей Патагонии. Даже его последнее и всех озадачившее послание было принято его последователями, хотя и без истинного понимания. Акт иконоборчества был покрыт чрезмерной эмоциональной выразительностью, не соответствующей духу его проповеди.

Век за веком новая религия, потому что таковой и было это ученье, распространялось по цивилизованному миру. И казалось, что человечество должно в некоторой степени духовно омолодиться благодаря широко распространившемуся рвению. При этом имело место также и определенное физическое возрождение, потому что за свою жизнь этот уникальный биологический «марафонец», возвещающий возврат к прежней жизненной энергии, произвел несколько тысяч сынов и дочерей; а они в свою очередь разбросали во все стороны неплохое семя. Несомненно, это была новая порода, которая принесла с собой золотой век Патагонии, значительно улучшив материальные условия человечества, привнеся цивилизацию на северные континенты и наступая на научные и философские проблемы с возрожденным новым энтузиазмом.

Но возрождение не оказалось постоянным. Потомки того пророка слишком гордились своей неистовой жизненной силой. Физически, сексуально и умственно они истощили себя и оказались без сил. Более того, со временем, понемногу, эта сильная порода была ослаблена и погублена связями с превалирующей природной «дряхлостью», так что через несколько веков человечество вернулось к своему душевному состоянию, свойственному для среднего возраста. В то же самое время образ Божественного Ребенка был постепенно извращен. В самом начале он был идеалом молодости, показывавшим, какой должна быть молодежь, образцом, созданным из переплетений фанатичной преданности, необузданного веселья, дружбы, физических склонностей и немалой доли чистого сатанизма. Но незаметно он стал примером того, что ожидала от молодежи унылая зрелость. Неистовый молодой герой был идеализирован в образ, отражавший взгляд на детство, наивность и послушание пожилых представителей рода человеческого. Все, что было неистовым и яростным, оказалось забыто, а остался лишь причудливый и эксцентричный позыв к родительским порывам. Но, однако, в этого призрака верили со всей серьезностью и осмотрительностью, которые так высоко ценятся в среднем возрасте.

Неизбежно этот искаженный образ юности стал злым духом для действительно молодых мужчин и женщин. Он считался моделью социальной добродетели; но это была модель, которой они никогда не могли подчиниться, не совершая насилия над своей естественной природой, поскольку эта модель уже давно вообще никакой молодости не выражала. Точно так же, как в раннюю эпоху была идеализирована женщина и в то же время спутана по рукам и по ногам, сейчас поступили с молодостью.

Разумеется, немногим за всю историю Патагонии удавалось достичь более чистого образа этого пророка. Еще меньшему числу удалось проникнуть в дух его последней проповеди, в которой его стойкая молодость возвысила его до положения зрелого чужеземца по отношению к Патагонии. Потому что трагедия этих людей заключалась не столько в их «дряхлости», сколько в их задержанном взрослении. Чувствуя себя стариками, они стремились стать вновь молодыми. Но из-за стойкой незрелости ума они так и не смогли определить, что истинное, хотя и неожиданное, исполнение стремлений неистовой молодости есть не только достижение самой молодости, как самоцели, но движение вперед к более осознанной и дальновидной жизнедеятельности.

4. Катастрофа

Это было в те поздние времена, когда жители Патагонии обнаружили, что существовала предшествовавшая им цивилизация. В неприятии древней религии страха они отвергли также и легенду о давнем великолепии и начали почитать себя самих за пионеров разума. На новом континенте, который был их родиной, разумеется, не было и следов древнего уклада жизни, а развалины, вкрапленные в более старые области их территории, объяснялись ими как всего лишь причуды природы. Но позднее, с развитием естествознания, археологи воссоздали кое-что из остатков забытого мира. И кризис начался тогда, когда в Китае, в основании разрушенной опоры, ими был найден запас металлических пластин (сделанных из в высшей степени прочных искусственных составляющих), на которых плотными строчками были отчеканены письма. Эти предметы на самом деле были матрицами, с которых за тысячи веков до этого печатались книги. Вскоре были сделаны и другие находки и по кусочкам расшифрован древний язык. За три столетия исследований очертания древней культуры были вскрыты и вскоре вся история подъема и крушения человечества обрушилась на эту новую цивилизацию с таким разрушающим эффектом, как будто древняя опора свалилась на примитивные вигвамы, разбросанные у ее основания. Первооткрыватели обнаружили, что вся земля, которую они с таким трудом очистили от диких зарослей, была уже давным-давно покорена и потеряна; что материальная сторона их славы не имеет ничего, кроме славы прошлого и что в сфере разума они основали лишь несколько разрозненных поселений, где раньше была целая империя. Существовавшая в Патагонии система естественных знаний ушла вперед едва ли дальше доньютоновской Европы. Они сделали немногим больше, чем постигли научный дух и отучились от нескольких суеверий. И вот теперь неожиданно им досталось обширное наследие мысли.

Это само по себе было серьезным тревожащим опытом для людей с сильным интеллектуальным интересом. Но еще более подавляющим было открытие, родившееся у них в процессе их исследований, что прошлое было не только ярким и сверкающим, но и безумным, и что в результате долгого развития элементы безумства одержали полную победу. Потому что разум жителей Патагонии был к этому моменту слишком здравым и практическим, чтобы воспринимать древние знания без осмысления их. Находки археологов были переданы физикам и другим ученым, устойчивая мысль и суждения Европы и Америки в зените их славы вскоре были отделены от дегенеративных продуктов Всемирного Государства.

Результат от столкновения с более развитой цивилизацией был драматическим и трагическим. Он разделил население Патагонии на поборников существующего положения и на бун-

товщиков, на тех, кто придерживался взгляда, что новое учение есть сатанинская ложь, и на тех, кто принимал новые факты. Для представителей первой партии открывшиеся факты были основой полной депрессии; последняя же, хотя и испытывающая благоговейный страх, видела в них неотразимое величие, а также и надежду. То, что Земля лишь пылинка среди звездных облаков, было самым малым подрывным элементом новых положений, потому что народ Патагонии уже отбросил геоцентрические взгляды на мир. Что было действительно тревожно для реакционеров, так это теория, что предыдущая раса людей уже давным-давно обладала и утратила ту жизненную энергию, которую они так страстно хотели обрести. Партия прогресса, с другой стороны, настаивала, что эти обширные новые знания должны быть использованы и что таким образом оснащенная ими Патагония могла бы компенсировать отсутствие молодости за счет высшего здравомыслия.

Подобное расхождение устремлений в результате вылилось в конфликт – такой, какого еще никогда не случалось среди народа Патагонии. Нечто, напоминающее всплеск национализма. Более решительное побережье Антарктики стало модернистским, в то время как сама Патагония осталась верной более старой культуре. Произошло несколько войн, но так как в Антарктике и физика, и химия значительно продвинулись вперед, южане были в состоянии разработать такие орудия войны, которым не смогли противостоять северяне. В течение двух веков новая «культура» одержала триумф. Мир был объединен еще раз.

Прошлая цивилизация Патагонии имела тип средневековый. Под влиянием же физики и химии она начала меняться. Начала использоваться ветряная и водяная энергия для выработки электричества. Были предприняты обширные горные работы для поиска металлов и минералов, которые больше уже не встречались на легкодоступных глубинах. В архитектуре начали использовать сталь. Были созданы движимые электричеством аэропланы, правда, не получившие реального применения. И эта неудача была симптоматичной, потому что жители Патагонии не были достаточно отчаянными, чтобы справиться с авиацией, даже имея они более эффективные самолеты. Сами же они приписывали свои неудачи исключительно отсутствию подходящего источника энергии, такого, например, как использовавшийся в древности бензин. Разумеется, это отсутствие нефти и угля затрудняло их развитие на каждом шагу. Конечно, была доступна для использования вулканическая энергия, но реально так и не освоенная более изобретательными древними она полностью сорвала планы современных людей Патагонии.

Фактически то, что заключали в себе вода и ветер, было все, в чем они нуждались. Им были доступны ресурсы всей планеты, а мировое население составляло тогда менее ста миллионов человек. Разумеется, только с одними этими источниками они никогда бы не смогли конкурировать в уровне роскоши с прежним Всемирным Государством, но они вполне могли бы добиться чего-то, напоминающего Утопию.

Но этому было не суждено случиться. Индустриализация, пусть даже сопровождаемая лишь небольшим приростом населения, тут же принесла с собой большую часть социальных противоречий, тех самых, что фактически уничтожили их предков. Им же казалось, что все их беды оказались бы решены, если бы стало выше их материальное положение. Это устойчивое и вряд ли благоразумное убеждение было симптомом их управленческой одержимости, страстного желания усиления жизнедеятельности.

При таких обстоятельствах было естественно, что некое важное событие, одна нить древней истории, должно было восхитить их: когда-то известный, но утраченный секрет неограниченной физической энергии. Почему бы жителям Патагонии не открыть его вновь и использовать эту энергию, при их-то здравом уме, чтобы привнести на землю райское блаженство? Древние, без всяких сомнений, поступили правильно, отказавшись от этого опасного источника энергии; но люди Патагонии, спокойные, уравновешенные и целеустремленные, не должны иметь опасений. Некоторые, естественно, считали поиски энергии менее важными, чем попытки найти средства для задержки биологического старения; но, к сожалению, хотя

физическая наука продвигалась довольно быстро, более утонченные биологические науки оставались слабо развитыми, в значительной степени потому, что среди самих древних в этой области было сделано немногим больше, чтобы подготовить их путь. Поэтому так и вышло, что наиболее талантливые умы Патагонии, ввиду сулимой выгоды, сконцентрировались над рассматриваемой проблемой. Государство поддерживало это исследование, открывая и оснащая лаборатории, прямой целью которых и была эта единственная работа.

Задача была очень сложной, и ученые Патагонии, хотя и достаточно способные, до некоторой степени испытывали недостаток в выдержке. Только почти через пять столетий ведущихся с переменным успехом исследований секрет был открыт – по крайней мере, частично. Была найдена возможность, посредством преодоления внутреннего энергетического барьера, вызывать взаимную аннигиляцию положительных и отрицательных электрических зарядов в одиночных, несвязанного вида, атомах. Но это ограничение было несущественным: теперь человеческая раса обладала неисчерпаемым источником энергии, которым можно было легко управлять. Но даже и управляемый, новый дар был не очень надежным, и не было никаких гарантий, что тот, кто обладает им, не станет использовать его весьма безрассудно и выпустит из-под контроля, даже без всякого умысла.

К сожалению, в то время, когда был открыт этот новый источник энергии, люди Патагонии были более разделены, чем прежде. Индустриализация, в сочетании с природной высокой сообразительностью этой расы, постепенно образовала классовое различие, более значимое, чем то, что существовало в Древнем мире, хотя и различие необычайно иного вида. Строгий покровительственный характер среднего жителя Патагонии удерживал доминирующий класс от столь жестокой эксплуатации, какая происходила раньше. За исключением периода первого века индустриализации в положении пролетариата не было сколько-нибудь серьезных трудностей. Отечески настроенное правительство следило, чтобы все жители Патагонии были, по меньшей мере, соответствующим образом накормлены и одеты, чтобы все имели достаточно продолжительный досуг и возможности для развлечений. Одновременно оно следило и за тем, чтобы население становилось все более и более организованным. Как и в Первом Всемирном Государстве, гражданская власть вновь была в руках небольшой группы хозяев промышленности, но с некоторыми отличиями. Прежде основной мотив большого бизнеса заключался в почти мистической страсти к воссозданию деятельности; теперь же правящее меньшинство рассматривало себя по отношению к населению как *материнский локомотив* и было нацелено на культивирование «по молодому беззаботных людей, простых, веселых, энергичных и преданных». Их идеал государства был чем-то, лежащим между подготовительной школой под благожелательным, но строгим контролем взрослых и акционерной компанией, в которой для акционеров остается лишь одна функция: с радостью делегировать свои права группе особо талантливых директоров.

То, что такая система так хорошо работала и сохранялась так долго, происходило благодаря не только врожденной покорности жителей Патагонии, но также и благодаря принципу, по которому формировался сам правящий класс. Был взят в расчет по крайней мере один урок из печального примера ранней цивилизации, а именно – уважение к уму. Благодаря системе тщательных испытаний одаренные дети выбирались из всех классов и обучались, чтобы стать руководителями. Даже дети самих правящих подвергались тому же испытанию, и только те, кто соответствовал квалификации, направлялись в «школы для молодых управляющих». Несомненно, существовала определенная коррупция, но в целом такая система работала. Отобранные таким образом дети тщательно обучались теории и практике как будущие организаторы, ученые, священники и логики.

Менее одаренные дети получали образование, отличное от молодых управленцев. То обстоятельство, что они были менее способные, чем другие, накладывало на них определенный отпечаток. Их учили уважать управляющих как высших существ, которые призваны служить

обществу, выполняя особо квалифицированную и трудную работу просто благодаря их способностям. Было бы несправедливо сказать, что менее развитые получали образование, позволявшее им стать всего лишь рабами; прежде всего ожидалось, что они будут разумными, старательными и счастливыми детьми отечества. Их учили быть преданными и оптимистичными. Им давалось профессиональное обучение для различного рода деятельности и предоставлялись возможности использовать свой разум настолько, насколько он подходил для данного занятия; но государственные дела, задачи религии и теоретической науки для них были строго запрещены. Официальное положение о красоте молодежи было основой их образования. Их обучали всем общепринятым нравственным добродетелям, приличествующим молодым, и особенно скромности и простоте. Как представители своего класса, они все были чрезвычайно здоровы, потому что физические упражнения являлись очень важной составной частью системы образования в Патагонии. Более того, всеобщая практика использования солнечных ванн, считавшаяся религиозным ритуалом, особенно успешно поддерживалась среди рабочего класса, поскольку существовало мнение, что следует поддерживать бодрость тела и спокойствие ума. Свободное время правящего класса было поглощено главным образом занятиями атлетикой и другими видами спорта, как физическими, так и умственными. Музыка и различные формы искусства также входили в круг их интересов, потому что они считались наиболее подходящими занятиями для молодежи. Правительство осуществляло некоторую цензуру над предметами искусства, но редко что-либо навязывало. Потому что основная масса населения Патагонии была большей частью флегматична и слишком занята, чтобы задумываться над чем-то, кроме самого обычного и приличного искусства. Они были полностью заняты работой и развлечениями. И у них не было никаких затруднений из-за сдержанной сексуальности. Их безликие интересы удовлетворялись официальной религией культа молодости и преданности обществу.

Такие безмятежные условия сохранялись почти четыре столетия после первого века индустриализации. Но с течением времени разница в умственном развитии между этими двумя классами стала возрастать. Развитые умы стали все реже и реже встречаться среди пролетариата; руководители все чаще и чаще набирались из собственных отпрысков, пока они окончательно не превратились в наследственную касту. Пропасть расширялась. Правители начали терять все ментальные контакты с подвластными им. Они совершили ошибку, которой никогда бы не произошло, имея они психологию, идущую в ногу с остальными науками. Даже вступив в конфликт с отсутствием у рабочих достаточного развития, они продолжали все больше и больше ущемлять их, словно детей, и забыли, что, хотя те и были простыми людьми, они взрослые мужчины и женщины, которым необходимо ощущать себя свободными и равноправными участниками в великом и сложном человеческом предприятии. Прежде подобная иллюзия ответственности усердно поддерживалась. Но как только пропасть между классами расширилась, с пролетариями стали обращаться скорее как с младенцами, чем с подростками, скорее как с домашними животными, чем с человеческими существами. Их жизнь все больше и больше загонялась в жесткие рамки – хотя и благожелательно, – становясь все больше и больше систематизированной. В то же самое время гораздо меньшее внимание уделялось их образованию для понимания и правильного восприятия ими общих задач человечества. При таких обстоятельствах характер и поведение людей изменились. И хотя их материальное положение было гораздо лучше, чем когда-либо ранее, за исключением периода Всемирного Государства, они стали вялыми, недовольными, злобными и неблагодарными по отношению к их правителям.

Таким было положение дел, когда был открыт новый источник энергии. Мировое сообщество людей состояло из двух очень разных составляющих: первая – очень маленькая и высоко развитая каста, страстно преданная государству и прогрессу культуры среди себя самой, и вторая – гораздо более многочисленная, состоящая в основном из тупых, физически хорошо ухо-

женных и лишенных духовного развития людей, работающих в промышленности. Серьезный конфликт между двумя этими классами произошел на почве потребления известного наркотика, пользующегося спросом из-за производимого им ощущения блаженства, запрещаемого правительством по причине тяжелых последствий. Наркотик был уничтожен; но мотив этого действия был неверно истолкован пролетариатом. Этот инцидент выплеснул на поверхность ненависть, которая, хотя и бессознательно, долгое время копилась в народном разуме.

Когда распространился слух, что в будущем механическая энергия будет неограниченна, то люди начали ожидать наступления золотого века. У каждого мог появиться неограниченный источник энергии. Работа значительно облегчится. Удовольствия же возрастут до бесконечности. К несчастью, первой попыткой использовать новую энергию было экстенсивное бурение на неслыханные до того глубины в поисках металлов и других минералов, которые уже давно исчезли с верхнего слоя поверхности земли. Это мероприятие было связано с трудной и опасной работой шахтеров. Произошли катастрофы. Начались мятежи. Новая энергия была использована против бунтовщиков и привела к многочисленным смертям. Руководители заявляли, что, хотя их родительские сердца обливаются кровью за своих неразумных детей, это наказание необходимо, чтобы предотвратить еще большие бедствия. Рабочих уговорили воспринимать их беды столь же беспристрастно, как призывал Божественный Ребенок в свой последний период; но этот совет оказался принят с таким осмеянием, которое вполне соответствовало ситуации. И новые стачки, бунты, убийства. Пролетариат имел против своих управляющих едва ли больше сил, чем овца против пастуха, потому что рабочим не хватало разума для широкомасштабной организации. Но именно в продолжение одного из таких до трогательного бесполезных восстаний произошло то, в результате чего Патагония была уничтожена.

В одной из новых шахт случилось небольшое несогласие. Управляющий отказал шахтерам в праве обучать своих детей профессии, потому что профессиональное образование, как было заявлено, должно осуществляться в специальных условиях. Возмущение против подобного вмешательства руководства вызвало неожиданную вспышку давно сдерживаемой ярости. Была захвачена энергетическая установка, и в результате безумного вмешательства в работу машин смутьяны по недосмотру довели дело до того, что в конце концов огромный ужасающий джин в лице физической энергии оказался в состоянии вырваться из пут и начал в ярости метаться по планете. Первого взрыва было вполне достаточно, чтобы разнести весь горный массив над этой шахтой. В тех горах залегали огромные массивы подходящих элементов, и они подверглись «детонации» от излучения первоначального взрыва. Этого было достаточно, чтобы привести в действие еще более отдаленные места залегания. Сияющий ураган накрыл всю Патагонию, усиливаясь от разгорающегося неистовства атомов в тех местах, куда он доходил. Он прошелся вдоль цепи Анд и Скалистых гор, опалив оба континента своим жаром. Он даже подкопался под Берингов пролив, дополз, как отпрыск гигантского огненного змея, в Азию, Европу и Африку. Марсиане, постоянно наблюдавшие за Землей, как кошка, приготовившаяся к прыжку, наблюдает за птичкой, заметили, что яркость соседней планеты неожиданно усилилась. Вскоре то тут, то там с беспорядочным подводным волнением начали вскипать океаны. Волны приливов кромсали побережье и заливали долины. Но в какой-то момент общий уровень моря значительно опустился вниз из-за испарения, открывая расселины на дне океана. Все вулканические районы стали фантастически активны. Полярные шапки растаяли, но при этом защитили арктические районы от превращения в пекло, как это было с остальной планетой. Атмосфера превратилась в густое постоянное облако водяных паров, дыма и пыли, сбитых в непрерывные ураганы. Временное исчезновение электромагнитного поля довершило дело, температура поверхности планеты постоянно увеличивалась, и только в Арктике и в нескольких отдельных уголках приполярных областей могла продолжаться жизнь.

Смертельный исход Патагонии был очень быстрым. В Африке и Европе несколько отдаленных поселений все-таки избежали непосредственного уничтожения взрывами, но через

несколько недель были уничтожены ураганами раскаленного пара. Все двести миллионов представителей человеческой расы были сожжены или иссушены в течение трех месяцев... все, кроме тридцати пяти, случайно оказавшихся почти на самом Северном Полюсе.

Глава VI. Переходный период

1. Первые Люди в безвыходном положении

По одной из тех редких прихотей судьбы, которые так же часто благосклонны, как и враждебны к человечеству, корабль исследователей Арктики совсем незадолго до этих событий был затерт в паковый лед и совершал долгий дрейф через Ледовитый океан. На корабле был запас провизии на четыре года, и когда произошла катастрофа, он находился в море уже около шести месяцев. Этот корабль был парусным судном; экспедиция отправилась в путь еще до того, как стало возможным практическое применение нового источника энергии. Экипаж состоял из двадцати восьми мужчин и семи женщин. Представители более ранней и более сексуальной расы, отобранные в такой пропорции, находясь в такой непосредственной близости и полной изоляции, рано или поздно должны были определенно войти в конфликт друг с другом. Но для жителей Патагонии такая ситуация не представляла трудностей. Помимо занятий всеми бытовыми делами экспедиции, эти семеро женщин были в состоянии обеспечить умеренное сексуальное удовольствие для всех, потому что у этих людей женская сексуальность была ослаблена гораздо меньше, чем мужская. Разумеется, в таком замкнутом обществе случались и ревность, и неприязнь, но эти люди были подчинены строгому *кастовому духу*. Конечно же, вся команда была очень тщательно отобрана с точки зрения товарищеских отношений, преданности делу, здоровья, а также и технических навыков. Все вели свою родословную от Божественного Ребенка. Все принадлежали к правящему классу. Одним из причудливых проявлений сильных родительских черт характера жителей Патагонии был тот факт, что экспедиция взяла с собой пару маленьких домашних обезьян.

Первым признаком катастрофы для экипажа явился яростный горячий ветер, который растопил верхний слой ледяного покрова. Потемнело небо. Арктическое лето превратилось в странную душную ночь, разрываемую фантастическими грозами. На палубу корабля нескончаемым потоком обрушился дождь. Облака едкого дыма и пыли разъедали глаза и нос. Подводные землетрясения коробили и крушили паковый лед.

Год спустя после взрыва корабль осторожно пробирался через бурные и полные айсбергов воды недалеко от Полюса. Сбитая с толку небольшая группа людей начала теперь прокладывать путь на юг; но по мере их продвижения воздух становился все нестерпимее горячим и едким, бури более свирепыми. Следующие двенадцать месяцев были потрачены на плавание по полярным водам, то и дело отступая на север, чтобы уберечься от смертоносной непогоды более южных широт. Но по мере прошествия времени условия чуть улучшались, и с огромными трудностями эти немногочисленные выжившие представители человеческой расы достигли материка, оказавшись в Норвегии – лишь для того, чтобы узнать, что все низменности превратились в выжженную и безжизненную пустыню, в то время как растительность горных долин напряженно боролась за выживание, являя собой мелкие островки хилой зелени. Город, бывший базой для их экспедиции, промчавшийся ураган сровнял с землей, и на улицах все еще были разбросаны тела и скелеты жителей. Тогда они двинулись вдоль побережья дальше на юг. И везде были такие же опустошения. В надежде, что эти разрушения могут иметь локальный характер, они обогнули Британские острова и повернули к Франции. Но Франция оказалась ужасающим хаосом огнедышащих вулканов. С переменой ветра море вокруг корабля вспенилось из-за падающих обломков, часто раскаленных докрасна. Чудесным

образом им удалось отойти от берега и вновь отправиться на север. После медленного плавания вдоль побережья Сибири им наконец удалось найти подходящее для остановки место в устье одной из гигантских рек. Корабль был поставлен на якорь, а экипаж отдыхал. Их компания уменьшилась, потому что шесть мужчин и две женщины во время путешествия погибли.

Даже здесь условия совсем недавно, должно быть, были куда более суровыми, поскольку большая часть растительности выгорела и часто попадались мертвые животные. Но, очевидно, ярость стихии, вызванная всеобщим взрывом, начала теперь ослабевать.

Тем временем путешественники стали осознавать правду. Они припомнили полушутливые предсказания, что новая энергия рано или поздно разрушит планету – предсказания, которые, очевидно, имели слишком верные основания. Произошла мировая катастрофа; и они сами, лишь благодаря удаленности и соседству арктических льдов, избежали судьбы, которая, вероятно, поразила всех их соплеменников.

Горстку истощенных людей на истощенной планете ожидала столь ужасная перспектива, что некоторые с отчаяния решились на самоубийство. Другие прилагали усилия к тщетным попыткам спасти неожиданно забеременевшую женщину. В ней пробудился сильный родительский характер ее нации, и она просила окружающих ее сделать все, чтобы спасти ребенка. При напоминании о том, что ребенок будет рожден лишь для того, чтобы испытать жизнь, полную лишений, она лишь повторяла, скорее с упорством, чем с основанием: «Мой ребенок должен жить».

Окружавшие ее только пожимали плечами. Но как только они восстановили силы после недавней борьбы, то начали раздумывать над серьезностью их положения. Именно один из биологов высказал мысль, которая уже посетила и остальных. Есть, по крайней мере, шанс на выживание, и если когда-либо у мужчин и женщин был священный долг, то, несомненно, это в полной мере относится к ним. Потому что они были теперь единственными носителями человеческого духа. И сколько бы ни был тяжел труд и страдания, они должны вновь заселить Землю людьми.

Теперь эта общая цель возвысила их и еще больше сблизила. «Мы обычные люди, – сказал биолог, – но так или иначе мы должны стать великими». И они, разумеется, старались быть ими, столь великими, насколько позволяло их особое положение. В благородных умах общая цель и общие страдания вызывают глубокую страсть к взаимопомощи, проявляющуюся, возможно, не в словах, а в действиях, выражающих преданность. Эти же люди, в своем одиночестве и в осознании чувства долга, испытывали не только тягу к дружбе, но и пылкую общность друг с другом, как орудия священного общего дела.

Эти несколько человек начали строить поселение около реки. И хотя весь район был, без всякого сомнения, опустошен, из корней и семян, укрывшихся в земле или занесенных ветром, вскоре появилась растительность. Окрестности теперь зазеленели теми растениями, которые смогли приспособиться к новому климату. Животные же пострадали куда сильнее. За исключением полярной лисы, выжили немногие мелкие грызуны и случайное стадо северных оленей; никого больше не осталось, кроме обитателей арктических морей, белых медведей, различных китов и тюленей. Что касается рыбы, то ее было множество. Птицы большими стадами направлялись к югу – и тысячами гибли из-за отсутствия корма, но некоторые виды уже приспособились к новой окружающей среде. Конечно, вся оставшаяся фауна и флора планеты прошла через фазу быстрого и очень болезненного приспособления. Многие хорошо обосновавшиеся виды полностью вымерли, отыскивая опору в новом мире, в то время как отдельные мало известные в прошлом виды получили возможность с трудом продвинуться вперед.

Оставшаяся в живых группа людей нашла возможность вырастить маис и даже рис из тех семян, что они забрали из разрушенного склада в Норвегии. Но сильная жара, частые проливные дожди и отсутствие солнечного света сделали сельское хозяйство слишком трудоемким и рискованным. Более того, атмосфера стала опасно загрязненной, и человеческий организм

приспособлялся к ней пока без особого успеха. В результате эта группа людей всегда быстро уставала и была подвержена болезням.

Беременная женщина умерла при родах, но ее ребенок остался жив. Он стал самым священным объектом этой компании, потому что он возродил в душе каждого сильное родительское чувство, столь характерное для жителей Патагонии.

Мало-помалу число поселенцев уменьшилось из-за болезней, ураганов и вулканических газов. Но со временем они добились некой разновидности равновесия с окружающими условиями, и даже определенной, полученной не без усилий, комфортности жизни. Однако, по мере того как обстоятельства их жизни улучшались, стало слабеть их единство. Разница в характерах начала становиться опасной. Среди мужчин выдвинулись два лидера, или, вернее, один лидер и один критикующий его противник. Первоначальный руководитель экспедиции оказался неспособным к деятельности в новых условиях и в конечном итоге совершил самоубийство. Тогда оставшиеся выбрали своим руководителем второго штурмана, причем выбрали единогласно. Другим прирожденным лидером группы был молодой биолог, человек совершенно иного типа. Отношения этих двоих оказали заметное влияние на будущую историю человека и его размышлений над своей судьбой, но здесь мы только мельком остановимся на них. Во все периоды сильных потрясений власть штурмана была непререкаема, потому что все зависело от его инициативы и героизма. Но в менее напряженное время против него поднимался ропот из-за строгой дисциплины в тех случаях, когда она казалась необязательной. Между ним и молодым биологом вырастала странная смесь враждебности и влечения, потому что последний, хотя и критиковал, любил и восхищался первым, заявляя, что выживание их группы целиком зависит от практического гения одного этого человека.

В течение трех лет после схода на берег эта группа, хотя уменьшившаяся числом и потерявшая часть жизненного задора, хорошо освоилась с новыми способами охоты, ведения сельского хозяйства и строительства. Три достаточно здоровых младенца и радовали, и беспокоили старшее поколение. С точки зрения уверенности в будущем инициативы и героизма штурмана оказывалось недостаточно, тогда как знания ученых становились более ценными. Разведение растений и домашней птицы находилось в стороне от дел героического лидера, и столь же бесполезен он был и в поиске минералов. Неизбежно с течением времени он и другие штурманы стали чувствовать нарастающее беспокойство и раздражение, и наконец, когда лидер решил, что вся группа должна сесть на корабль и отправиться на поиски лучшей земли, произошел серьезный спор. Все моряки были восхищены предложением, но ученые, отчасти из-за более ясного понимания бедствия, свалившегося на планету, отчасти из-за антипатии к трудностям морского перехода, отказались плыть.

Произошел невероятный взрыв эмоций, но обе стороны сдержались благодаря устоявшемуся взаимному уважению и преданности своей общине. Затем, неожиданно, последовала новая вспышка, будто на сухое дерево попала искра, причиной которой явилась сексуальная страсть. Женщина, которая, по общему согласию, собиралась стать королевой их поселения и считалась священной принадлежностью лидера, заявила о своей независимости и отправилась спать с одним из ученых. Лидер же неожиданно удивил всех: в приступе неожиданной ярости убил этого молодого человека. Маленькая община тут же распалась на две вооруженно противостоящие части, и была пролита новая кровь. Однако очень скоро вся глупость и святотатство этой ссоры стали очевидны для этих немногих сохранившихся представителей цивилизованной расы, и после переговоров было принято важное серьезное решение.

Группа должна разделиться. Одна ее часть, состоящая из пяти мужчин и двух женщин, под руководством молодого биолога останется в поселении. Сам же лидер, с остальными девятью мужчинами и двумя женщинами, отправится на корабле в Европу в поисках лучшей земли. Они обещали известить о себе, если будет таковая возможность, в следующем году.

Приняв такое решение, обе партии стали вновь дружелюбны и миролюбивы. Все старались помочь пионерам. Когда же наступило время отплытия, произошло торжественное прощание. Они обрели избавление от болезненной несовместимости; но и расставание тех, что так долго были товарищами по священному предприятию, было мучительным.

Это расставание оказалось еще более важным, чем предполагали. Потому что из этого события возникли две разделенные расстоянием человеческие породы.

Те, кто остался, так больше ничего и не услышали о путешественниках и спустя долгое время решили, что они попали в беду. Но на самом деле их отнесло на запад и юго-запад мимо Исландии, теперь представлявшей собой группу вулканов, к Лабрадору. В этом путешествии сквозь небывалые штормы и океанские катаклизмы они потеряли почти половину людей и в конце концов оказались неспособны управлять кораблем. Когда же, наконец, они потерпели крушение у прибрежных скал, то на берег выбрались лишь помощник плотника, две женщины и пара маленьких обезьянок.

Спасшиеся люди оказались в климате, куда более знойном, чем климат Сибири; но подобно Сибири на Лабрадоре сохранились нагорные земли, покрытые буйной растительностью. Мужчина и эти две женщины столкнулись с трудностями при поиске пищи, но со временем адаптировались к диете, состоящей из ягод и корней. Однако тяжелые климатические условия со временем привели к тому, что их потомки окончательно одичали, выродившись в тип, который можно было считать человеческим лишь по происхождению.

Маленькое поселение в Сибири по-прежнему испытывало затруднения, но зато действовало целеустремленно. Расчеты показали ученым, что планета не вернется к своему обычному состоянию даже за несколько миллионов лет, потому что, хотя первое и поверхностное бедствие уже прекратилось, огромная выделенная и накопленная энергия внутреннего взрыва будет еще миллионы лет вырываться наружу через вулканические разрывы. Лидер этой группы, на редкость гениальный человек, определил общую ситуацию следующим образом. Миллионы лет планета будет необитаема, за исключением узкой кромки побережья Сибири. Человеческая раса обречена на целые эпохи очень тяжелых, неблагоприятных окружающих условий. Все, на что можно надеяться, заключается в выносливости единственных остатков цивилизованного человечества, которые должны оказаться способны в «состоянии спячки» дожидаться более благоприятных времен. Принимая во внимание эту цель, оставшаяся группа должна размножиться и при этом создать возможности для цивилизованной жизни своего потомства. Прежде всего, следует записать в той или иной постоянной форме как можно больше того, что можно вспомнить о культуре Патагонии. «Мы являемся зародышем, – сказал он. – Нужно играть наверняка, планировать на долгое время, сохранять человеческое наследие. Наши шансы очень малы, но надо победить любым способом».

Именно так они фактически и поступили. В самом начале несколько раз едва не погибшие, эти немногочисленные изможденные личности сохранили в себе искру человечности. Близкое знакомство с их жизнями обнаружило бы глубокую личную драму, потому что, несмотря на святую цель, объединяющую их, почти как мышцы одной руки, они были индивидуумы с различными характерами. Более того, их дети стали причиной ревности между томящимися по родительским чувствам взрослыми. Было даже подавленное, а временами и открытое соперничество, чтобы получить привязанность или даже любовь этих молодых существ – немногих и драгоценных бутонов на стволе человечества. Возникали также и резкие разногласия по поводу их образования. Потому что, хотя все старшие и обожали их просто за детскую непосредственность, склонный к некоторому прожектерству лидер этой общины думал о них главным образом как о потенциальных носителях человеческого духа и полагал, что они должны быть сформированы очень строго для выполнения их великой функции. И в таком вот бесконечном подавленном антагонизме целей и темпераментов это маленькое общество жило день за днем, словно конечность, шевелящаяся из-за конвульсионных напряжений ее мышц.

Взрослые члены общины посвящали большую часть своего досуга во время долгой зимы героической работе по конспективной записи всех человеческих знаний. Эта задача была очень дорога их лидеру, но остальным она частенько надоедала. Для каждого была выделена одна из сфер культуры; и после того как он или она продумывал раздел и быстро записывал его на грифельной доске, это подвергалось критическому обсуждению, после чего итог вырезался на пластинах из твердого камня. Многие тысячи таких пластин хранились в пещере, специально подготовленной для них. Таким образом было записано кое-что об истории Земли и человека, конспекты по физике, химии, биологии, психологии и геометрии. Каждый из «авторов» записывал также и свои собственные специальные знания и добавлял изложение своих собственных взглядов по поводу существования. Много изобретательности было проявлено в создании визуального иллюстрированного словаря и грамматики, с помощью которых, как надеялись, в отдаленном будущем можно будет разобраться со всей библиотекой.

Прошли годы, пока выполнялась эта тотальная запись человеческой мысли. Основатели поселения состарились и ослабели, в то время как старшие представители следующего поколения еще оставались подростками. Из двух женщин одна умерла, а другая была почти немощной калекой, обе принесли себя в жертву материнству. Молодежь, мальчик-младенец и четыре девочки разного возраста, определяла теперь будущее человека. К несчастью, эти столь дорогие им существа страдали от избытка родительской любви. Их воспитание было испорчено. Они были одновременно как избалованы, так и сильно стеснены. Полагалось, что самое лучшее для них – чрезмерная забота и учеба. Поэтому они начали стараться держаться от взрослых подальше и устали от возложенных на них идеалов. Привнесенные в разрушенный мир без их согласия, они отказывались принимать столь тяжелый груз обязательств по отношению к невероятно отдаленному будущему. Добыча пропитания и повседневные трудности в их молодом возрасте и без того предоставляли их духу достаточно возможностей упражняться в мужестве, преданности общему делу и взаимодействии с другими личностями. Они собирались жить только настоящим, и только для осязаемой реальности, а не для некой «культуры», о которой знали лишь понаслышке. Особое отвращение они испытывали к тяжелому труду гравирования на гранитных пластинах бесконечных пустословий.

Кризис наступил тогда, когда старшая девочка достигла порога физической зрелости. Глава общины сказал ей, что ее обязанность состоит в том, чтобы скорее производить на свет детей, и приказал ей вступить в связь с его собственным сыном, приходящемся ей двоюродным братом. Помня свои переживания при последних родах, которые убили ее мать, она отказалась, а когда ей стали докучать с этим, бросила свои гравировальные инструменты и убежала. Это был первый случай открытого неповиновения. Еще через несколько лет старшее поколение полностью утратило власть. Новый образ жизни, более активный, более опасный, полный острых ощущений и беззаботности, привел к снижению комфортности и организованности общины, но зато и к обретению более крепкого здоровья и больших запасов жизненных сил. Старания по выращиванию растений и разведению скота были почти прекращены, был приостановлен и ремонт жилищ; но зато достигнуто великое мастерство в охоте и исследовании местности. Свободное время было отдано играм, основанным на азарте и смекалке, танцам, пению и пересказам романтических историй. Музыка и пересказ небылиц, конечно, теперь были самыми главными средствами сохранения утонченной натуры в этих существах и стали средством перехода к смутному религиозному опыту. Интеллектуальное наследие старших было осмеяно. Да и что могли рассказать их чистые науки о реальности – многоликой и всегда непостоянной, восхитительно нелогичной и вечно живой Реальности? Разума человека вполне хватало для занятия охотой и земледелием в мире простых чувств и всем понятных ощущений; но если он вторгался дальше, за эти пределы, то оказывался будто бы в пустыне, и душа начинала страдать. Позвольте разуму жить, как подсказывает природа. Позвольте ему держать в своем сердце живого молодого бога. Позвольте ему дать свободу рвущейся наружу,

противоречивой, темной жизненной силе, которая ищет самовыражения в нем не в качестве здравого смысла, а лишь как красота.

Каменные пластины теперь гравировали только старики.

Но однажды, когда прежний мальчик-младенец достиг возраста юноши Патагонии, его любопытство привлекли похожие на хвост задние конечности тюленя. Старики робко воодушевили его. Тогда он сделал и другие биологические наблюдения и постепенно был подведен ими к тому, чтобы представить себе всю драму жизни на планете и почувствовать привязанность к тому общему делу, которому они служили.

Тем временем сексуальное влечение и потребность заботиться о ком-то взяли верх там, где не помогало вразумление. Молодые существа неминуемо влюбились друг в друга, и со временем появилось несколько младенцев.

Вот так, поколение за поколением, маленькое поселение поддерживало свое существование с переменным успехом, переменчивой – то остротой, то отсутствующей – заботой о будущем. С изменением внешних условий численность населения колебалась: то сокращалась даже до такого низкого уровня, как двое мужчин и одна женщина, то вырастала до нескольких тысяч, но пределы ее роста были ограничены возможностью пропитания на узкой полосе обитаемого побережья. За многие годы, хотя обстоятельства и не мешали физическому выживанию, их постигла умственная деградация: на побережье Сибири сохранялась тропическая зона, огражденная с юга, будто густым лесом, вулканическими хребтами и сопками, и потому многие поколения не имели потребности в живости ума и проницательности. Возможно, что подобный результат частично объясняется и интенсивным родственным спариванием между особями; но этот фактор имел и еще один положительный эффект. Хотя разум и слабел, у них консолидировались определенные желательные черты. Основатели этой группы людей были из самых лучших представителей первого человеческого рода. Они оказались в экспедиции благодаря их смелости и мужеству, привязанности к общественным интересам и устойчивому интересу к познанию. В результате, несмотря на периоды депрессии, раса не только выжила, но и сохранила любознательность и чувство общности. Даже в то время, когда способности людей понижались, их стремление к взаимопониманию и их чувство расового единства не исчезали. И хотя их общая концепция человека и вселенной постепенно вырождалась в примитивный миф, они сохранили устойчивое необъяснимое преклонение перед будущим и перед священной теперь для них каменной библиотекой, которая довольно быстро стала для них совершенно непонятной. И потому даже спустя тысячи и даже миллионы лет после того, как человеческое племя существенно изменило свою природу, все еще оставалось неясное восхищение перед совершенством ума, смутное поклонение величественному прошлому и трагическая привязанность к еще более прекрасному будущему. Главное же, что междоусобная вражда была столь редкой, что служила лишь для поддержания осознанного желания сохранить гармонию и единство расы.

2. Второй Век Тьмы

Теперь мы очень быстро проследуем через Второй Век Тьмы, прослеживая только те воздействия, которым было суждено повлиять на будущее человечества.

Век за веком накопленная в глубинах земли энергия обширного взрыва выходила на поверхность планеты; но прошло еще много сотен тысяч лет, пока образовавшиеся в изобилии вулканы начали затухать, и только через миллионы лет заметная часть планеты вновь стала пригодной для обитания.

В течение этого периода многое изменилось. Атмосфера стала прозрачней, чище и менее беспокойной. С падением температуры в арктических районах временами стали появляться снег и мороз и со временем вновь сформировались полярные шапки. Между тем обычные

геологические процессы, усиленные напряжениями, которым кора планеты была подвергнута из-за возросшего внутреннего тепла, изменили континенты. Большая часть Южной Америки исчезла, провалившись в образовавшиеся под ней пустоты, но при этом на поверхность поднялась новая суша, соединяя Бразилию с Западной Африкой. Ост-Индия и Австралия стали единым континентом. Значительная часть Тибета опустилась глубоко в недра своего разрушенного подножья, горная местность сместилась к западу, стягивая Афганистан в цепь горных пиков, возвышающихся почти на сорок тысяч футов над уровнем моря. Европа утонула в Атлантическом океане. Реки изменяли свое направление, извивались по континентам, словно израненные черви. Образовались новые наносные области. Под новыми океанами возникли ряды новых наслоений. Из нескольких сохранившихся арктических разновидностей и пород вывелись новые виды животных и растений и через Азию и Америку распространились к югу. В новых лесах и на новых пастбищах появились адаптировавшиеся в процессе эволюции различные потомки северных оленей и несметные количества грызунов. На них охотились большие и мелкие потомки арктических лис, из которых одна разновидность, огромное, похожее на волка существо, при новом укладе жизни быстро стала «царем зверей» и оставалась им до тех пор, пока не была вытеснена медленнее изменявшимся потомством других северных зверей. Отдельные популяции тюленей, возвратившихся к древним привычкам земного обитания, развились в существа с узким и гибким, как у змей, телом и с весьма быстрым способом извивающегося передвижения среди прибрежных песчаных дюн. Они имели обыкновение подкрадываться к своей добыче, главным образом грызунам, и даже преследовать их в норах. Повсюду появилось множество птиц. Многие места, остававшиеся недоступными для заселения новой фауной, были освоены птицами, которые отучались там от привычки летать и развивали способности к передвижению по земле. Насекомые, почти полностью уничтоженные величайшим пожаром, позже размножились так быстро и с таким разнообразием видоизменили свои типы, что вскоре почти достигли своего бывшего изобилия. Еще более быстро произошло становление новых микроорганизмов. В общем, среди зверей и растений Земли наблюдалось большое изменение привычек поведения и последующее преобладание старых форм тела с новой внутренней сущностью, адаптированной к новым условиям жизни.

Жизнь двух поселений людей проходила по-разному. То, что было на Лабрадоре, изнемогавшее от более жаркого климата и не имевшее силы воли оставшихся в Сибири людей, стремящихся сохранить человеческую культуру, опустилось до животного поведения, но в конечном счете заселило весь Запад многочисленными племенами. Человеческие существа в Азии оставались единственной горсткой разумных обитателей на протяжении всех десяти миллионов лет Второго Века Тьмы. Вторжение моря отрезало их от юга. Прежний полуостров Таймыр, где сгруппировалось их поселение, стал самым северным мысом острова, включавшего в себя прежние низменности при дельтах Енисея, Нижней Тунгуски и Лены. По мере того как климат становился менее жестоким, освоенная людьми область расширилась до южного побережья острова, но море остановило их. Смягчившиеся условия дали им возможность восстановить некоторую степень культуры. Но у них теперь не было способности извлекать большую выгоду из произошедшего смягчения природы, потому что предшествовавшие годы тропических условий подточили их. Более того, к концу длившегося десять миллионов лет периода Второго Века Тьмы арктический климат распространился к югу, захватывая их остров. Посевы вымерзали, грызуны, составлявшие основной домашний скот для людей, сокращали численность, немногочисленные стада оленей постепенно исчезали из-за недостатка пищи. Постепенно эта малочисленная человеческая раса превратилась в настоящих северных дикарей. И в таком обличье они оставались миллионы лет. Они были так травмированы психологически, что почти полностью потеряли способность к нововведениям. Когда их священные источники информации, укрытые в горах, оказались скрыты ледником, у них не хватило ума использовать камень, находящийся в долинах, и они перешли к тому, чтобы делать орудия из костей.

Язык их деградировал, превратившись в набор отдельных звуков, выражающих наиболее важные действия, и более сложные сочетания для выражения эмоций, потому что эмоционально эти существа все еще сохранили определенное совершенство. Кроме того, хотя они почти полностью утратили способность к разумному созиданию, их инстинктивные реакции зачастую были такими, словно подтверждали наличие более просвещенного ума. Они были весьма дружелюбными, глубоко уважали личную жизнь, имели хорошо выраженные родительские чувства и зачастую очень серьезно относились к своей религии.

Вскоре после того, как остальная часть планеты в очередной раз обрела жизнь, и еще до окончания десяти миллионного периода после катастрофы в Патагонии группа этих дикарей, дрейфующих на айсберге, была отнесена через море на юг, к Азиатскому материку. Это была удачная случайность, потому что условия в Арктике ухудшались и со временем все островитяне погибли.

Спасшиеся поселились на новой земле и переместились, столетие за столетием, в центральную часть Азии. Их численность росла очень медленно, потому что они были неплодотворной и заторможенной расой. Но условия для них были теперь чрезвычайно благоприятными. Климат стал умеренным – потому что Россия и Европа были мелководными морями, подогреваемыми течениями из Атлантики. Здесь не было опасных животных, за исключением небольших бурых медведей, боковой ветви полярных видов, и крупных, похожих на волков лисиц. Большое количество грызунов обеспечивало изобильную пищу. Были здесь и всевозможные птицы, разных размеров и привычек. Деревья, плоды, дикие злаки и съедобные растения обильно росли на хорошо увлажненной вулканической почве. К тому же долгий период вулканических извержений в очередной раз обогатил металлами верхние слои каменистой земной коры.

И хватило нескольких сот тысячелетий в этом новом мире, чтобы человеческие племена разрослись от небольшой горстки людей до множества рас. Именно через столкновения и смешивания этих рас, а также благодаря усвоению из новой вулканической почвы определенных химических веществ это человечество в конце концов восстановило свою жизнеспособность.

Глава VII. Возвышение Вторых Людей

1. Появление новых видов

Примерно через десять миллионов лет после катастрофы в Патагонии при очередной вспышке биологических изменений, некоторые из которых были весьма ценными, появились первые представители новой человеческой породы. Новые, и к тому же стимулирующе воздействующие внешние условия несколько сот тысячелетий работали над этим сырым материалом, пока в конце концов не появился Второй Человек.

Хотя и более мощного телосложения, и с более вместительным черепом эти существа в основных пропорциях несильно отличались от своих предков. Разумеется, их головы были велики даже для их тела, а шеи слишком массивны. У них были огромные руки, но форма их была той же самой. Их почти титанический размер влек за собой подобающе чрезмерную силу поддержки: их ноги были более массивными, даже в пропорциях, чем ноги более ранних людей. Ступни утратили разделенные пальцы, и ноги, за счет усиления и сращения вместе внутренних костей, стали более эффективным средством передвижения. В период выхода из Сибири Первые Люди приобрели густой покров из шерсти, и многие расы, представляющие Второго Человека, сохранили после своего жизненного пути кое-что из этой покрывавшей их светлой щетины. У них были большие глаза, обычно зеленого нефритового цвета, жесткие, будто вырубленные из гранита черты, однако разнообразные и хорошо отличимые. О племе-

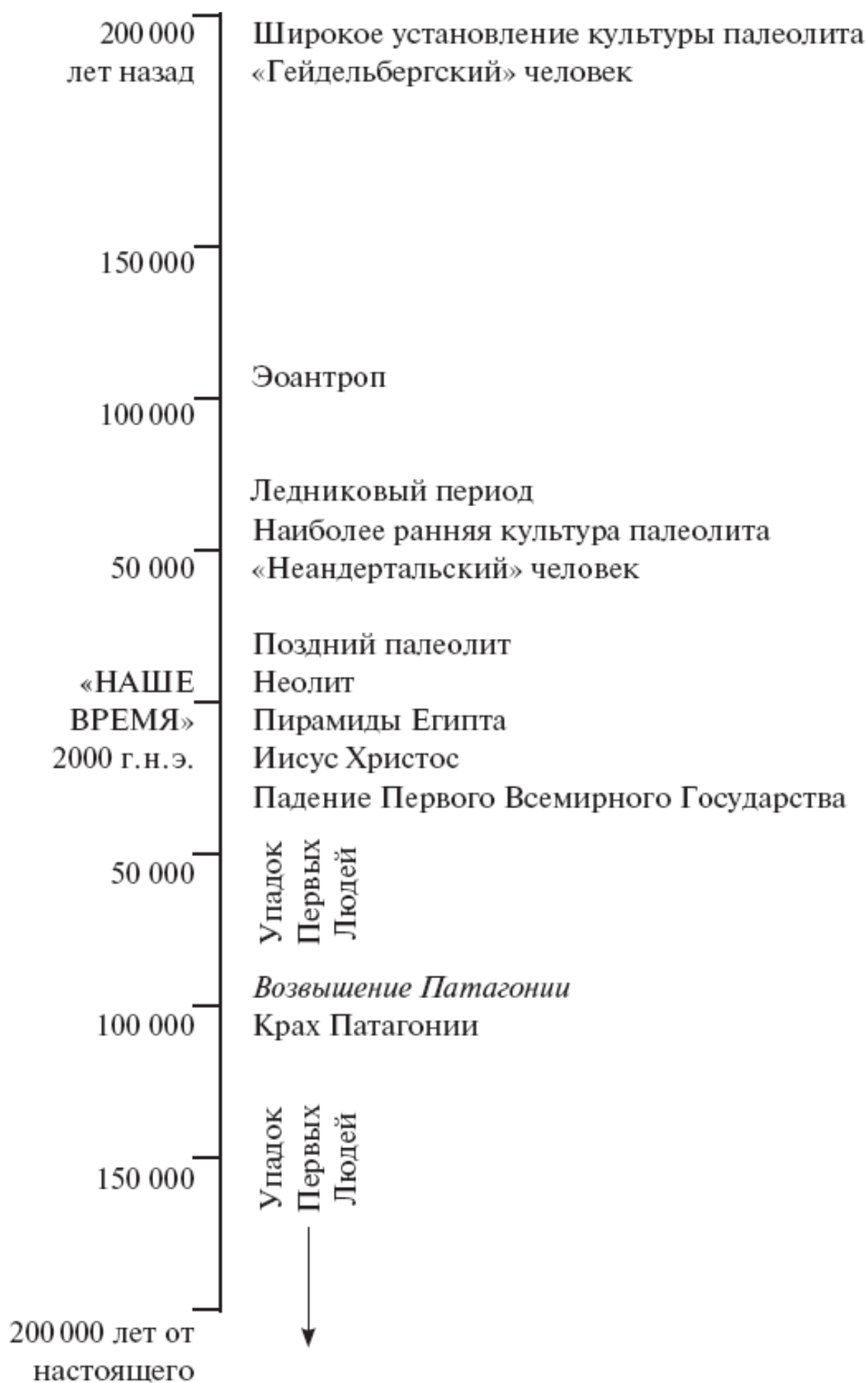
нах второго человеческого рода можно сказать, что Природа наконец-то повторила и значительно улучшила благородный, но невезучий тип, который уже однажды, очень давно, использовала для Творения – с первыми племенами, в доисторических диких охотниках и на скальных художниках.

Внутренним устройством Вторые Люди отличались от ранних племен тем, что они отбросили большую часть тех примитивных реликтов, которые мешали Первым Людям гораздо больше, чем казалось. У них не только отсутствовали аппендикс, миндалины и другие бесполезные наросты, но также и вся их структура была более жестко связана в одно целое. Их химический состав был таков, что ткани тела поддерживались в отличном состоянии. Их зубы, хотя, в пропорции к размерам тела, более мелкие и меньше числом, были почти совсем невосприимчивы к кариесу. У них была такая организация желез, что половая зрелость не наступала до двадцати лет и до пятидесяти они еще не достигали поры возмужания. Почти в сто девяносто лет их силы начинали слабеть, и после нескольких лет пребывания в созерцательной задумчивости они неизменно умирали прежде, чем могло наступить полное одряхление. Это выглядело примерно так, что, когда работа человека заканчивалась, он, впадая в умиротворение, обдумывал весь свой жизненный путь, когда ничто из дальнейшего не отвлекало его внимание и не препятствовало углубиться в вечный сон. Женщины вынашивали зародыши в течение трех лет, выкармливали младенцев грудью пять лет и в течение этого срока и еще семи лет после него не могли иметь детей. Климакс наступал у них где-то в возрасте ста шестидесяти лет. По внешнему сложению такие же массивные, как и их мужчины, они показались бы Первым Людям высокими великанами; но даже те ранние получеловеческие существа восторгались бы женщинами этих новых племен как за их грандиозную жизнестойкость, так и за их ярко проявляемую человеческую заботливость.

Шкала времени 2

Масштаб в 100 раз превышает масштаб предыдущей шкалы.

Несомненно, весьма неточная.



По характеру Вторые Люди весьма значительно отличались от представителей ранних племен. У них наблюдались те же самые составные части натуры, но в совершенно ином соотношении и в куда большей зависимости от обдуманных желаний индивидуума. Вновь возродилась сексуальная энергия. Но сексуальные склонности необычайно изменились. Древний восторг от физического и ментального общения с противоположным полом был увязан теперь с неким видом присущего им от природы и возвышенного и не в меньшей степени возбуждающего восприятия уникальных физических и душевных форм всех видов живых существ. Менее возвышенным натурам трудно даже представить себе подобное расширение врожденного сексуального интереса, потому что для них не является очевидным, что чрезвычайное восхищение, которое в первую очередь само по себе направлено на противоположный пол, является вполне уместным отношением ко всем видам красоты тела и духа и зверей, и птиц, и растений. У новых людских рас усилился также и родительский инстинкт, но претерпел при этом унификацию. Он превратился в сильное врожденное влечение и привязанность ко всем живым существам, которые, как казалось, требовали помощи и поддержки. У ранних рас этот страстный стихийный альтруизм проявлялся лишь в отношении исключительных и незаурядных личностей. Однако в новых племенах все заурядные мужчины и женщины переживали этот альтруизм как страсть. И тем не менее в то же самое время примитивные родительские чувства стали удачно сочетаться с менее собственническим и более предметным чувством любви, которая среди Первых Людей была распространена гораздо меньше, чем им хотелось верить самим. Изменилась и их внутренняя самооценка. Прежде значительная часть энергии человека тратилась на утверждение собственного превосходства над остальными индивидуумами и значительная часть природного благородства становилась основой эгоизма. Но у Вторых Людей этот соперничающий дух самоутверждения, эта борьба за первенство среди своих братьев наиболее выделяющегося животного была существенно сглажена. Во времена древней цивилизации самые главные предприятия общества никогда бы не состоялись, если бы не было возможности подчинить всех эгоизму его ведущих борцов. Но у второго типа людей существовали в основном лишь групповые интересы. Немногие из людей могли позволить себе испытывать неудобства от того, что выкладывались из последних сил всего лишь ради чужих целей, если не считать тех случаев, когда эти цели представляли интерес или важность в смысле общественного мероприятия. Это была разница лишь во взгляде человека на всемирное единение отдельных личностей и на его собственные функции в этом единении, способные породить в нем дух борьбы. Поэтому скорее внутри человеческого характера, чем во внешнем его проявлении, имелись серьезные отличия Вторых Людей от Первых. И эти отличия более всего затрагивали их природную склонность к космополитизму. У этих людей были племена и нации, но им была совсем неизвестна война – даже в их первобытные времена привязанность людей более всего была направлена к расе как единому целому, и приступы мягкосердечия к врагу так затрудняли войны, что они тут же оказывались отчаянными спортивными состязаниями, ведущими к вспышкам тесной дружбы.

Было бы неверно утверждать, что интересы этих существ носили социальный характер. Они никогда не поклонялись абстракции, носящей название государства, или нации, или даже содружеству. Потому что их главной отличительной чертой была не простая стадность, а нечто новое: врожденный интерес к личности как с точки зрения разнообразия типов, так и с точки зрения идеи развития. У них была удивительная сила живой интуиции по отношению к своим братьям как к уникальным личностям с особыми потребностями. Индивидуумы более ранних племен страдали от почти непреодолимой духовной изоляции друг от друга. Не только любовники, но даже и гении с особым подходом к внутреннему миру личности едва ли достигали правильного взгляда друг на друга. Но представители второго людского рода, обладавшие более глубоким и более точным самосознанием, были также способны и к более глубокому и точному взаимопониманию. Они достигали этого не за счет уникальных способностей,

а исключительно благодаря созревшему искреннему интересу друг к другу, тонкому наблюдению и более деятельному воображению.

Они обладали также и замечательным врожденным интересом к высшим формам умственной деятельности или скорее к утонченным предметам такой деятельности. Каждый ребенок инстинктивно проявлял утонченный эстетический интерес к окружающему миру и к собственному поведению, а также к научным исследованиям и обобщениям. Например, маленькие дети с восторгом собирали в свои коллекции не только такие предметы, как яйца или кристаллы, но и математические формулы, выражающие различные формы яиц и кристаллов или бесчисленных групп раковин, листьев и разветвляющихся стеблей травы. И еще было изобилие традиционных волшебных сказок, основой которых были философские головоломки. Маленькие дети приходили в восторг, когда слышали, как примитивные вещи, называемые иллюзиями, изгонялись из Реального Мира, как одномерная Линия, пробуждаясь, становилась двумерным миром и как смелый молодой мотив побеждал звериную какофонию и завоевывал этим нежную мелодию-девушку в необычной стране, где вся видимость состояла из звуков, а все живые существа были музыкой. Первые Люди проявляли интерес к науке, математике, философии только после сложного обучения, но у Вторых Людей наблюдалась природная склонность к подобной деятельности, не менее сильная, чем первобытные инстинкты. Разумеется, они не были избавлены от необходимости обучения, но проявляли в этих занятиях тот же пыл и рвение, что и их предки, наслаждавшиеся только скромными сферами.

Конечно, нервная система у ранних племен поддерживала в теле весьма ненадежную связь и была слишком подвержена возмущениям любой из своих составных частей. Но у новых племен при подчинении низших центров высшим наблюдалась почти полная гармония. Поэтому моральный конфликт между мгновенным возмущением и продуманной реакцией, а с другой стороны – между личными и общественными интересами играл весьма второстепенную роль в поведении Вторых Людей.

И в самих познавательных способностях эти более поздние племена также опережали своих предков. Например, сильнее развилось зрительное восприятие. Новые племена различали в световом спектре новый первичный цвет, расположенный между зеленым и голубым, и за голубым они видели не желтый, а еще один новый первичный цвет, который плавно переходил, за гранью восприятия, в прежний ультрафиолет. Эти два новых первичных цвета были комплементарны друг другу. С другого конца спектра они видели инфракрасный как специфический пурпурный. Затем, благодаря очень большому размеру их сетчатки и увеличению числа палочек и колбочек, они различали в поле своего зрения более мелкие детали.

Улучшенная разрешающая способность зрения сочеталась с удивительным богатством мыслительного воображения, порождающим весьма сильную способность проникать в сущность новых ситуаций. В то время как у Первых Людей прирожденная сообразительность возрастала только до четырнадцати лет, у Вторых Людей она прогрессировала до сорока. Поэтому средний подросток был способен непосредственно разобраться в явлениях, которые лишь некоторые даже из наиболее одаренных Первых Людей могли понять только после длительного размышления. Эта превосходная ясность ума давала возможность новым племенам избежать большинства тех веками длившихся недоразумений, которые калечили их предков. И наряду с высокими умственными способностями образовалась удивительная гибкость воли. В действительности эти люди были куда более способны, чем Первые, избавляться от желаний, которые больше не казались им достаточно оправданными.

Подводя итог, следует сказать, что обстоятельства вызвали к жизни весьма достойное племя. По существу, оно было того же самого типа, что и ранние племена, но подверглось весьма значительным исправлениям. Многие из того, что Первые Люди могли достичь только в процессе долгого обучения и самодисциплины, Вторые Люди выполняли с легкостью, не требующей усилий, и с удовольствием. В особенности две способности, которые были для Пер-

вых Людей недостижимыми идеалами, теперь могли быть реализованы в любом индивидууме: способность хладнокровного познания и способность любви к ближнему как к самому себе, без всяких сомнений и оговорок. Разумеется, в этом отношении Вторых Людей можно было бы назвать «природными христианами» – так легко и постоянно они любили всех и каждого на манер Христа и с добротой и любовью распространяли все социальные нормы жизни. В самом начале своего жизненного пути они думали о религии любви и были одержимы ею вновь и вновь, в самых различных формах, до самого конца своего существования. С другой стороны, дар бесстрастного осмысления фактов помогал им очень быстро подойти к этапу поклонения судьбе. И будучи по природе строго рассудительными, они испытывали гораздо большее беспокойство от конфликта между их религией любви и преклонением перед судьбой.

Вероятно, может показаться, что на этой стадии была полная готовность для победного и скорого прогресса человеческого духа. Но хотя новые человеческие племена и были реальным улучшением более ранних, им недоставало некоторых способностей, без которых нельзя было сделать следующий большой скачок вперед в умственном развитии.

Более того, и само их совершенство включало один новый недостаток, от которого Первые Люди были почти полностью свободны. В жизни простых индивидуумов зачастую бывало, когда ничто, кроме героической попытки, не могло вырвать их личное преуспеяние из стагнации или упадка и сделать их пионерами в новых сферах деятельности. Среди Первых Людей подобная попытка вызывалась к жизни страстным вызовом по отношению к самому себе. И это происходило на приливной волне безграничного эгоизма, слепо рвущейся в одном направлении, так что она выносила первые племена людей вперед. Но, повторяю, у Вторых Людей чувство собственного достоинства никогда не было руководящим мотивом. Только призыв к преданности обществу или личная любовь могли заставить человека выкладываться в безнадежных попытках. Всякий раз, когда достижимый результат казался лишь частным успехом, они были склонны предпочесть умиротворение трате усилий и наслаждение спортом, дружбой, искусством или игрой ума – рабству по отношению к собственному эгоизму. И потому за долгие годы развития, хотя Вторые Люди и были удачливы в своей почти полной невосприимчивости к пылу страстей и личному самоутверждению (которые сокрушающе били по более ранним племенам, ввергая их в индустриализацию и милитаризм), и хотя они многие века наслаждались мирной идиллией, зачастую на высоком культурном уровне, их движение вперед, к тому, чтобы стать полностью сознательными хозяевами планеты, было удивительно медленным.

2. Соединение трех племен

За несколько тысяч лет новые племена освоили район от Афганистана до Китайского моря, населили Индию и проникли далеко вглубь нового Австралийского континента. Их продвижение носило скорее характер проникновения культуры, нежели колонизации. Оставшиеся племена Первых Людей, с которыми эти новые племена обычно не скрещивались, были неспособны подняться к более высокой культуре, которая, как прилив, затопляла все и вся вокруг и поверх них. И они постепенно исчезли.

На протяжении нескольких следующих тысячелетий Вторые Люди оставались на положении величественных дикарей, а затем быстро прошли в развитии через скотоводство к стадии земледелия. В эту эпоху они отправили экспедицию через новый громадный Гиндукуш для исследования Африки. Здесь-то они и наткнулись на носивших получеловеческий облик потомков того корабельного экипажа, который уплыл из Сибири за миллионы лет до этого. Эти полулюди-полуживотные продвинулись к югу через Америку, пересекли новый Атлантический перешеек и добрались до Африки.

Низкорослые, доходящие лишь до колена представителям высших племен, согнутые, потому что зачастую использовали свои руки при передвижении, с приплюснутым черепом

и вытянутым в виде рыла лицом, эти создания теперь скорее напоминали бабуинов, чем людей. Однако и в дикой стадии они имели к этому времени очень сложную организацию каст, основанную на чувстве обоняния. Разумеется, их способности различать запахи развились на основе развитых умственных способностей. Определенные запахи, ставшие священными из-за чрезмерного нерасположения к ним, выделялись индивидуумами, страдающими определенными болезнями. К таким индивидуумам относились с уважением все их собратья, и хотя на самом деле они были истощены и ослаблены болезнью, их так боялись, что никто не отваживался им противиться. Сами эти запахи по характеристикам располагались по степеням величия и благородства, так что те индивидуумы, что были носителями менее отталкивающего запаха, должны были оказывать уважение тем, у кого обширное гниение тела издавало самую тошнотворную вонь. Эти бедствия имели особый эффект в виде стимуляции репродуктивной активности; и этот факт был причиной как того, что они все же были достойны уважения, так и огромной плодовитости племени, такой плодовитости, что, несмотря на болезни и тупоумие, оно населило два континента. Потому что хотя болезни и были фатальными, они развивались очень медленно. И хотя индивидуумы, глубоко пораженные болезнью, были зачастую не способны прокормить себя, они пользовались преданностью здоровых, которые бывали очень рады, если им удавалось заразиться и самим.

Но самым поразительным фактом относительно этих созданий было то, что многие из них становились рабами другого полумразумного племени. Когда Вторые Люди проникли еще дальше в Африку, они попали в лесной район, где стада мелких обезьян оказали сопротивление их вторжению. Вскоре стало очевидно, что любые вмешательства и контакты со слабоумными и бездеятельными недочеловеческими обитателями этого региона встречают сопротивление со стороны обезьян. И поскольку последние использовали примитивные луки с отравленными стрелами, их сопротивление создавало серьезные неудобства для захватчиков. Использование оружия и других приспособлений и удивительная согласованность действий во время сражения указывали на то, что в развитии эти обезьяноподобные племена значительно опередили всех существ, за исключением человека. Разумеется, в данном случае Вторые Люди столкнулись лицом к лицу лишь с племенами, обитающими на Земле, которые спустились с деревьев и эволюционировали настолько, что оказались в состоянии состязаться с человеком в многосторонности и практической сметке.

Когда неожиданным пришельцам удалось продвинуться вглубь, они обнаружили, что обезьяны окружают и собирают в табуны целые стада низкорослых примитивных людей и куда-то далеко угоняют их. Было также замечено, что эти окультурившиеся существа были полностью свободны от болезней, распространенных среди их диких родственников, которые по этой же самой причине ни во что не ставили здоровых работяг. Позже выяснилось, что дикие людские племена использовались обезьянами как животные для переноски тяжестей и что их мясо было самой вкусной составной частью их питания. Также было найдено высоко на деревьях поселение из переплетенных ветвей, находившееся, несомненно, в состоянии строительства, потому что дикари тащили бревна и поднимали их наверх, подгоняемые заостренными копьями обезьян. Было также очевидно, что власть обезьян поддерживается скорее устрашением, нежели силой. Они смазывали себя соком особого ароматического растения, запах которого нагонял ужас на их несчастный домашний скот и склонял его к подобострастному послушанию.

Вторгнувшиеся в чужую культуру путешественники были лишь горсткой первопроходцев. Они ходили по горам в поисках металлов, выброшенных на поверхность земли за период вулканической активности. Будучи дружелюбной расой, они не испытывали враждебности к обезьянам, а скорее удивлялись их повадкам и изобретательности. Но обезьяны очень недовольны по поводу самого пребывания здесь этих более могущественных существ; и вскоре, собравшись в огромном числе на вершинах деревьев, они уничтожили весь отряд своими отравленными стрелами. Одному человеку удалось бежать в Азию. Через несколько лет он вер-

нулся с целой толпой. Однако это была не карательная экспедиция, потому что Вторые Люди, будучи мягкосердечными, никогда не впадали в негодование. Утвердившись на окраинах лесного массива, они все же смогли наладить связи и бартерный обмен с низкорослым населением, обитавшим на деревьях, так что по прошествии некоторого времени им было позволено безопасно посещать территорию и начать свои глобальные металлургические изыскания.

Подробное изучение отношений этих очень разных интеллектов было бы весьма познавательным, но для этого у нас нет времени. В пределах своей сферы обитания обезьяны, возможно, и показали гораздо более проворную сообразительность, чем люди; но их интеллект вообще работал только в очень узких пределах. Они были ловкими и проворными в поисках новых средств для большего удовлетворения их собственных appetitов. Но у них полностью отсутствовал критический подход к самим себе. Сверх обычного комплекта инстинктивных потребностей у них было развито множество приобретенных традиционных наклонностей, большинство из которых были причудливыми и опасными. С другой стороны, хотя Вторые Люди и бывали часто обмануты обезьянами, в процессе долгого развития их отношений они оказались несравненно более предусмотрительными и более разумными.

Разница между этими двумя племенами наиболее отчетливо проявлялась в их отношении к металлам. Вторые Люди отыскивали металлы исключительно для сохранения и развития уже достаточно передовой цивилизации. Но обезьяны, когда в первый раз увидели эти блестящие слитки, были буквально очарованы ими. Они тут же начали проявлять ненависть к захватчикам, отстаивая свое превосходство как местных жителей и стремясь сохранить такое богатство; и теперь эта ревность соединилась с первобытным стяжательством, чтобы изготавливать пластины из меди и олова, ставшие в их глазах символами власти. Для того чтобы им не мешали в их работе, пришельцы заплатили пошлину товарами из своей страны: корзины, гончарные изделия и различные специально изготовленные миниатюрные инструменты. Но едва обезьяны увидели самородный металл, они потребовали часть этого благороднейшего продукта, лежавшего на их собственной территории. Это было с готовностью выполнено, поскольку не было связано с необходимостью доставлять продукцию из Азии. Но обезьянам не было никакой реальной пользы от металла. Они только накапливали его и становились все более и более жадными. Ни один из их племени теперь не пользовался уважением, если он, куда бы ни шел, не таскал с собой, испытывая заметное напряжение, большой слиток металла. И через некоторое время стало считаться непристойным, если кого-то видели без этого предмета. В разговорах между представителями разных полов этот символ совершенства держали всегда таким образом, чтобы он прикрывал гениталии.

Чем больше металла накапливали обезьяны, тем больше они жаждали его. Часто проливалась и кровь в спорах за обладание тайными складами. И со временем эта междоусобная борьба сменилась согласованными действиями, направленными на запрет вывоза металла с их территории. Некоторые из обезьян даже сообразили, что находящиеся в их распоряжении слитки могут быть использованы для изготовления более эффективного оружия, с которым можно изгнать пришельцев. Но эта политика не была одобрена, не только потому, что не было никого, кто смог бы обработать сырой металл, но и потому, что они пришли к общему согласию, что пускать этот священный материал на любые изделия было бы низким и подлым поступком.

Желание избавиться от пришельцев было усилено спорами по поводу человекообразных существ. Эти жалкие и презренные существа жестоко притеснялись своими хозяевами. Они не только изнурялись на работе, но еще и терпели жестокие хладнокровные истязания, производимые не столько от страсти к жестокости, сколько от странного чувства юмора или восторга от несообразности. Например, обезьяны получали до странного невинное и сумасбродное удовольствие, заставляя свой скот выполнять работу в выпрямленном состоянии, которое теперь было для них весьма неестественным, или есть собственные экскременты или, даже, собствен-

ный молодняк. А если эти издевательства заставляли некоторых наиболее незаурядных человекообразных устраивать бунт, обезьяны впадали в высокомерную ярость при таком отсутствии чувства юмора – вот до какой степени они были неспособны к пониманию субъективных восприятий других существ. В отношениях друг к другу они могли, разумеется, быть добрыми и великодушными, но даже и в своей среде бес шутливости временами вызывал стычки. В любом деле, когда отдельный индивидуум не был понят своими собратьями, он без колебаний с ликованием подвергался травле и частенько истязался до смерти. Но, как правило, от этого страдали лишь представители племени рабов.

Пришельцы были грубо оскорблены столь жестоким тупоумием и отваживались выражать протесты. Для обезьян же протесты эти были непонятны. Для чего же еще нужен скот, как не для того, чтобы быть на службе у высших существ? Очевидно, думали обезьяны, пришельцам, кроме всего, еще и не вполне хватало ума, раз они не могли оценить всю прелесть экстравагантности.

Разногласия по этим и другим причинам привели в конце концов обезьян к поискам способа навсегда освободиться от неудобств. Вторые Люди убедились в своей ужасающей склонности к болезням, бытовавшим среди их жалких получеловеческих родственников. И только за счет очень строгого карантина им удалось подавить эпидемию, которая вскрыла этот факт. Теперь отчасти из-за реваншизма, но отчасти также и благодаря злобному восторгу из-за неразберихи обезьяны решили извлечь пользу из этой человеческой слабости. Имелся некий орех, очень приятный как для представителей обоих человеческих племен, так и для обезьян, который произрастал в весьма отдаленной части этой страны. Обезьяны уже начали обменивать этот орех на дополнительный металл, и изыскатели приспособились отправлять целые караваны, груженные орехами, в свою собственную страну. И в этой ситуации обезьяны увидели для себя возможность. Они тщательно инфицировали большие партии орехов заразой, свирепствовавшей среди тех первобытных людей, которые не были приручены. Очень скоро караваны зараженных орехов отправились в различные места Азии. Воздействие этих микробов на прежде абсолютно здоровую расу было крайне губительным. Оказались истреблены не только поселения изыскателей, но также и основная масса племен. Первобытные людские племена давно приспособились к микробам и даже быстрее размножались из-за их наличия, но не так все было с более тонко организованными новыми племенами. Они умирали, будто осенние листья. Цивилизация разваливалась на куски. Через несколько поколений Азия была населена только горсточками разбросанных по большой территории дикарей, больных и большей частью искалеченных.

Но, несмотря на это бедствие, потенциально племена оставались все такими же. За несколько веков раса избавилась от инфекции и начала в очередной раз восхождение к цивилизации. А еще через тысячу лет пионеры вновь пересекли горы и посетили Африку. Они не встретили никакого сопротивления. Случайный всплеск обезьяньего интеллекта давным-давно утих. Обезьяны настолько отяготили свое тело металлом, а разум жаждой обладания им, что со временем стада первобытных людей смогли взбунтоваться и уничтожить своих хозяев.

3. Вторые Люди в зените славы

За последующую почти четверть миллиона лет Вторые Люди проходили через сменяющие друг друга фазы процветания и упадка. Их продвижение вперед, к развитию культуры, не было так уверенно стабильно и триумфально, как можно было ожидать от расы с такими способностями. Как с индивидуумами, так и с целыми племенами происходили случайности, способные отменить даже самые осторожные ожидания. Например, Вторые Люди долгое время испытывали затруднения «ледникового периода», который в пике своего развития распростра-

нил арктические условия жизни далеко на юг, почти до самой Индии. Постепенно этот вторгшийся лед согнал племена на самую оконечность этого полуострова и понизил их культуру до уровня эскимосов. Разумеется, со временем они вновь возвысились, но только чтобы перенести новые кары, из которых наиболее опустошительными были эпидемии от бактерий. Недавно созданные эволюцией и более высоко организованные ткани этих племен были более обычного восприимчивы к болезням, и не один, а великое множество раз подающая надежды культура этих варваров или даже уже «средневековая» цивилизация бывала сметена чумой.

Но из всех природных бедствий, выпавших на долю Вторых Людей, самое худшее было связано со спонтанным изменением в их собственном физическом телосложении. Почти так же как клыки древних саблезубых тигров вырастали такими большими, что звери не могли есть, так и мозг у представителей новых человеческих племен стал угрожать перерасти по размерам остальное их тело. В черепе, первоначально достаточно просторном, это высочайшее произведение природы теперь постепенно уплотнялось, но затем кровеносная система, которая некогда была совершенно адекватной, начала все больше и больше сбоить при перекачке крови через уплотнившуюся структуру. Две эти причины в конце концов привели к серьезным последствиям. Врожденное слабоумие становилось все более обыденным явлением наряду с разнообразными благоприобретенными умственными болезнями. На протяжении нескольких тысяч лет раса оставалась в наиболее критическом состоянии: то была почти вымирающей, то неожиданно быстро достигала непомерного развития культуры в некоем регионе, где физическая природа случайно оказывалась благоприятной более обычного. Одна из таких необычайных вспышек духа произошла в долине реки Янцзы, как неожиданное и минутное величие государств-городов, населенных невротиками, как гениальными, так и неразумными. Устойчивым результатом этой цивилизации была яркая литература отчаяния и безнадежности, пронизанная ощущением различия между реальным и скрытым в человеке и во вселенной. Позже, когда раса достигла своей высшей славы, появилось обыкновение размышлять над этим трагическим голосом из прошлого, чтобы напоминать себе о скрытом ужасе существования.

Между тем мозг продолжал все более и более увеличиваться, и раса становилась все более и более дезорганизованной. Не было никакого сомнения, что она исчезнет по той же причине, что и саблезубые тигры – просто-напросто двигаясь в фатальном направлении собственного физиологического развития, – не появившись в конце концов более устойчивая разновидность этого нового человеческого племени. В Северной Америке, в которую через Африку очень давно распространились Вторые Люди, впервые появился этот новый тип, с более просторным черепом и более здоровым сердцем. Великой удачей также оказалось то, что эта новая разновидность оказалась менделевской доминантой. И как только этот вид скрестился с более старым видом, великолепная здоровая раса вскоре заселила всю Америку. Порода была спасена.

Но должна была пройти еще одна сотня тысяч лет, прежде чем Вторые Люди смогли достичь своего зенита. Я не буду подробно описывать это последовательное развитие человеческой гармонии, хотя оно и является одной из величайших ценностей. Многие темы из жизни ранних племен неизбежно повторяются теперь многократно, но с различными особенностями, и охватывают диапазон, так сказать, от минорного до мажорного ключа. В очередной раз первобытные культуры сменяют одна другую или переходят в цивилизацию, варварскую или «средневековую», и та, в свою очередь, либо рушится, либо трансформируется. И планета не раз становилась домом единого мирового сообщества, существовавшего многие тысячи лет, пока несчастье не губило его. Таковой крах не был совсем уж неожиданным, потому что, в отличие от ранних племен, Вторые Люди не имели ни угля, ни нефти. В каждом из этих ранних обществ, созданных Вторыми Людьми, наблюдался удручающий недостаток механической энергии. В результате хотя они и были всемирными и достаточно сложными, но оставались «средневековыми» по своей сути. На всех континентах интенсивное и высо-

коразвитое земледелие медленно распространялось из речных пойм на склоны гор и в орошаемые пустыни. В беспорядочно разбросанных городах с многочисленными садами каждый житель был занят своей долей тяжелого труда, занимаясь еще и какими-либо ремеслами, хотя тем не менее у него еще находилось свободное время для веселья и созерцания. Взаимосвязи внутри и между пятью великими континентальными общинами могли поддерживаться только с помощью конных экипажей, караванов и парусных кораблей. Морские путешествия, конечно же, вновь обрели свое прежнее значение и заметно превзошли свои прежние достижения. В каждом море были бесчисленные флотилии огромных, заполненных множеством пассажиров красно-парусных клиперов, деревянных, с резными полуютами и носами, но с гладкими боковыми кранцами; корабли перевозили товары и продукты из разных стран и множество путешественников, которые были безумно рады провести годовой отдых среди иностранцев.

Столь многого смогли достичь за вполне обозримое время, и даже без механической энергии, племена, наделенные высоким разумом и иммунитетом против антиобщественного самолюбия. Но неизбежно этому пришел конец. Вирус, чье слабое воздействие на эндокринную систему организма никогда не принималось в расчет расой людей со столь чистой физиологией, распространил по всему миру загадочную усталость. Век за веком сельское хозяйство уходило с холмов и из пустынь, приходили в упадок изящные ремесла, мышление становилось стереотипным. Широко распространившаяся вялость повсеместно вызвала падение духа и потерю веры. Со временем нации утратили взаимные контакты, забыли о существовании соседей, забыли их культуру, распались на варварские племена. И Земля уснула в очередной раз.

Много тысячелетий спустя, уже через долгое время после того, как болезнь сама полностью иссякла, независимо друг от друга появилось несколько поистине великих людей. Когда же, наконец, между ними установился контакт, они оказались до того чуждыми друг другу, что в каждом из них должна была произойти сложная культурная перестройка, прежде чем мир смог бы в очередной раз почувствовать себя единым. Но это второе обустройство мира продержалось лишь несколько веков, потому что существовавшие теперь глубокие подсознательные различия сделали невозможной глубокую привязанность рас друг к другу. А религии окончательно разъединили сообщества, которые стремились друг к другу, но никому не доверяли. Нация монотеистов героически попыталась изыскать способ навязать свою веру в охваченном пантеизмом мире. В первый и последний раз Вторые Люди были ввергнуты в мировую гражданскую войну, и именно потому, что война была религиозной, она проявила доселе неизвестную жестокость. С примитивной артиллерией, но с величайшим фанатизмом, две группировки гражданских армий уничтожали друг друга. Пустовали поля, горели города; реки и даже сам воздух были отравлены. Много времени длился этот наплыв ужаса, при котором более примитивные племена наверняка потеряли бы душу, а эти героические безумцы продолжали творить разрушения. И когда, наконец, произошел неизбежный и окончательный развал, он оказался еще более глобальным. У восприимчивых племен, вся энергия которых ушла на приведшую к разрушениям просвещенность, смятение стало заполнять почти каждый ум: ошеломляющее чувство измены человеческому духу и трагический комизм всей борьбы. Даже за тысячелетия не удалось Вторым Людям в очередной раз достичь мирового единства. Но этот урок они выучили хорошо.

Третья и наиболее преуспевшая цивилизация Вторых Людей повторила прославленную культуру Средневековья, сложившуюся во времена первой цивилизации, и прошла дальше, в фазу блестящего расцвета естественных наук. Химические удобрения увеличили урожаи посевов, а как следствие – и численность населения. Энергия ветра и воды была превращена в электричество, явившись дополнением к труду человека и животных. Затем, после многочисленных неудач, стало возможным использовать вулканическую и подземную энергии, чтобы приводить в движение генераторы. За короткий промежуток времени весь физический облик

цивилизации изменился. Однако в этом стремительном движении к индустриализации Вторые Люди избежали ошибок древней Европы, Америки и Патагонии. Это происходило отчасти благодаря их сильному чувству взаимного расположения, которое, сохранившись при великом помрачении ума в период религиозной войны, сделало их всех сплоченными и социально активными членами сообщества. Этому также способствовала комбинация их практичного здравого ума, куда более рассудительного, чем у британцев, с гораздо большей, чем у русских, устойчивостью к волшебным чарам богатства и страстью к живой деятельности ума, превосходящей даже греков. Горное дело и промышленное производство, даже при помощи электроэнергии, были занятиями едва ли менее трудными, чем в прежние времена; но поскольку каждый индивидуум был вовлечен, благодаря живому и пылкому взаимопониманию, в дела и интересы всех остальных, не было никаких затруднений с дешевой рабочей силой. Желание помочь промышленности избежать затруднений было весьма действенным, потому что было искренним.

В своем расцвете культура Вторых Людей была направлена на внимание к заботам каждой отдельной личности. Однако составляющие ее индивидуумы рассматривались ею и как цели, и как средства, как трамплин для более развитых индивидуумов далекого будущего. Потому что, хотя Вторые Люди и были в сравнении со своими предшественниками долгожителями, они были удручены краткостью человеческой жизни и ничтожностью достижений отдельного человека в сравнении с окружавшей его бесконечностью, ожидающей от него понимания и восхищения. Поэтому своей целью они считали создание расы, обеспеченной большей продолжительностью жизни. И вновь, хотя они и участвовали в жизни друг друга куда больше, чем их предки, сами они были затравлены безысходностью неправильного понимания и ошибок, которые подтачивали почти у каждого разумное восприятие всех живущих вокруг него. И подобно своим предшественникам, они прошли через все простейшие стадии самосознания и взаимопонимания и через идеализацию различных видов индивидуальности. Они удивлялись героизму варваров, романтике, утонченности чувств, обману и искренности, разложению, лести, жестокости. И они пришли к заключению, что каждая личность, пока она являет собой выражение некоего персонального вида, должна пытаться быть чуткой также и к каждому другому виду. Они даже полагали, что идея всеобщности должна воплотиться в единый разум с помощью уникального индивидуального прямого телепатического понимания каждым жизненного опыта всех его собратьев. И тот факт, что эта задача казалась абсолютно недостижимой, пронизывал всю их культуру темной нитью, тоской по единению, страхом одиночества, которые никогда всерьез не беспокоили их более разобщенных предшественников.

Такое страстное стремление к единению влияло на сексуальную жизнь в племени. Прежде всего в их организме умственное сплеталось с физиологическим так тесно, что, когда не было истинного единения умов, половой акт не приводил к зачатию. Случайные половые связи поэтому возникали большей частью между теми, кто глубже понимал мысли друг друга. К ним относились как к очаровательному украшению жизни, к возможности большей утонченности, сердечной доброты, добродушия и, разумеется, физического опьянения; но их считали не более чем взаимным восторгом двух знакомых людей. Там же, где существовало супружество умов, но только в случае наличия истинной страсти к общности, половые акты почти всегда заканчивались оплодотворением. При таких обстоятельствах любовники должны были часто пользоваться противозачаточными средствами, но просто знакомые – никогда. И одним из наиболее полезных изобретений физиологов была методика самовнушения, которая при желании или способствовала зачатию, или предотвращала его, естественно, безболезненно и без неэстетичных дополнений.

Сексуальная мораль Вторых Людей прошла через все известные Первым Людям стадии; но к тому времени, когда они установили единую мировую цивилизацию, она приняла неизвестную ранее форму. И мужчин, и женщин не только поддерживали в стремлении иметь

столько случайных связей, сколько им хочется для их потребностей, но так же, при высоком уровне духовного единения, строгая моногамия даже преследовалась. Потому что в сексуальном единении такой высокой формы они видели символ такого единения разума, которое они страстно желали сделать всеобщим. Поэтому самым ценным даром, которым могли обмениваться любовники, была не девственность, а сексуальный опыт. Союз, как ощущалось, был тем богаче, чем больше каждая сторона могла получить от предыдущей сексуальной и духовной близости с другими. Однако, хотя как основной принцип моногамия не одобрялась, высшей формой единения на практике считалось долгое, пожизненное партнерство. Но поскольку обычная жизнь была намного дольше, чем у Первых Людей, такие постоянные союзы очень часто преднамеренно прерывались переменой партнеров, а затем восстанавливались – с возросшей жизненной силой. С другой стороны, группа лиц обоих полов могла образовывать смешанное и долговременное совместное супружество. Иногда такая группа менялась одним или несколькими участниками с другой группой или рассредоточивала себя по другим группам, чтобы, обогатившись опытом, вновь объединиться через годы. В той или другой форме этот «групповой брак» весьма поощрялся как расширение живых сексуальных отношений на другие общественные сферы. Среди Первых Людей непродолжительность жизни делала невозможными такие новые формы союза между людьми, потому что, безусловно, ни сексуальные, ни духовные отношения не могли развиваться до подобного уровня менее чем за тридцать лет постоянной близости. Здесь интересно бы описать социальные институты Вторых Людей в пору расцвета их цивилизации; но у нас нет времени уделять внимание этому предмету, нет его даже для ярких интеллектуальных достижений, в которых эти новые племена так опередили своих предшественников. Несомненно, что любой обзор естественных наук и философии Вторых Людей будет непонятен читателям этой книги. Достаточно сказать, что они избежали тех ошибок, что привели Первых Людей к фальшивым абстракциям и метафизическим теориям, которые с самого начала оказались искажены и упрощены.

Еще не проделав всей той работы, какую совершили Первые Люди в науке и философии, Вторым Людям удалось открыть остатки гигантской каменной библиотеки в Сибири. Группа инженеров случайно наткнулась на нее, когда они готовились пробивать шахту для получения подземной энергии. Пластины были с трещинами, перепутаны и частично разрушены от воздействия воздуха. Но, однако, постепенно они были восстановлены и переведены благодаря иллюстрированному словарю. Находка вызвала чрезвычайный интерес у Вторых Людей, но не тот, на который рассчитывала заброшенная в Сибирь горстка людей, не как хранилище научной и философской истины, а как живой исторический документ. Взгляд на вселенную, каким он предстал на пластинах, был слишком наивен и слишком искусственен, но проницательность разума ранних племен была бесценна. Так мало сохранилось от старого мира в вулканическую эпоху, что Вторым Людям до сих пор не удавалось получить ясную картину жизни их предшественников.

Лишь один элемент из этого археологического сокровища вызывал более чем просто исторический интерес. Биолог, предводитель маленького поселения в Сибири, записал очень многое из священных текстов о Божественном Ребенке. В конце записи шли последние пророческие слова, которые так озадачили жителей Патагонии. Эта тема оказалась полной смысла для Вторых Людей, и ей следовало бы быть таковой и для Первых Людей в лучшие годы их расцвета. Но в то время как для Первых Людей беспристрастный восторг, с которым проповедовал этот Ребенок, был скорее всего лишь идеалом, чем фактом жизненного опыта, Вторые Люди опознали в словах проповеди интуитивные знания, очень знакомые им самим. Изничтоженные давным-давно гении из городов вдоль Янцзы выражали ту же самую интуицию. Впоследствии нечто подобное очень часто переживали и более здоровые поколения, но всегда со смутным ощущением позора. Потому что это ассоциировалось с ущербным, болезненным сознанием. Но теперь, с ростом убежденности в том, что на самом деле оно здоровое и благотворное, Вто-

рые Люди начали подыскивать наиболее пристойную форму выражения для этого. В жизни и в последних словах удаленного от них веками апостола молодости они нашли выражение, которое еще не было совсем адекватным их исканиям. Но племена теперь болезненно нуждались в подобной доктрине.

Мировое сообщество со временем достигло некоторого относительного совершенства и равновесия. Наступил длительный период расцвета социальной гармонии, преуспевания и культурного совершенства. Почти все, что могло быть создано разумом на достигнутой стадии развития, казалось, было сделано. Поколения долго живущих энергичных и взаимно восторженных существ следовали одно за другим. Бытовало широко распространенное мнение, что настало время для людей собрать все их силы для полета в какую-то новую область интеллекта. Существовавший тип человеческого существа, как было признано, являл всего лишь грубый и негармоничный продукт природы. Наступило время человеку взять контроль над самим собой и перестроить себя в соответствии с лучшей моделью. Имея в виду подобную цель, были развернуты два огромных направления: исследование идеала человеческой природы и исследование практических средств ее перестройки. Индивидуумы в разных концах Земли, живущие своей личной жизнью, находящие восторг в общении друг с другом, поддерживавшие ткань общества живой и полной сил, были глубоко тронуты тем, что их мировое сообщество наконец-то было призвано к решению героической задачи.

Но в другом месте Солнечной системы жизнь заметно иного вида пыталась, на свой странный манер, достичь совершенно непостижимых для человека целей, однако схожих, по сути, с его собственными. Вскоре попытки достижения этих целей должны были соприкоснуться друг с другом, и отнюдь не для сотрудничества.

Глава VIII. Марсиане

1. Первое вторжение марсиан

В предгорьях недавно образовавшихся титанических гор, составлявших когда-то Гиндукуш, располагалось множество центров для отдыха, где молодежь Азии имела обыкновение искать альпийские приключения, опасные и тяжелые, для того чтобы взбодрить свой дух. Именно в этом районе в самом начале лета люди первый раз заметили марсиан. Отправившись на раннюю прогулку обнаружили, что небо имеет странный зеленоватый оттенок и что восходящее солнце хотя и не закрыто облаками, но тускло. Наблюдатели через минуту были удивлены, увидев, что зеленоватость сама собой концентрируется в тысячи мельчайших облачков с отчетливой синевой между ними. Полевые бинокли позволили обнаружить внутри каждого облачка зелени некий слабый намек на красноватые центры и перемещающиеся линии инфракрасного цвета, которые были бы невидимы для более ранних человеческих рас. Эти необычные кусочки облаков были все одного размера, самые большие из них выглядели меньше лунного диска; но по своей форме они сильно менялись, и казалось, что изменяли свой вид гораздо быстрее, нежели естественные перистые облака, с которыми они имели небольшое сходство. Несомненно, хотя в их форме и движении было многое от облаков, в них было и нечто трудно формулируемое, как с точки зрения формы, так и поведения, что заставляло предполагать о наличии в них жизни. Разумеется, они сильно напоминали примитивные амебовидные организмы, видимые лишь под микроскопом.

Они покрывали все небо, здесь и там виднелись как бы брызги зелени, кое-где расплывающиеся. И они казались движущимися. Основное медленное движение всей массы этих небожителей было направлено к одному из снежных пиков, который резко выделялся по высоте над

всем ландшафтом. Вскоре их передовые отряды достигли гребня горы и были видны теперь спускающимися вниз по каменистому склону очень медленными, как у амёб, движениями.

Между тем два аэроплана, движимые электричеством, поднялись в небо, чтобы исследовать странное явление поближе. Они прошли среди дрейфующих мелких облаков, фактически сквозь многих из них, без всякой помехи и почти без нарушений видимости.

На вершине собирался огромный рой этих мелких облаков и опускался вниз через пропасти и снежные поля в высокогорную ледниковую долину. В некоторой точке, там, где ледник скачком переходил на нижний уровень, продвигавшиеся первыми ряды замедлили движение и остановились, в то время как сонмища их собратьев продолжали скапливаться сзади. За полчаса все небо стало вновь чистым, если не считать обычных облаков, но на леднике теперь лежало то, что могло сойти за необычно темное, на вид даже твердое, грозное облако, сохранившее свой зеленый оттенок и внутреннее бурление. Было видно, как за несколько минут этот странный объект сконцентрировался в нечто, имевшее меньшую массу, и стал темнее. Затем он опять начал двигаться через скалистый край ледника в заросшую сосняком долину. Выступавший горный кряж скрыл его от наблюдателей.

Внизу долины находилась деревня. Многие ее жители, увидев приближающийся к ним загадочный плотный дым, бросились к своим механическим средствам передвижения и бежали, но некоторые остались из-за любопытства. Вскоре они были поглощены тяжелым зелено-коричневым туманом переливавшегося то тут, то там странными мерцающими полосами красноватого оттенка. Затем наступила полная темнота. Искусственное освещение тускло на расстоянии вытянутой руки. Стало трудно дышать. Горло и легкие были сильно раздражены. Всех охватил яростный приступ чиханья и кашля. Облако устремилось сквозь деревню, и казалось, что оно упражняется в произвольном надавливании на окружающие предметы, и не всегда в сторону своего общего движения, а временами в противоположном направлении, как будто оно получает дополнительный импульс для перемещения, опираясь на человеческие тела и стены, и буквально на локтях ползет вперед. Через несколько минут туман посветлел и вскоре оставил деревню позади себя, если не считать нескольких полос и струй от его напоминающей дым субстанции, которые запутались в боковых улицах и обособились. Очень скоро, однако, и они, казалось, начали светлеть и заторопились догонять основную массу.

Когда задыхающиеся жители деревни так или иначе пришли в себя, они отправили радиосообщение в небольшой городок, расположенный в нижней части долины, убеждая жителей временно эвакуироваться. Но сообщение было передано не вообще по радио, а с помощью узко направленного луча. И так случилось, что этот луч должен был пройти прямо через то самое пагубное туманное вещество. И пока передавалось сообщение, движение облака прекратилось, а его очертания стали неопределенными и рваными. Его фрагменты были унесены ветром и постепенно сами рассеялись. Почти сразу, как только передача завершилась, облако начало восстанавливаться вновь, но почти четверть часа лежало без движения. Дюжина отчаянных молодых людей вышли из города и, подгоняемые любопытством, приблизились к этой темной массе. Но пока они двигались к ней, петляя по долине, облако быстро сократилось, став размером с дом. Напоминающая теперь нечто среднее между густым непрозрачным туманом и настоящим желе, оно спокойно лежало, пока группа не отважилась приблизиться к нему на несколько ярдов. Очевидно, их смелость исчезла, потому что наблюдавшие издали увидели, как они повернули назад. Но не сделали они и трех шагов, как из основной массы со скоростью языка ящерицы вылетели длинные хоботки и обхватили их. Затем начали медленно убираться назад, но вместе с ними втягивались и молодые люди. Облако, или желе, яростно бурлило и пенилось несколько секунд, затем извергло из себя тела одним жеваным куском.

Смертоносное существо теперь начало прокладывать путь по дороге прямо к городу. Добравшись до первого же дома, оно разрушило его и продолжило свои блуждания туда-сюда,

снося все на своем пути, как будто это был поток лавы. Жители бросились бежать, но некоторые были пойманы и убиты.

И тогда с ближайших радиоустановок на облако было направлено мощное излучение. Разрушительная активность облака уменьшилась, и в очередной раз оно стало распадаться и растягиваться. Вскоре оно устремилось вверх, словно громадный столб дыма, и на большой высоте вновь рассеялось на множество первоначальных зеленоватых облачков, число которых заметно уменьшилось. А потом они вновь расплылись, превратившись в однообразный зеленоватый тон, который постепенно исчез.

Вот так завершилось первое вторжение с Марса на Землю.

2. Жизнь на Марсе

Нас интересует прежде всего человечество, и повествование заходит о марсианах лишь в связи с людьми. Но для того чтобы понять трагедию в отношениях двух планет, необходимо бросить взгляд на условия Марса и кое-что понять об этих поразительно непохожих, но, по сути, подобных нам существах, вознамерившихся теперь завладеть человеческим домом.

Описать на нескольких страницах биологию, психологию и историю целого мира так же трудно, как было бы трудно описать самих марсиан в тех же самых границах истинного идеала человека. В обоих случаях понадобились бы энциклопедии и библиотеки. Тем не менее мне нужно как-то суметь объяснить чужие страдания и восторги и многочисленные эпохи борьбы, приведшие к созданию странного нечеловеческого интеллекта, в некоторых отношениях столь низкого по развитию, однако в других несомненно превосходящего человеческие племена, с которыми он столкнулся.

Марс являл собой мир, чья масса составляла примерно одну десятую часть земной. Поэтому гравитация на Марсе играла менее деспотичную роль, чем в земной истории. Низкий уровень марсианской гравитации стал причиной менее плотной воздушной оболочки планеты, из-за чего общее атмосферное давление было значительно меньше, чем на Земле. Там было и гораздо меньше кислорода. Вода же была сравнительной редкостью. Океаны и моря отсутствовали, а встречались лишь мелководные озера и болотные топи, многие из которых летом пересыхали. Общий климат планеты – очень сухой, но при этом и очень холодный. Из-за отсутствия облаков поверхность планеты постоянно была освещена слабыми лучами далекого Солнца.

На заре истории Марса, когда было гораздо больше воздуха, больше воды и температура была выше за счет внутреннего тепла, в прибрежных водах морей появилась жизнь, и дальнейшая эволюция ее происходила почти таким же образом, как и на Земле. Примитивная жизнь породила основные животные и растительные виды. Затем появились многоклеточные структуры и придали себе различные формы, чтобы соответствовать различным окружающим условиям. Землю покрывали многочисленные виды растений, зачастую наблюдались целые леса из огромных тонкоствольных и пышных деревьев. Животные, напоминающие моллюсков или насекомых, плавали и ползали повсюду или же передвигались, совершая гигантские прыжки. Огромные паукообразные существа, в чем-то схожие с гигантской саранчой или раками, носились за своей добычей, проявляя маневренность и коварство, которые позволили им доминировать на планете почти так же, как в значительно позднее время ранний человек доминировал в диком земном мире.

Но со временем быстрая потеря атмосферы, и особенно водяных паров, изменила условия на Марсе, и эти условия оказались далеко за пределами возможностей адаптации этой ранней фауны и флоры. В то же время другой, весьма отличающийся вид жизненной организации получил пользу от этих изменений. На Марсе и на Земле жизнь зарождалась сходным путем, из множества «примитивных» жизненных форм. Новый же вид жизни на Марсе развился из другого подвида этих форм, с молекулярной организацией, который до той поры вообще не

мог развиваться и играл незначительную роль – изредка встречался в виде вирусов в органах дыхания животных. Появившиеся теперь базовые примитивные подвиды были микроскопическими по размерам и, разумеется, куда более мелкие, чем земные бактерии. Они изначально обитали в болотистых прудах, которые высыхали каждую весну, становясь отстойниками засохшей грязи. Отдельные их виды, унесенные в воздух на частицах пыли, приспособились к чрезвычайно сухой среде обитания. Они сохраняли свою жизнедеятельность, поглощая элементы из разносимой ветром пыли и улавливая незначительную влагу из воздуха. А также поглощали солнечный свет в процессе фотосинтеза, идентичном тому, что наблюдается у растений.

Во многих отношениях они были подобны и другим живым существам, но у них были некоторые способности, которые другие виды теряли в самом начале эволюционного пути. Земные организмы и марсианские организмы земного типа поддерживали себя как живые конгломераты за счет нервной системы или других форм материального контакта между частями организма. У большинства развитых форм нервная «телефонная система» огромной сложности связывала каждую часть тела с весьма сложным центральным коммутатором, мозгом. Поэтому на Земле каждый конкретный организм всегда представлял собой непрерывно существующую, объединенную в систему материю, поддерживавшую некоторое постоянство формы. Но на Марсе из единичных организмов развились со временем совершенно иные виды сложных организмов, в которых материальный контакт между частями не был столь необходимым ни для координации поведения, ни для единства сознания. Эти цели достигались на совершенно другой физической основе. Микроскопические составляющие организмов были чувствительны ко всем видам воздушных вибраций, и чувствительны непосредственно, способом, невозможным для земной жизни; они могли еще и сами инициировать вибрации. На этой основе марсианская жизнь со временем развила способность управлять живым организмом как единичным цельным индивидуумом без непрерывного контакта живой материи. Поэтому типичный марсианский организм напоминал облачко, группу свободно движущихся составных частей, управляемых «групповым разумом». Но в пределах одного племени понятие «индивидуальности» в некотором смысле существовало не только для отдельных облачков, но и для всего состава их огромной бесформенной системы. Вот что представляла собой «единомозговая» марсианская масса, вторгшаяся на Землю.

Марсианский организм зависел, если можно так выразиться, не от «телефонных проводов», а лишь от колоссального количества движущихся «беспроводных станций», передающих и получающих различной длины волны, в соответствии с их функциями. Излучение такой единичной «ячейки» было, естественно, очень слабым; но совокупная огромная система могла поддерживать контакт с отдельно перемещающимися частями на значительном расстоянии.

Доминирующая на Марсе форма жизни отличалась еще одной важной характеристикой. В точности как клетка, в земной форме жизни, способна изменять свою форму (благодаря этому работает весь механизм мускульных усилий), в марсианских формах жизни свободно перемещающееся микроскопическое существо специализируется на генерации вокруг себя магнитного поля и посредством этого или отгоняет, или притягивает своих соседей. Таким образом, система из материально разъединенных частей имела некоторое сцепление. Ее консистенция была чем-то средним между дымовым облаком и очень слабым желе. Она имела некоторую примерную форму, хотя и с вечно меняющимися очертаниями и нечеткой поверхностью. С помощью объединенных толчков своих составляющих она могла оказывать давление на окружающие объекты; в своей наиболее густой форме это марсианское облако-желе могло развивать значительные силы, которые при этом были управляемы и использовались и для очень тонких манипуляций. На магнитные силы была также возложена функция перемещения этого облака, напоминающего движение моллюска, как единого целого по поверхности земли, а еще для транспортировки неживых материалов и живых организмов из одного места в другое внутри облака.

Магнитное поле отталкивания и притяжения, генерируемое отдельными примитивными организмами, было более короткого действия, чем их поле «беспроводной» связи. Подобным же образом организовывались и целые системы таких организмов. Каждое из облаков, которое наблюдали в своем небе Вторые Люди, было независимой движущейся единицей, но при этом каждая находилась в состоянии некой «телепатической» связи со всеми своими собратьями. Разумеется, в каждом общественном мероприятии, таком сборище, какие происходили у земных жителей, почти совершенное единство сознания поддерживалось в пределах множественного поля радиоизлучения. Однако только когда все население концентрировало себя в небольшое и относительно плотное облако-желе, оно могло стать единым передвигающимся объектом. Марсиане, следует заметить, имели три возможные формы, или состояния, а именно: первую – «открытый порядок» независимых и сильно разреженных облаков при «телепатической» связи между ними и часто со строго выделенной группой с функцией общего разума; вторую – более концентрированное и менее уязвимое корпоративное облако и третью – чрезвычайно концентрированное и устрашающее облако-желе.

Не считая этих удивительных характеристик, никакой принципиальной разницы между визуально наблюдаемыми формами марсианской и земной жизни не было. Химическая основа первых была в некотором смысле сложнее, чем у последних; в них значительную роль играл селен, которому не было никакого соответствия у земных форм. Более того, марсианский организм был уникален и в том, что реализовал внутри себя как животные, так и растительные функции. Но, за исключением этих особенностей, в биохимическом плане обе формы жизни были весьма схожи. Обе нуждались в получении различных элементов из земли, обе нуждались в солнечном свете. Каждый жил за счет химических обменов, происходивших в его собственном «теле». И, разумеется, каждый поддерживал в себе органическую структуру. Существовала, конечно, и некоторая разница в отношении репродукции. Марсианские единичные организмы имели одновременно тенденции роста и разукрупнения, и рождение марсианского облака происходило из разукрупнения множества единичных организмов внутри родительского облака: из результатов их выброса образовывался новый индивидуум. И так как отдельные разновидности составных частей организма были специализированы на определенных функциях, то требовались представители множества типов, чтобы они могли собраться в новое облако.

На ранних стадиях эволюции на Марсе отдельные организмы становились независимыми друг от друга, как только отделялись при репродукции. Но позже бесполезная прежде рудиментарная энергия излучения нашла применение, и потому после репродукции свободные индивидуумы сразу же начинали осуществлять контакт с другими за счет излучения и вести себя более координированно. Еще позже эти организованные группы стали сами осуществлять радиоволновой контакт с группами своих отпрысков, образуя при этом еще более крупные организмы из нескольких самостоятельных членов. При каждом усложнении увеличивалась сфера охвата такого объединенного излучения, до тех пор, пока, в зените марсианской эволюции, целиком на всей планете (не считая еще остающихся животных и растительных представителей менее удачного вида жизни) временами не стало создаваться единое биологически и психологически живое существо. Но такое происходило, как правило, только когда следовало позаботиться о виде в целом. В большинстве случаев марсианский индивидуум представлял облако, как раз такое, какие сначала удивили Вторых Людей. Но в периоды больших всеобщих беспокойств каждое облако неожиданно пробуждалось от нетерпения отыскать для себя разум всей расы, как бы желая ощутить множество своих собратьев, и изложить свои ощущения в свете жизненного опыта всей расы.

Поэтому жизнь, доминирующая на Марсе, напоминала нечто среднее между хорошо дисциплинированной армией специализированных единиц и телом, обладавшим единым разумом. Как армия, она могла принять любую форму без нарушения своего органического

строения; как армия, она временами напоминала толпу свободно блуждающих индивидуумов; однако в другие моменты она же выстраивала себя в особые порядки для выполнения особых функций. Как армия, она состояла из свободных, опытных индивидуумов, которые добровольно подчинялись дисциплине. С другой стороны, совсем не как армия, она неожиданно одушевлялась общим самосознанием.

Та же самая неустойчивость состояния, переходы между индивидуальностью и множеством, которая характеризовала расу в целом, была характерна и для каждого из самих облаков. Каждое временами было индивидуально, а временами тучей более примитивных индивидуумов. Но в то время как раса в целом редко впадала в единую индивидуальность, облака расставались с ней только при особых обстоятельствах. Каждое облако было организацией специализированных групп, сформированных из более мелких специализированных же групп, которые, в свою очередь, состояли из базовых специализированных множеств примитивных элементов. Каждая свободно передвигающаяся группа свободно передвигающихся единичных элементов составляла специальный орган, выполняющий некую особую функцию в целом объединении. При этом разные группы были специализированы для притягивания и отталкивания, для химических реакций, для накопления солнечной энергии, для излучения, для всасывания и хранения воды, для восприятия особых ощущений, таких как наличие механического давления и вибраций или изменений температуры или яркости света. Другие же, в свою очередь, были специализированы для исполнения функций, возложенных у человека на мозг, но, опять-таки, особым способом. Весь объем облака вибрировал от передачи бесчисленных «беспроводных» сообщений на самых разных длинах волн от различных «органов». В функцию «мозга» как раз и входило принимать, соотносить друг с другом и интерпретировать эти сообщения в свете прошлого опыта и инициировать реакции в виде соответствующих конкретным органам волн на их индивидуальном диапазоне.

И все эти жизненно важные элементы, за исключением нескольких типов, которые имели слишком высокую специализацию, обладали способностью к независимой жизни, как переносимые ветром бактерии или вирусы. И всякий раз, когда они теряли связь с излучением всей системы, они продолжали вести свою собственную примитивную жизнь до тех пор, пока снова не попадали под общий контроль. Все они были свободно перемещавшимися объектами, но обычно находились под влиянием системы электромагнитных полей «облака» и направлялись ею то туда, то сюда, сообразно предписанным им функциям. И под этим влиянием некоторые из них могли удерживаться в жестком положении относительно друг друга. Вот как, например, обстояло дело с органами зрения. На ранних стадиях эволюции некоторые элементарные организмы были специализированы на переносе мельчайших капель воды. Затем стали переноситься более крупные капли: миллионы первичных организмов удерживали между собой микроскопические частицы наиболее ценной для жизни жидкости. В конце концов эта функция была обращена на пользу зрения. Водяные линзы размером с коровий глаз поддерживались на «платформе» из множества элементов, в то время как на дистанции фокусного расстояния этих линз выстраивалась жесткая сетчатая оболочка из элементарных организмов, удерживаемых в определенной позиции. Таким образом, марсианин мог воспроизводить самые разные глаза, всякий раз, когда появлялась такая необходимость, а еще и телескопы, и микроскопы. Подобное воспроизводство и манипуляция органами зрения были в значительной степени подсознательными, как и работа фокусирующего механизма у человека. Но в итоге марсиане существенно увеличили возможности сознательного управления физиологическими процессами, и достижения их привели к удивительным оптическим триумфам.

Необходимо отметить еще одну физиологическую функцию, прежде чем переходить к обсуждению марсианской психологии. Полностью развитый, но, однако, так и не создавший цивилизации типичный марсианин уже давно перестал зависеть от потребления химических веществ из окружающей его вулканической пыли. Он отдыхал ночью на грунте, подобно плот-

ному, высотой до колен человека туману, заполнявшему земные долины, и выпускал в почву, словно корешки, специальные группы элементарных организмов. И часть дня он проводил точно таким же образом. Немного позже этот процесс был дополнен поглощением стелющихся по земле представителей растительной жизни. На пике развития своей цивилизации марсиане значительно улучшили способы эксплуатации грунта и солнечного света, при помощи как механических средств, так и искусственной специализации своих собственных органов. Но даже в этом случае, как только усилилась их активность, эти медленно текущие растительные функции стали для них серьезной проблемой. Они занялись сельским хозяйством, но для этого подходил лишь очень небольшой участок засушливой планеты. Именно земная вода и земная растительность – вот что в итоге заставило их предпринять столь дальнее путешествие.

3. Марсианский разум

Марсианский разум по своему типу очень сильно отличался от земного, однако их основа была одинакова. В таком странном теле разум неминуемо должен был быть наделен чуждыми пристрастиями и желаниями и чуждыми способами восприятия окружающей обстановки. И с этой совсем иной историей он был опутан предрассудками, очень не похожими на те, что существовали в сознании человека. Однако это был никак не менее сложный мозг, занятый в конечном счете сохранением и развитием жизни, а также поддержанием жизненно важных способностей. В своей основе марсианин был таким же, как и другие живые существа, в том, что касалось свободного функционирования его тела и разума. Однако если судить внешне, то он отличался от человека как телом, так и разумом.

Наиболее существенной отличительной чертой марсианина по сравнению с человеком являлось то, что его индивидуальность была значительно сильнее склонна к изоляции и в то же самое время была несоизмеримо больше способна к прямому участию в деятельности разумов других особей. Человеческий мозг в жестко очерченном теле поддерживал единство органов и свое верховодство над ними при всех нормальных обстоятельствах. И только при болезни человек был подвержен умственному или физическому расстройству. С другой стороны, он был неспособен к прямому контакту с другими людьми, как было совершенно невозможно и возникновение «супермозга» в группе человеческих индивидуумов. Летучий же, как «облако», марсианин хотя и распадался на части физически, а также и ментально, был куда проще организован, чем человек, но мог точно так же в любой момент стать осмысленным разумом всей своей расы, мог ощущать с помощью органов чувств всех других индивидуумов, а также порождать связанные с переживаниями мысли и желания, которые были, так сказать, результирующей всех индивидуальных мыслей и желаний, соединившихся на объекте общего интереса. Но, к несчастью, следует заметить, объединенный разум марсиан никогда не поднимался на более высокую ступень развития, чем разум любого отдельного индивидуума.

Эти различия между марсианской и человеческой психикой влекли за собой особые преимущества и недостатки. Марсианину, устойчивому к неисправимому людскому эгоизму и духовной изоляции от своих собратьев, не хватало ментальной связанности и последовательности, концентрированного внимания, широты анализа и синтеза, а еще жизнеутверждающего самосознания и самокритики, которых до некоторой степени добились даже Первые Люди в свои лучшие времена и которые Вторые Люди развили еще больше. Марсиане, более того, были под давлением необходимости быть почти одинаковыми по характеру. Они обладали совершенной гармонией – но только в ситуации, когда были почти в полностью органическом согласии. Их подобие друг другу мешало им. Им не хватало богатства разнообразия характеров, дающего человеческому духу возможность столь широко перекрывать возможный диапазон сознания. Это бесконечное разнообразие человеческой натуры поначалу вызывало, разумеется, бесконечные расточительные и жестокие столкновения личностей, и даже порой

затяжные у второй генерации людей; но это также и давало возможность каждой личности с развитым чувством взаимопонимания обогатить свой дух через соприкосновение с теми индивидуумами, чьи темперамент, мысли и идеалы отличались от его собственных. А поскольку марсиане были мало обеспокоены междоусобными спорами и ненавистью, то они были почти полностью лишены и любовных страстей. Индивидуум-марсианин мог восхищаться и быть крайне предан объекту своей привязанности; но его восхищение было предназначено не для конкретных и уникальных персон, выделенных из того же вида, что и он сам, а в лучшем случае неопределенно воображаемому «духу расы». Индивидуумов, подобных себе, он полагал лишь инструментами или органами «супермозга».

Это не было бы ошибкой, будь тот коллективный разум расы, который регулярно активизировался под влиянием общего излучения, разумом гораздо более высокого уровня, чем его собственный. Но этого не было. Было всего лишь объединение способности восприятия, мышления и желания подобных друг другу «облаков». Таким образом получалось, что грандиозная преданность марсиан безрассудно тратилась на то, что по своему качеству было не больше, чем они сами в ментальном измерении, но с увеличенной массой.

Марсианин, или «индивидуум-облако», подобно человеку-животному имел сложный набор природных инстинктов. Ночью и днем, в заведенном порядке, он был вынужден выполнять растительные функции по всасыванию химикалий из грунта и поглощению энергии от солнечных лучей. Воздух и воду он также с жадностью потреблял, хотя и поступал с ними, разумеется, на собственный манер. У него были свои характерные инстинктивные импульсы для передвижения собственного «тела», как при движении вперед, так и для управления. Марсианская цивилизация обеспечила и дополнительное применение для этих способностей, как в практике сельского хозяйства, так и в замысловатых и удивительно прекрасных танцах и гимнастике «облаков». Потому что эти идеально гибкие существа радовались при построении красивых воздушных фигур, образуя ритмично развевающиеся вымпелы, спирально переплетаясь друг с другом, собираясь в непрозрачные сферы, кубы, конусы и всевозможные фантастические переплетения. Многие из этих движений и форм имели глубокий эмоциональный смысл в отношении их жизненных процессов и исполнялись с религиозным пылом и серьезностью.

Марсианин имел также эмоции страха и неуживчивости. В отдаленном прошлом они бывали часто направлены против враждебных собратьев его же собственной породы; но поскольку раса стала объединенной, они находили выражение только по отношению к другим типам жизни и к неживой природе. Инстинктивная стадность была, разумеется, чрезвычайно развита у марсиан за счет инстинктивной самоуверенности. Сексуальность у марсианина отсутствовала; и у него не было партнеров при репродукции. Но его побуждение слиться и физически, и ментально с другими индивидуумами и оказаться в состоянии суперразума заключало в себе то, что служило характеристикой секса у человека. Родительские стремления – точнее, их некая разновидность – были ему знакомы; но их едва ли можно было так называть. Он стремился лишь выделить из своей системы избыток живой материи и поддерживать *гармонию* с новыми индивидуумами, сформированными таким способом, так же, как он обычно поступал с любым другим индивидуумом. Он знал не больше о человеческой привязанности к детям как потенциальным многообещающим личностям, чем о тонких и трудноуловимых взаимоотношениях мужских и женских характеров. Однако ко времени первого вторжения репродукция была значительно ограничена, потому что планета была полностью заселена, а каждый «индивидуум-облако» был потенциально бессмертен. Среди марсиан не было понятия «естественной смерти», не было и спонтанной смерти от старости. Обычно входящие в облако элементарные организмы восстанавливали себя репродукцией своих составных частей. Конечно, болезни существовали, и часто они бывали фатальными. Главной среди них была чума, соответствующая земному раку, при которой элементарные группы теряли свою чувствительность к излучению, так что продолжали жить как примитивные организмы и вос-

производиться без каких-либо ограничений. А поскольку они при этом неизбежно становились паразитами по отношению к не пораженным соединениям, то «облако» погибало.

Подобно высшим видам земных млекопитающих, марсиане имели сильно стимулирующую их любознательность. Кроме того, имея стремление к удовлетворению множества практических потребностей, как итогу развития их цивилизации, и будучи чрезвычайно хорошо оснащены природой для физических экспериментов и микроскопии, они достаточно далеко продвинулись в естественных науках. В физике, астрономии, химии и даже в биохимических процессах человек не смог бы научить их ничему новому.

Широкое собрание марсианских знаний потребовало для своего накопления многих тысячелетий. Все его стадии и его нынешние достижения были записаны на огромных свитках бумаги, сделанной из растительной ткани, и хранились в библиотеках, построенных из камня. Потому что марсиане, как ни странно, стали искусными каменщиками и покрыли большую часть своей планеты зданиями легкой ажурной конструкции, такими какие совершенно невозможно встретить на Земле. У них не было нужды в зданиях для жилья, за исключением арктических регионов; но как мастерские, зернохранилища и всякого вида склады, эти здания стали марсианам совершенно необходимы. Более того, эти чрезвычайно слабые существа находили особое удовольствие в обработке твердых веществ. Даже их самая утилитарная архитектура была украшена различными видами орнаментов и замысловатых рисунков, в виде готики или арабесок там, где изящество тонких линий казалось издевательством над твердой субстанцией камня.

Ко времени вторжения марсиане все еще продвигались в интеллектуальном развитии, и, разумеется, то, что они смогли покинуть свою планету, произошло благодаря достижениям в теоретической физике. Им было давно известно, что мельчайшие частицы на верхней границе их атмосферы на рассвете и на закате могут быть отнесены в космическое пространство давлением солнечных лучей. И со временем они придумали, как использовать это давление – по тому же принципу, как ветер используется при плавании под парусами. Они придумали, как, составляя из самих себя сверхмикроскопические единичные элементы, использовать для передвижения гравитационные поля Солнечной системы, по аналогии с тем, как киль и рулевая система судна позволяют управлять движением на воде. Таким образом, они оказались в состоянии проложить курс к Земле как армада сверхмикроскопических кораблей. Достигнув земного неба, они реформировали себя в виде облаков, проплыли через плотный воздух к горной вершине и слезли вниз, как пловец может спуститься по лестнице под воду.

Подобное достижение было связано с очень сложными расчетами и новыми открытиями в области химии, особенно важными для сохранения жизни при перелете и в условиях чужой планеты. Этого никогда бы не удалось сделать, если бы они не были существами с широкими и точными знаниями о природе физического мира. Но хотя марсиане так успешно продвинулись в «естественных науках», они чрезмерно отставали во всех тех областях, которые можно было бы назвать «духовными познаниями». Они имели очень скудное представление о собственном разуме и еще меньшее – о месте разума в космосе. Хотя они и были, в некотором смысле, высокоинтеллектуальными созданиями, у них при этом совершенно отсутствовал интерес к философии. Они едва осознали и еще менее энергично решали проблемы, с которыми весьма часто сталкивались даже Первые Люди – хотя так же безрезультатно. Для марсиан не было загадки в различии между реальным и кажущимся, или в отношениях единичного и множественного, или в состояниях добра и зла. Не бывало случая, чтобы они критиковали собственные идеи. Они были искренне устремлены к прогрессу марсианского сверхиндивидуума. Но, представляя собой сверхмикроскопические единичные элементы, они никогда серьезно не обдумывали, что должно составлять индивидуальность и ее прогресс. А такая идея, что они могут быть также в долгу и по отношению к существам, не входящим в марсианскую систему излучающих существ, оказывалась им недоступной. Потому что, хотя и очевидно, они были

весьма наивными и подверженными самообману, они не имели способности понять это и не имели для этого никакого желания.

4. Заблуждения марсиан

Чтобы понять, как марсиане впали в самообман и как, в конце концов, они были погублены собственным безумным желанием, надо бросить взгляд на их историю.

Цивилизованные марсиане образовали множество обособленных племен. Одно из этих племен в далеком прошлом конкурировало со многими другими племенами того же самого вида и даже уничтожало их. При содействии общей перемены климата оно также истребило и почти все племена из фауны, в значительной степени напоминавшей земную, и таким образом сильно сократило растительность, которая впоследствии должна была понадобиться этим существам и оберегаться ими с особой тщательностью. Такая победа этого племени произошла отчасти благодаря его гибкости и разумности, отчасти благодаря удивительной и напористой ярости, отчасти благодаря такой способности испускать и улавливать излучение, которая позволяла ему действовать с координацией, невозможной даже и для наиболее стадных животных. Но, как было и с другими племенами в биологической истории, способность, с помощью которой оно обрело триумф, со временем стала источником его слабости. Когда племя достигло стадии, соответствующей первобытной человеческой культуре, одна из его рас, добившаяся еще большей степени радиоволновой связи и физического единства, оказалась способной вести себя как отдельная живая единица – и благодаря этому преуспела в уничтожении всех своих соперников. Расовый конфликт упорно продолжался многие тысячи лет, но как только привилегированная раса развила вот такое, почти абсолютное, совпадение желаний, его победа была окончательно утверждена восторженным истреблением врага.

Но даже после этого марсиане страдали от психологических эффектов их победы на исходе эпохи расовых войн. Та чрезмерная жестокость, с которой были уничтожены другие расы, входила в конфликт с благородными порывами, старательно прививаемыми цивилизацией, и оставила шрам на сознании победителей. При самозащите они старались убедить себя в том, что поскольку они значительно превосходили остальных, то уничтожение «низших» было почти священным долгом. И их уникальная ценность, уверяли они, состояла в их уникальной способности к манипуляции с излучением. С этого момента возникла прискорбная лицемерная традиция и культура, которые окончательно разрушили это племя. Марсиане долгое время верили, что физической основой сознания обязательно должна быть система элементарных организмов, непосредственно чувствительная к «неземным», эфирным вибрациям, и что организмы, зависящие от физического контакта их частей, были слишком большими и грубыми, чтобы вообще обладать каким-то опытом. После эпохи расового истребления они попытались убедить себя, что совершенство или этическое богатство любого организма зависит от степени сложности и единства его излучения. Век за веком они усиливали свою веру в эту вульгарную доктрину и развивали к тому же еще и систему совершенно нелепых заблуждений и иллюзий, построенных на абсурдной и необузданной страсти к излучению.

Потребовалось бы слишком долго рассказывать обо всех этих малозначащих фантазиях и искусных способах, с помощью которых все они были объединены в единое тело разумного знания. Но по крайней мере об одном факте следовало бы упомянуть, потому что он отчасти играл существенную роль в борьбе с человеком. Разумеется, марсианам было известно, что «твердая материя» была твердой благодаря силе взаимного сцепления мельчайших электромагнитных систем, называемых атомами. Поэтому теперь твердость для них имела почти тот же смысл и уважение, что и воздух, дыхание, душа имели для раннего человека. То, к чему более всего физически тяготели сами марсиане, имело квазитвердую форму, и поддержание этой формы было изнуряющим и трудным. Эти факты объединялись в марсианском сознании

со знаниями о том, что жесткость форм была, кроме всего, результатом взаимного сцепления электромагнитных систем. Таким образом, жесткость была наделена особой святостью. Это суеверие постепенно вылилось, благодаря нескольким многозначительным с точки зрения психологии случаям, в фанатичное восхищение всяким прочным материалом, но особенно твердыми кристаллами, а из них более всего – алмазами. Потому что алмазы были чрезвычайно прочны, и в то же время, как излагали это сами марсиане, алмазы были самыми восхитительными манипуляторами с эфирным излучением, называемым светом. Каждый кристалл алмаза был по этой причине высочайшим олицетворением возбужденной энергии и вечного равновесия космоса и должен быть глубоко почитаем. На Марсе все имевшиеся алмазы были выставлены на солнечный свет на остроконечных частях всех священных сооружений, и сама мысль, что на соседней планете могут быть алмазы, которые не имеют соответствующего почтения, была одним из мотивов вторжения.

Так марсианский ум, невольно сбивый с правильного пути развития, впал в расстройство и еще фанатичней стремился всего лишь к призракам своей цели. На ранних стадиях этого расстройства лишь излучение считалось непогрешимым *признаком* разумности, а весь комплекс излучения считался непогрешимым *критерием* меры ее разумности. Но потихоньку, постепенно различия в понятиях «излучение» и «интеллект» стали почти неуловимыми, и единение системы посредством радиоволн ошибочно стало считаться признаком наличия сознания.

Этой идеей марсиане напоминали нечто такое, чем были Первые Люди в течение периода дегенерации, когда были преданными самой идее движения; но при этом была и разница. Потому что разумная деятельность марсиан все еще была созидательной, хотя результаты ее подвергались суровому переосмыслению в плане «духа расы». Каждый марсианин был лицом двойной индивидуальности. Он иногда бывал не только личностью с обособленным сознанием или личностью с сознанием расы, но более того, даже как отдельная личность он был своеобразно отделен от себя. Хотя его практическая приверженность сверхиндивидуализму и была абсолютной, так что он осуждал или игнорировал все мысли и побуждения, которые не могли бы ассимилироваться с общественным сознанием, он фактически имел и такие мысли, и такие стимулы, хотя это и было в глубочайших тайниках его существа. Он очень редко замечал, что на самом деле имеет их, и всякий раз, когда замечал это, был потрясен и напуган; однако он имел их. Они порождали периодические, иногда почти регулярные, критические замечания в отношении его, считавшегося вполне непогрешимым, жизненного опыта.

В этом заключалась величайшая трагедия духа обитателей Марса. Марсиане во многих отношениях были чрезвычайно хорошо обеспечены всем необходимым для прогресса разума и для истинно духовного предприятия, но из-за насмешки судьбы, которая склонила их выше всего ценить единство и единообразие, они почти на каждом шагу ввергались в непрестанные противоречия со своим собственным мятущимся духом.

Весьма далекий от того, чтобы превосходить разум отдельного индивидуума, коллективный разум, который довлел над каждым марсианином, в большинстве случаев был значительно ниже разума этого индивидуума. Он начал доминировать в период кризиса, требовавшего суровой военной координации; и хотя со времен той далекой эпохи он совершил огромный интеллектуальный прогресс, все равно оставался в своей основе воинственным разумом. Его характер был чем-то, находящимся между образом мыслей фельдмаршала и бога древних иудеев. Известный английский философ однажды описал и прославил вымышленные корпоративные черты государства, назвав это сочинение «Левиафан». Марсианский «сверхчеловек» был Левиафан, наделенный сознанием. В этом сознании не было ничего, кроме того, что легко ассимилировалось и согласовывалось с традицией. Поэтому коллективный разум интеллектуально и культурно всегда отставал от нужд времени. Только в отношении практики социальной организации он продолжал держаться на одном уровне со своими собственными индивидуумами. Интеллектуальный прогресс всегда инициировался отдельными индивидуумами и

вторгался в общественное сознание только тогда, когда заметное количество индивидуумов попадало под личное влияние этих нескольких пионеров. Само коллективное сознание инициировало прогресс только в социальной и военной сферах и в сфере экономики.

Новые обстоятельства, с которыми они столкнулись на Земле, устроили разуму марсиан превосходное испытание. Потому что уникальное предприятие по захвату нового мира потребовало чрезмерных напряжений как коллективной, так и личной активности и таким образом привело к мучительным конфликтам с отдельными разумами самих индивидуумов. Потому что в то время, как все это предприятие было, по существу, коллективным, а к тому же и военным и требовало очень жесткой координации и единства действий, чрезвычайная новизна окружающей обстановки требовала активного участия всех индивидуальных сознаний. Более того, марсиане столкнулись на Земле со многим, что смешало все их базовые предположения. И в отдельные моменты прояснения своего индивидуального сознания они иногда осознавали этот факт.

Глава IX. Земля и Марс

1. Вторые Люди в тупике

Вот такими были существа, вторгшиеся на Землю, когда Вторые Люди собирались с силами для великого и смелого предприятия в области искусственной эволюции. Мотивы вторжения были как экономические, так и религиозные. Марсиане искали воду и растительную материю; но они к тому же затеяли «крестовый поход» с идеей «освободить» земные алмазы.

Земные условия были неблагоприятны для нападавших. Чрезмерная гравитация беспокоила их гораздо меньше, чем можно было бы ожидать. Только находясь в самых концентрированных формах, они ощущали ее гнетущее действие. Но более пагубным была плотность земной атмосферы, которая очень болезненно сжимала слабые составные частички живых облаков, мешая их жизненным процессам и тормозя все их движения. В своей родной атмосфере они с легкостью носились туда-сюда на весьма значительной скорости, но вязкий земной воздух затруднял их движения, как под водой затрудняются движения птичьих крыльев. Более того, благодаря своей чрезвычайной подъемной силе, когда были в состоянии отдельных облаков, они едва ли были способны опуститься ниже горных вершин. Избыток кислорода также был источником страданий: он приводил их в лихорадочное состояние, которое они с трудом преодолевали. Но еще более опасной была высокая влажность атмосферы, как благодаря своему разряжающему действию на магнитные свойства элементарных организмов, так и из-за сильных проливных дождей, воздействующих на физиологические процессы «облаков» и вымывавших на землю множество химических веществ из их состава.

Пришельцам также приходилось справляться и с паутиной передающих сообщения радиоволн, постоянно окутывавших планету и вступающих во взаимодействие с их собственными органическими системами излучения. До какой-то степени они были подготовлены к этому, но «радиолуч» столь близкого диапазона сбивал их с толку, путал и, наконец, направлял их мысли в определенную сторону, так что они спешно улетели на Марс, оставив множество своих элементов рассеянными в земной атмосфере.

Но армии пионеров (или отдельным составляющим ее индивидуумам – на протяжении всего путешествия оно управлялось объединенным сознанием) было много о чем рассказать дома. Как и ожидалось, на той планете существовала богатая растительность и еще было чрезмерное изобилие воды. Водились животные с плотным массивным телом, напоминавшие по типу фауну доисторического Марса, но в большинстве своем двуногие, прямоходящие. Эксперимент показал, что эти существа умирают, если их разорвать на куски, и что хотя сол-

нечные лучи вызывают реакцию в их зрительных органах, они не имеют непосредственной чувствительности к излучениям. Поэтому, безусловно, они лишены сознания. С другой стороны, земная атмосфера была постоянно наполнена «живым» излучением жесткого, некогерентного типа. И все еще не выяснено, были ли эти грубые эфирные излучения естественным явлением, не более чем небрежными проявлениями космического разума, или излучались каким-либо земным организмом. Но было основание предполагать, что имело место последнее и что эти обладавшие плотным телом организмы использовались каким-то скрытым земным разумом в качестве инструментов, потому что существовали построенные здания и сооружения, внутри которых находилось множество двуногих. А кроме того, неожиданно мощная концентрация излучения на поверхности «облаков-марсиан» подсказывала о враждебном его характере. После такого действия была предпринята карательная акция, и многие здания и двуногие были уничтожены. Физические основы такого рода земного разума еще следовало открыть. Он абсолютно отсутствовал у земных облаков, потому что они оказались нечувствительными к излучению. Так или иначе, вполне очевидно, что разум этот весьма низкого уровня, потому что его излучение было в очень слабой степени систематическим и, разумеется, очень несовершенным. В одном из зданий был найден один или два крошечных алмаза. Не было никаких признаков, что к ним относятся с надлежащим уважительным поклонением.

Со своей стороны земляне остались в полном недоумении от чрезвычайных событий этого дня. Некоторые в шутку предположили, что, поскольку эта странная субстанция вела себя крайне злопамятно, это, должно быть, живое и обладающее сознанием существо, но никто не принял такое предположение всерьез. Было, однако, ясно, что это существо рассеивалось под действием излучения. Это, по крайней мере, было очень важным элементом практического знания. Но теоретические знания о реальной природе облаков и их месте во вселенском порядке на данный момент полностью отсутствовали. И это обстоятельство сильно тревожило расу, обладавшую столь развитым познавательным интересом и блестящими научными достижениями. Казалось, что это сотрясает все основы глобальной системы знаний. Многие откровенно надеялись, несмотря на унесенные в первом вторжении жизни, что скоро представится новая возможность для изучения этих удивительных объектов, которые не являлись полностью газообразными и не были совсем твердыми, не были (судя по внешнему виду) органическими, однако были в состоянии вести себя таким образом, который давал повод предполагать наличие в них разума.

И возможность вскоре представилась.

Через несколько лет после первого вторжения марсиане появились вновь, и со значительно большими силами. Более того, на этот раз они были устойчивы к тому неприятному излучению, которым на них воздействовали люди. Действуя одновременно со всех горных массивов Земли, они начали иссушать крупнейшие реки у самых их истоков и, продвигаясь дальше по территории, заплотнили дикую местность и сельскохозяйственные земли, обдирая каждый лист. Они опустошали долину за долиной, будто бесконечные тучи саранчи, так что целые страны остались без зеленой былинки. Трофеи переправлялись на Марс. Мириады элементарных организмов, специализированных для транспортировки воды и пищевых продуктов, каждый из которых был нагружен несколькими частичками сокровищ, были отправлены на родную планету. Движение происходило бесконечно. Тем временем основное «тело» марсиан продолжало продвижение и грабеж. Они были неодолимы. Чтобы адсорбировать воду и листья, они распространялись по местности как неосязаемый туман, рассеять который человек был не в состоянии. А для разрушения цивилизации превращались в армии гигантских желеобразных облаков, гораздо больших, чем те ползучие твари, которые формировались при раннем вторжении. Города были разрушены и сровнены с землей, человеческие существа пережеваны и превращены в бесформенную массу. И тщетно пытался человек применять одно оружие за другим.

Вскоре марсиане открыли источники земного излучения в многочисленных передающих радиостанциях. Так вот где в конце концов находилась физическая основа земного разума! Но что за низкие существа! Что за пародия на жизнь! Безусловно, в отношении сложности и тонкости организации эти жалкие неподвижные системы из стекла, металла и растительных составляющих не могли быть сравнимы с марсианским облаком. Их единственным достоинством казалось то, что они поддерживали управление этими бессознательными двуногими, которые обслуживали их.

В ходе своих исследований марсиане также обнаружили некоторое количество алмазов. Новые племена людей освободились от варварского вожделения к драгоценностям, но они замечали красоту камней и ценность металлов и использовали их для украшения служебных помещений. К несчастью, марсиане при разграблении города натолкнулись на женщину, носившую между грудями большой алмаз – потому что она была мэром этого города и управляла эвакуацией. То, что священный камень использован таким образом, несомненно всего лишь для идентификации скота, шокировало нападавших еще больше, чем находка отдельных вкрапленных алмазов в некоторых режущих инструментах. И теперь войну начали вести со всем героизмом и жестокостью крестоносцев. Спустя много времени после того, как богатые трофеи из воды и растительной материи были надежно переправлены, после того, как земляне усовершенствовали оказавшиеся эффективными средства для атаки и перебили марсианские облака с помощью высоковольтных разрядов электричества в виде искусственных молний, введенные в заблуждение фанатики попытались спасти алмазы и потащили их на вершины гор, где спустя годы альпинисты обнаружили их, рассыпанные среди скал блестящими грудями, будто яйца морских птиц. Туда их перетаскивали, выбиваясь из последних сил, умирающие остатки марсианского воинства, рискуя своей жизнью ради того, чтобы алмазы были подняты в разреженный горный воздух и с достоинством уложены там, где им подобает! Когда Вторые Люди узнали об этом огромном складе алмазов, они начали всерьез склоняться к тому, что имели дело не с причудами физической природы, и даже не (как говорили некоторые) с сонмищами бактерий, а с организмами высшего порядка. Потому что как могли быть алмазы выбраны, освобождены от своих металлических оправ и так тщательно разложены между скал, если не с сознательной целью? Смертоносные облака должно были иметь хотя бы мелкий воровской интеллект галок, поскольку очевидно, что они были привлечены сокровищами. Но само действие, которое подтверждало наличие у них сознания, подсказывало и то, что они были развиты не более чем обладающие инстинктами животные. Однако теперь уже не было возможности исправить эту ошибку, так как все облака были уничтожены.

Борьба длилась лишь несколько месяцев. Материальный ущерб и ее воздействие на людей были достаточно серьезны, но непреодолимы. Ее прямой психологический эффект был сродни вдохновению. Вторые Люди долгое время были приучены к стабильности и процветанию, что было почти утопией. Неожиданно они были потрясены бедствием, которое, в понятиях их собственных систематических знаний, было совершенно непостижимым. Их предшественники в подобной ситуации вели бы себя согласно характерному только для них промежуточному положению между человеком и получеловеком. Они уняли бы лихорадку романтической преданности и исполнили множество самых разнообразных действий тайного самосохранения и явного самопожертвования. Они бы отыскивали выгоду в общем несчастье и были бы злы на тех, кто оказался более удачлив, чем они сами. Они проклинали бы своих богов и отправились бы на поиски богов более полезных. Но при этом, в самой непоследовательной манере, они изредка вели бы себя совершенно здраво и даже время от времени поднимались бы до стандартов Вторых Людей. Совершенно непривыкшие к крупномасштабным людским кровопролитиям, эти более развитые существа испытывали боль от жалости к своим собратьям. Но они не кричали о своем горе и едва ли замечали собственную благородную печаль, потому что были заняты работами по спасению. Неожиданно столкнувшись с необходимостью

чрезвычайной преданности и смелости, они бурно радовались этому и постигали дополнительное возвышение духа, когда опасность была уже рядом. Но им не приходило на ум, что они ведут себя героически, потому что они думали лишь о том, что ведут себя достаточно разумно, выражая общее ощущение. И если кто-то из них ошибался в трудную минуту, они не называли его трусом, а давали ему лекарство, чтобы привести его в чувство, или, если это не помогало, его отправляли к врачам. Без сомнения, среди Первых Людей подобное отношение не нашло бы одобрения, потому что те придавленные обстоятельствами существа не имели ясного и доминирующего взгляда на вещи, который поддерживал всех разумных членов человеческих племен второй генерации в постоянной преданности общему делу.

Прямой психологический эффект этого бедствия проявился в том, что оно предоставило этой весьма достойной расе целебное испытание для ее огромных резервов преданности и героизма. Однако помимо этого прямого оздоровления, первая мучительная боль и последовавшие за ней многие другие тяжелые последствия, целой вереницей, пагубно воздействовали на Вторых Людей, можно сказать, в плане духовном. Они уже давно были убеждены, что вселенная является таким местом, где невозможны не только личные, но и великие общественные трагедии; и их жизненная философия даже не пыталась скрывать этот факт. Личные трагедии они привыкли встречать скорее со смягченной душой и даже с экстазом от их восприятия – с таким, какого ранние племена добивались очень редко. Общая трагедия, даже общемировая, по их убеждению, должна была быть встречена с таким же душевным настроем. Но знать о мировой трагедии абстрактно – совсем не то же, что познакомиться с ней напрямую. И вот теперь Вторые Люди, в то время, когда они со всей серьезностью направили все свое внимание на практические действия по самозащите, были вынуждены впитать эту трагедию в самые глубины собственного существа, критически и бесстрашно изучить ее, смакуя и переваривая, чтобы ее жестокий импульс впредь непременно добавился бы им. Поэтому они не проклинали своих богов и не умоляли их. Они обращались к самим себе: «Вот так, вот так, вот так устроен мир. Глядя в бездну, следует не забывать про небеса и нужно восхвалять и то, и другое».

Но их обучение и познание мира только что началось. Пришельцы с Марса были все уничтожены, но их элементарные организмы оказались рассеяны по всей планете как смертельная микроскопическая пыль. Потому что, если бы они были составными частями живого облака, они могли бы проникать в тело человека, не причиняя заметного вреда, теперь же, из-за того, что они оказались свободными от своих функций внутри высшей организованной системы, они превратились в хищные вирусы. Попадая при дыхании в легкие, они очень скоро адаптировались к новой среде обитания и приводили внутренние ткани в полное расстройство. Каждая клетка, в которую они попадали, уничтожала свою собственную структуру, как государство, которое враг успешно заразил смертельной пропагандой через посредство всего лишь горсточки агентов. Поэтому, хотя человек и оказался временным победителем над марсианским «сверхчеловеком», его собственные жизненные центры отравлялись и разрушались примитивными остатками его побежденного врага. Раса, чье телосложение способствовало созданию утопии, как и качественные характеристики ее тела, была сведена до уровня трусливых инвалидов. И во владение ей была предоставлена опустошенная планета. Потеря воды ощущалась не столь заметно, но уничтожение растительности во всех районах боевых действий породило на некоторое время мировой голод, какого Вторые Люди до того никогда не знали. И ткань материальной основы цивилизации была изорвана настолько, что на ее восстановление были потрачены многие десятилетия.

Но физическая катастрофа оказалась куда меньше психологической. Разумеется, проведенные исследования дали средства против этой инфекции, и через несколько лет строгой и тщательной «очистки» атмосфера и тело человека вновь стали незараженными. Но поколениям, получившим этот удар, уже никогда не удалось восстановить свои силы; их ткани были слишком сильно разъедены. Конечно, очень медленно и постепенно возникло новое поколе-

ние мужчин и женщин, но рождаемость была сильно снижена. Таким образом, теперь Земля была населена небольшим числом здоровых людей, возрастом ниже среднего, и очень большим числом рано состарившихся инвалидов. В течение многих лет эти калеки пытались проводить работу по обустройству мира, несмотря на собственную слабость, но постепенно они начали терять как работоспособность, так и ясность мышления. Потому что они быстро утрачивали жизненную хватку и впадали в затяжную дряхлость, которой Вторые Люди раньше никогда не страдали; и в то же самое время молодежь, вынужденная браться за работу, к которой была еще не готова, проявляла все признаки лени и халатности, в чем старшее поколение не было повинно. Но таков был общий стандарт менталитета у новых племен, что то, что могло рассматриваться как возможность для взаимных упреков, требовало бесподобного примера преданности человека своим лучшим идеалам. Получившие удар судьбы представители старшего поколения решили почти единогласно, что всякий раз, когда индивидуум из их поколения будет объявлен этим поколением выжившим из ума, он должен совершить самоубийство. Подрастающее поколение, отчасти из-за привязанности, отчасти из-за страха перед собственной несостоятельностью, поначалу было ярким противником такого подхода. «Наши старики, – как сказал кто-то из молодежи, – возможно, утратили силы и бодрость, но они все еще любимы нами и все еще мудры. Мы не отважимся продолжать начатое без них». Но старшие по-прежнему стояли на своем. Многие из подрастающего поколения были уже не юношами. И если прежде основной задачей было пережить экономический кризис, то сейчас следовало безжалостно обрубить все разложившиеся ткани. Поэтому это решение неуклонно выполнялось. Один за другим, как того требовали обстоятельства, пораженные выбирали «тихую аннигиляцию», оставляя скудное, неопытное, но жизнестойкое население, чтобы оно восстановило то, что было разрушено.

Прошло почти четыре столетия, а затем в небе вновь появились марсианские облака. И опять началось опустошение и убийство. И опять полная неудача двух типов разума постигнуть друг друга. И опять марсиане были разгромлены. И опять последовали легочная чума, низкая рождаемость, нездоровое население и волна благородных самоубийств.

Вновь и вновь появлялись они, с неравными интервалами, в течение пятидесяти тысяч лет. И в каждом случае вторжение марсиан было несокрушимо защищенным от любого оружия, использованного человечеством против них в прошлый раз. И таким образом постепенно люди начали осознавать, что враг не только инстинктивно жесток, но умственно развит. По этой причине они делали попытки войти в контакт с этим чуждым им разумом и делали пробные шаги для мирного соглашения. Но поскольку – а других возможностей не было – переговоры пытались осуществляться человеческими существами и поскольку марсиане всегда относились к человеческим существам как всего лишь к скоту на службе у земного разума, посланцы всегда либо игнорировались, либо уничтожались.

В период каждого вторжения марсиане придумывали, как переправить достаточно значительное количество воды на Марс. И всякий раз, так и неудовлетворенные своим материальным приобретением, они долгое время продолжали изыскивать возможности провести новую кампанию, пока человек не нашел способ преодолеть защиту нападавших; а затем они были разгромлены. Но после каждого вторжения способность людей к восстановлению слабела и становилась менее полноценной, в то время как Марс, несмотря на потерю большей части своего населения, в целом был усилен наличием дополнительной воды.

2. Крушение двух миров

Немногим больше чем через пятьдесят тысяч лет после своего первого появления марсиане обеспечили себе безопасное и надежное пребывание на плоскогорье Антарктики и быстро распространились по территории Австралии и Южной Африки. В течение многих веков они

продолжали владеть значительной частью земного пространства, занимаясь сельским хозяйством, изучая земные условия и затрачивая массу энергии на «освобождение» алмазов.

В течение значительного периода обитания здесь их менталитет чуть-чуть изменился; реальное земное существование теперь подтачивало их самодовольство и их единство. При некоторых исследованиях, проведенных марсианами, оказалось, что земные двуногие, хотя и нечувствительные к излучению, на самом деле были разумной частью планеты. Поначалу этот факт старательно обходилась стороной, но постепенно он привлек внимание всех «земных» марсиан. В то же время они начали понимать, что вся работа по исследованию земных условий и даже социального устройства их колонии зависела не только от коллективного разума, но и от разума отдельных индивидуумов, действовавших в соответствии с их личными способностями. Колонист-«сверхчеловек» был вдохновлен только походом за алмазами и попыткой уничтожить земное сознание, или излучение. Эти разные ранее непривычные интуитивные действия пробудили колонистов-марсиан от многовекового сна. Они увидели, что их добродетельный сверхспособный сверхорганизм был не более чем минимальный средний уровень их самих, связка атавистических фантазий и стремлений, соединенных в один разум и наделенных некоторой житейской сметкой. Быстрое и ошеломляющее духовное возрождение охватило всю марсианскую колонию, базовое положение которого заключалось в том, что главная ценность марсианских племен заключалась не в излучении, а в разумности. Эти две совершенно различные вещи были спутаны и даже отождествлены еще на заре марсианской цивилизации. И, наконец, они были абсолютно четко обособлены. С этого момента началось неловкое, но искреннее изучение разума, и даже были проведены различия между низкой и высокой умственной деятельностью.

Нечего и говорить, куда мог завести такого рода ренессанс, следуя он своим курсом. Возможно, со временем марсиане смогли бы увидеть ценность и в других умах, а не только у марсиан. Но такой скачок пока был за пределами их возможностей. Хотя они теперь и понимали, что люди-животные были рассудительны и умны, они испытывали к ним, разумеется, не симпатию, а скорее усиливающуюся враждебность. Они все еще испытывали преданность всей марсианской расе, или братству, просто потому, что это было ощущение одного тела и, разумеется, осязание одного разума. И они были озабочены не тем, чтобы упразднить, а, наоборот, воссоздать коллективный разум колонии и даже коллективный разум самого Марса.

Но коллективный разум колонии все еще довлел над ними, особенно в их наиболее сонные периоды, и фактически отправлял тех, кто, по его мнению, в своих частных фазах развития стал революционером, назад, на Марс, оказывая таким образом помощь в борьбе против «революционных движений». А планета-дом была совершенно нетронута новыми идеями. Ее население со всей преданностью было занято попытками привести колонистов «в себя». Но тщетно. Коллективный разум колонии сам с течением веков перестроил свой характер, пока не стал в значительной степени чужд марсианской ортодоксии. Вскоре, разумеется, он начал подвергаться очень странным и весьма кардинальным превращениям, из которых, вероятно, он мог бы выйти величайшим обитателем Солнечной системы. И так постепенно он впадал в разновидность гипнотического транса. То есть, проще говоря, он прекратил владеть вниманием своих отдельных членов, однако оставался объединением их полусознательных или оставленных без внимания разумов. Излучающее единство колонии было управляемым, но только вот таким подсознательным образом, и оно проникало до такой глубины, что глобальные перемены начали воплощаться в обогащение влиянием новых идей, которые, так сказать, были выработаны в процессе потрясения от произошедшей в сознании мыслительной революции и продолжали распространяться дальше в океаническую глубину подсознательного. Такое состояние было подходящим, чтобы со временем произвести появление качественно нового и более богатого разума и разбудить, наконец, к полному сознанию «сверхчеловека» гораздо более высокого порядка, чем его собственные члены. Но пока что этот транс общественного

сознания делал колонию неспособной на подобный скачок и скоординированные действия, которые были самым удачным даром марсианской жизни. Коллективный разум их родной планеты очень легко уничтожил своих негармонирующих с ним отпрысков и занялся вопросом смены земной колонии.

В течение последующих трехсот тысячелетий этот процесс повторялся несколько раз. Неизменившиеся и очень эффективные сверхорганизмы Марса искоренили собственную поросль на Земле прежде, чем она смогла вылупиться из кокона, но и сами оказались поражены тем же самым. И эта трагедия могла бы повторяться неограниченно, если бы не некоторые перемены, произошедшие в человечестве.

Первые несколько сотен лет после основания марсианской колонии были потрачены на непрерывную войну. Но наконец, при значительно сократившихся ресурсах, Вторые Люди примирились с тем фактом, что должны жить в одном мире с их таинственным врагом. Более того, постоянное наблюдение за марсианами помогло восстановить утраченную было самоуверенность людей. За пятьдесят тысяч лет до того, как была основана марсианская колония, мнение человека о себе было подорвано. Когда-то он был приучен относиться к себе как к наименее способному сыну Солнца. Затем огромного значения новый феномен повредил его ум. Очень медленно он узнал, что находится в тисках решительного и действенного конкурента и что этот конкурент как град свалился на него с незначительной, на его взгляд, планеты. И так же медленно он был вынужден признать, что он сам оказался побитой и превзойденной расой, сама психика которой непонятна человеку. Но после того как марсиане основали постоянную колонию, люди-ученые начали узнавать настоящую психологическую природу марсианского организма и были успокоены, узнав, что она не делает абсурда из человеческой науки. Человек узнал и то, что марсиане, хотя и очень способные в некоторых областях, имели не слишком высокое умственное развитие. Эти открытия восстановили утраченную человеком веру в собственные возможности. Человек вознамерился сделать все возможное в этой ситуации. Были разработаны непреодолимые барьеры электрических напряжений высоких энергий для того, чтобы удерживать марсиан вдали от занимаемых людьми территорий, и люди начали терпеливо восстанавливать свои разрушенные дома, насколько могли. Сначала была легкая передышка от энергичных «крестовых» походов марсиан, но в следующем тысячелетии они вообще прекратились, и обе расы оставили друг друга в покое, за исключением отдельных всплесков марсианской страсти. Человеческая цивилизация в конце концов восстановилась и упрочилась, хотя и на значительно меньшем уровне. В очередной раз, хотя и с перерывами время от времени на десятилетия агонии, человеческие существа жили в мире и относительном процветании. Жизнь была в некоторой степени тяжелее, чем прежде, и физические данные этой расы были заметно хуже, чем раньше, но мужчины и женщины все еще могли наслаждаться условиями, которым позавидовало бы большинство наций ранних племен. Наконец-то закончилась эпоха непрерывной личной жертвенности ради служения разоренному сообществу. В очередной раз вперед выдвинулось удивительное разнообразие свободных личностей. В очередной раз умы мужчин и женщин были целиком, без каких-либо препятствий, отданы наслаждению квалифицированным трудом и всем тонкостям взаимного общения. Вновь у кого-то из собратьев возникал страстный интерес, который столько лет заставляли молчать под давлением всеобщего бедствия, и раздвигал границы разума. Вновь появлялась музыка, танцы, веселье и интерес к «золотому» прошлому. В очередной раз возникало богатство литературы и изобразительных искусств. В очередной раз начиналось интеллектуальное исследование природы физического мира и потенциальных возможностей разума. И вновь религиозный опыт, который так долго огрублялся, затемнялся и запутывался всеми яростными разрушениями и неизбежным самобманом войны, словно очищался под влиянием пробудившейся культуры.

При таких обстоятельствах ранние и менее впечатлительные племена могли бы просто беспредельно процветать. Но не так обстояло дело со Вторыми Людьми. Потому что их исклю-

чительная утонченность сделала их неспособными удержаться в стороне от пронизывающей всё предубежденности в том, что, несмотря на все их процветание, они были ущемлены. Хотя внешне казалось, что они совершили медленное, но героическое возрождение, они в то же самое время страдали от еще более медленного и куда более глубокого душевного кризиса. Поколение сменяло поколение. Общество становилось более совершенным в пределах своей территории и материальных богатств. Возможности личности были развиты с чрезмерной тонкостью и размахом. И в конце концов раса вновь вернулась к своему старинному проекту перестройки природы человека на очень высоком уровне. Но, так или иначе, для такой работы больше не было ни смелости духа, ни чувства собственного достоинства. И поэтому, хотя и было много разговоров, ничего не было сделано. Век следовал за веком, но человечество внешне оставалось все тем же. Как ветка, которая надломлена, но не оторвана, человек пытался сохранить свою жизнь и культуру, но не мог развиваться.

В нескольких словах почти невозможно описать едва уловимый душевный недуг, подтачивавший Вторых Людей. Было бы отчасти верным сказать, что они страдали от комплекса неполноценности, но это было обманчивой вульгаризацией правды. Сказать, что они утратили веру, как в себя, так и во вселенную, было бы почти тавтологией. Грубо говоря, беда их заключалась в том, что как вид они пытались совершить некий духовный подвиг, выходящий за пределы их все еще первобытной природы. Духовно они переросли себя, надорвав, если можно так выразиться, каждый мускул, и тем лишили себя возможности любых будущих попыток. Потому что им было предначертано видеть свою собственную расовую трагедию как явление красоты, и они снова и снова переживали свое поражение. Именно смутное ощущение этой катастрофы и отравляло их. Потому что, будучи во многих отношениях очень совершенными племенами, они не могли просто так отвернуться от своих провалов и следовать старым жизненным путем с привычной живостью и тщательностью.

Во время ранних марсианских набегов духовные лидеры человечества проповедовали, что несчастье должно стать удобным случаем для обретения величайшего религиозного опыта. В то время как происходила смертельная борьба за спасение цивилизации, люди (по крайней мере так говорилось) должны были научиться не только стойко держаться, но и восхитаться даже самым жестоким исходом. «Вот так, вот так устроен мир. Глядя в бездну, следует не забывать про небеса и нужно восхвалять и то, и другое». И все население принимало этот совет. Поначалу им казалось, что они преуспели. Появилось множество замечательных литературных метафор, которые, казалось, должны были выделить и развить, а может быть, даже и фактически воссоздать в человеческих душах этот высочайший опыт. Но время шло, а несчастья повторялись, и люди начали опасаться, что их праотцы сознательно обманывали себя. Те далекие поколения серьезно стремились ощутить трагедию расы как элемент космической красоты; и в конце концов они убедили себя, что именно такой опыт на самом деле и выпал на их долю. Но их потомки очень медленно подходили к пониманию того, что такой опыт никогда не существовал, и что такого никогда не происходило ни с одним человеком, и что нет такой космической красоты, которую требовалось бы еще исследовать. В такой ситуации Первые Люди, вероятнее всего, качнулись бы в сторону духовного нигилизма или какого-нибудь весьма удобного религиозного мифа. Во всяком случае, они были слишком грубыми по своей природе, чтобы оказаться подверженными такой слабоуловимой угрозе. Но Вторые Люди были другими. Потому что они со всей отчетливостью осознавали, что столкнулись с высшей загадкой бытия. И таким образом, столетие за столетием, поколения безнадежно держались за надежду, что если только они продержаться еще немного, то озарение снизойдет и на них. И даже после того, как марсианская колония три раза устанавливалась и уничтожалась ортодоксами с Марса, высшей заботой человеческого вида оставалась вот эта религиозная загадка. Но позже, и весьма постепенно, они потеряли душу. Потому что от рождения в них было заложено, что или они сами слишком тупы по природе, чтобы постичь первичное

совершенство вещей (совершенство, в которое у них была веская причина верить рассудком, хотя они и не могли проверить это фактически), или человеческая раса слишком сознательно обманывала себя, и ход космических событий все же не имел сокровенного смысла, а был всего лишь ничего не значащим вздором.

Именно эта дилемма и отравила их. Будь они более крепкими и в свои лучшие времена, они могли бы найти душевные силы воспринять это и продолжить терпеливый разбор подобных очень реальных совершенствований, поскольку они все еще были способны к созиданию. Но они утратили жизненную силу, которая лишь одна способна осуществить подобные акты самоотречения. Все богатство личности, все запутанности личных взаимоотношений, вся путаница побудительных мотивов огромной общности людей, все искусство, все интеллектуальные исследования утратили свой интерес и остроту.

Удивительно, что чисто религиозное бедствие оказалось способно сокрушить их: казалось бы – всего лишь изъять в каждом теле взаимный восторг любовников, всего лишь забрать аромат пищи и протянуть тонкую вуаль между солнцем и солнечным берегом. Но индивидуумы этого племени, в отличие от своих предшественников, были так тесно взаимосвязаны, что ни одна из их функций не могла оставаться здоровой, пока высшие из них были нарушены. Более того, общий физический недостаток, наследие многовековой войны, проявился как рецидив тех умственных шатаний, что были характерны для ранних рас этого вида. Сам ужас перспективы расового безумия усиливал отклонение от разумного поведения. Постепенно вызванное шоком извращение желаний начало беспокоить их. Оргии мазохизма и садизма сменялись фазами экстравагантного и безмерного разгула. Акты преступлений против сообщества, до сих пор почти неизвестные, в конце концов вызвали необходимость в жесткой полицейской системе. Группы из разных местностей производили зверские нападения друг на друга. Обособились нации, а с ними появились и все страхи, вызванные национализмом.

Марсиане-колонисты, когда обнаружили людскую неорганизованность, приготовились, побуждаемые из планеты-дома, к очень серьезному наступлению. И так случилось, что колония как раз переживала фазу просвещенности, которые прежде всегда сопровождались карательными действиями со стороны Марса. Однако в этот раз многие индивидуумы на полном серьезе прониклись идеей поисков мира с людьми, предпочитая его войне. Но коллективный разум Марса, оскорбленный этим тяжким преступлением, попытался не допустить этого, иницируя новый «крестовый поход». Внутрилюдские разногласия предоставляли для этого все условия.

Первая же атака произвела удивительные перемены среди расы людей. Казалось, что безумие на какое-то время покинуло их. В течение нескольких недель национальные правительства отказались от своих суверенитетов в пользу центральной власти. Беспорядки, дебоши, различные извращения полностью исчезли. Предательство, карьеризм и коррупция, ставшие обычным явлением на многие века, неожиданно уступили место всеобщей и совершенной преданности общему делу.

Несомненно, что род человеческий в очередной раз пришел в себя. Повсеместно, несмотря на ужасы войны, наблюдалось радостное братание, граничащее с героизмом, порой рвущимся в одежды шута.

Война складывалась неблагоприятно для человека. Общее расположение духа переросло в холодную решимость. И все-таки вело к тому, что побеждали марсиане. Под влиянием огромных армий фанатиков, которые щедро вливались с планеты-дома, колонисты забыли свой временный пацифизм и принялись доказывать жесткостью свою преданность. В ответ человеческая раса отбросила здравый смысл и не сдержала неуправляемую страсть к разрушению. Именно в этот момент один бактериолог объявил, что он вывел вирус особой смертоносности и способности к распространению, которым возможно будет заразить врага, но ценой уничтожения и человеческой расы. Признаком безумия людского населения было то, что, когда эти

факты были объявлены и переданы по радио, не возникло никаких дискуссий относительно желательности использования этого оружия. Оно было немедленно приведено в действие, а вся человеческая раса рукоплескала.

Через три месяца марсианская колония полностью исчезла, сама их планета-дом тоже получила инфекцию, и ее население тоже осознало, что спасти их уже ничто не может. Телосложение человека было устойчивее по сравнению с живыми «облаками», и он, казалось, морально смирился с мыслью об отчасти более медленной смерти. Он не делал никаких попыток спасти себя ни от болезни, которую сам и распространил, ни от легочной чумы, вызванной разложившейся субстанцией погибшей марсианской колонии. Все общественные процессы цивилизации начали рассыпаться, потому что сообщество было парализовано разочарованием и ожиданием смерти. Как улей, в котором нет матки, все население Земли впало в апатию. Мужчины и женщины не выходили из своих домов, бездельничали и ели только то, что могли раздобыть, долго спали по утрам, и когда в конце концов поднимались, равнодушно избегали друг друга. Веселиться еще могли только дети, но даже и они были подавлены унынием своих старших. Тем временем болезнь распространялась. Семья за семьей поражались болезнью и оставались без помощи соседей. Но физическая боль в теле каждого индивидуума была странным образом притуплена его собственным более мучительным страданием по поводу сокрушительного падения расы. Потому что таким уж было высокое развитие этого вида, что даже физические страдания не могли заставить его забыть об общем поражении расы. Никто не хотел спасать себя, и каждый знал, что и его соседи не желают его помощи. Только дети, когда болезнь сваливалась и их, впадали в агонию и ужас. Осторожно, однако без каких-либо эмоций, старшие обычно проводжали их к последнему сну. Тем временем непогребенные мертвые распространяли гниение среди умирающих. Города погрузились в тишину и покой. Хлеб оставался несжатым.

3. Третий Век Тьмы

Такой заразной и такой смертельной была новая бактерия, что ее создатели ожидали, что человеческая раса будет полностью стерта с лица Земли, как и марсианская колония. Каждый умирающий остаток человечества, изолированный от своих братьев отказом систем связи, воображал, что его последние моменты жизни были концом человека. Но случайно, можно даже сказать – каким-то чудом, искра человеческой жизни сохранилась в очередной раз, чтобы передать дальше священный огонь. Определенный род или племя этой расы, случайным образом рассеянное по континентам, показало гораздо меньшую восприимчивость к болезни, чем большинство. И поскольку бактерии были менее жизнеспособны в жарком климате, некоторое число этих привилегированных индивидуумов, которым случилось быть в тропических джунглях, спаслись от инфекции. И это незначительное меньшинство спаслось и от легочной чумы, которая, как обычно, распространялась от мертвых марсиан.

Можно было бы ожидать, что очень скоро из этого небольшого зародыша человечества возникнет новое цивилизованное сообщество. С такими удивительными существами, какими были Вторые Люди, непременно нескольких поколений или в крайнем случае нескольких тысячелетий должно было бы хватить на то, чтобы возродить погибшую Землю.

Но нет. В очередной раз, в некотором смысле, именно само совершенство человека как вида препятствовало его возрождению и отбросило общее развитие Земли в такой упадок, который длился куда дольше, чем весь предыдущий путь млекопитающих. Вновь и вновь, почти тридцать миллионов лет, люди рождались и умирали, нисколько не развиваясь, и на всем этом отрезке времени человек оставался неизменным как в телесном, так и в духовном смысле, словно утконос. Представители ранних человеческих племен, должно быть, посчитали бы труднообъяснимым такое затянувшееся бессилие расы, куда более развитой, чем они сами.

Потому что здесь, несомненно, были обе необходимые составляющие прогрессирующей культуры, то есть богатство мировых ресурсов и незаурядная способность расы. Однако никакого развития не происходило.

Когда последствия чумы и разложения огромного количества тел устранились, несколько изолированных групп из выживших людей обосновались в тропиках, ведя исключительно праздный образ жизни. Плоды прошлого просвещения не передавались молодежи, которая поэтому росла, почти не принимая ничего, что выходило за рамки сиюминутных интересов. В то же самое время старшее поколение запугивало молодежь смутными намеками на гибель расы и общую потерю смысла существования. Это не имело бы значения, будь молодежь нормальной: она бы реагировала на это с пылким оптимизмом. Но молодые и сами были, по природе своей, лишенными всякого энтузиазма. Потому что в племенах, где низшие функции были строго подчинены высшим, слишком затянувшаяся душевная травма на самом деле производила эффект уже на зародышевую плазму, так что эти индивидуумы были обречены на апатию еще до своего рождения, а также и на отсталость в развитии. Первые Люди, еще очень давно, впадали в разновидность расового одряхления от сочетания грубых ошибок и потворства собственным желаниям. Но новые племена, словно дети, чей разум сильно перегружен тяжелым опытом, жили с того времени как в полусне.

И по мере смены поколений все обретенные цивилизацией знания терялись и отбрасывались, за исключением обычных для тропиков занятий сельским хозяйством и охотой. Но это не означало, что началась умственная деградация. И что раса опускалась в варварство. Апатия не препятствовала ей подстраиваться к новым условиям. Эти люди вскоре отыскивали удобные способы изготовления, в домашних условиях и с помощью рук, многого, что когда-то, в прошлом, изготовлялось на фабриках с помощью механической энергии. Почти без особого умственного напряжения они придумывали и изготавливали весьма сносные инструменты из дерева, камня и кости. Но хотя и оставаясь все еще разумными, они стали по своему характеру бездеятельными и безразличными. Они заставляли себя прилагать усилия лишь под влиянием острой примитивной необходимости. Ни один из них, казалось, не был способен действовать с полной отдачей, свойственной человеку. Даже само страдание утратило свою остроту. И не было, казалось, ни одной цели, которую следовало бы реализовать как можно быстрее. Муки творчества исчезли из их повседневного опыта. Дух становился бесчувственным по отношению к любому стимулу. Мужчины и женщины работали и развлекались, любили и страдали, но всякий раз в состоянии рассеянной увлеченности. Это походило на то, будто они все еще пытались вспомнить что-то важное, что всегда ускользало от них. Занятия повседневной жизни казались им столь привычными, что над ними не следовало задумываться. Однако и другие чрезвычайно важные вещи, которые сами по себе заслуживали внимательного отношения, были столь неясными для них, что никто даже не представлял себе, что это такое. И, разумеется, не было никого, осознающего эту гипнотическую зависимость в большей мере, больше чем спящий осознает процесс сна.

Выполнялся лишь минимум необходимых работ и проявлялась даже некоторая смутная живость при этой работе, но не делалось ничего такого, что потребовало бы дополнительного труда, даже если это сулило выгоды. И, таким образом, когда приспособление к новым условиям окружающего мира завершилось, установилась полная стагнация. Практический разум был в состоянии легко справиться с медленно меняющимся окружением и даже с неожиданными естественными переменами, такими как потоп, землетрясение или эпидемия. Человек по-прежнему пребывал в положении хозяина мира, но он не имел никакого представления, что ему делать с этим положением. Казалось, что разумной целью жизни является провести как можно больше дней в безделье, лежа в тени. К несчастью, человеческие существа, несомненно, имели множество нужд, которые вызывали раздражение, если их не удовлетворять, потому и производилась большая часть тяжелой работы. Голод и жажда должны были быть удовлетво-

рены. В крайнем случае другие индивидуумы, преодолевая свою склонность к бездеятельности, проявляли заботу, поскольку человек все еще испытывал уважение и сентиментальное отношение к состоянию своей группы. Единственным совершенно рациональным поступком, как полагали, было бы общее самоубийство, но иррациональные побуждения делали это невозможным. Дарующие блаженство наркотики могли бы предложить временное ощущение рая. Но тогда, еще задолго до падения Вторых Людей, они были еще слишком благоразумны, чтобы забывать, что подобное блаженство перевешивается последующим страданием.

Бек за веком, эпоха за эпохой человек плавно двигался по этому казавшемуся ненадежным, однако на самом деле крепкому и устойчивому пути. Ничто из происходящего с ним не могло нарушить его значительное превосходство над живым и физическим миром природы, и ничто не могло вывести расу из ее сна. Медленно меняющиеся климатические условия создавали пустыни, джунгли и колышущиеся, как облака, покрытые травой долины. Когда прошедшие годы исчислялись уже миллионами, обычные геологические процессы, особенно обостренные колоссальными напряжениями при смещении пластов после катастрофы в Патагонии, перестроили поверхность планеты. Континенты погружались в воду и поднимались над ее поверхностью, и вскоре очень мало осталось от их прежней старой конфигурации. И наряду с этими геологическими изменениями произошли изменения и в фауне и флоре. Бактерии, почти уничтожившие людей, произвели также опустошение и среди других млекопитающих. В очередной раз планета восполняла свое население, и на этот раз за счет нескольких сохранившихся тропических видов. В очередной раз произошла всеобщая перестройка старых типов, хотя она была менее революционна, чем та, что последовала за катастрофой в Патагонии. И поскольку человеческая раса оставалась самой мелкой по причине душевной усталости, преобладающими были другие виды. Особенно увеличились и разнообразили себя во множестве привычек и форм жвачные и крупные плотоядные животные.

Но наиболее удивительным из всех многочисленных биологических событий этого периода была история марсианских элементарных организмов, которые рассеялись по Земле из-за уничтожения марсианской колонии, а затем мучили и людей, и животных легочными болезнями. С течением веков некоторые виды млекопитающих так приспособились, что марсианский вирус стал не только безопасным, но и необходимым для их существования. Взаимоотношения, вначале бывшие отношениями паразита и хозяина, со временем превратились в настоящий симбиоз, кооперативное партнерство, в котором земные животные переняли кое-что из уникальных атрибутов исчезнувших марсианских организмов. Человеку уже давно следовало бы с завистью взглянуть на эти создания и в конце концов извлечь пользу из марсианского «вируса» для своего собственного обогащения.

Но тем временем за многие миллионы лет почти все виды животных изменились, за исключением Человека. Словно потерпевший кораблекрушение моряк, он лежал, истощенный и сонный, на своем плоту, хотя шторм уже давным-давно затих.

Но стагнация его не была полной. Очень незаметно он плыл по океанским потокам жизни, хотя и в направлении, весьма далеком от своего начального курса. Постепенно его привычки становились все более простыми, менее искусственными, более животными. Сельское хозяйство заглохло, поскольку больше не было необходимости устраивать роскошный сад там, где жил человек. Оружие для защиты и для охоты стало более подходящим для его весьма узких целей, но в то же время менее разнообразным и более стереотипным. Речь вообще исчезла, потому что не было ничего нового в его быте. Знакомые факты и знакомые эмоции выражались все чаще жестами, которые все больше становились самопроизвольными. Физически вид изменился мало. Хотя длительность естественной жизни и значительно сократилась, но это произошло скорее не из-за физиологических перемен, а благодаря слишком быстрому и фатальному росту рассеянности уже в среднем возрасте. Индивидуум постепенно переста-

вал реагировать на свое окружение, и потому даже если он избегал насильственной смерти, то умирал от голода.

Однако, несмотря на столь большие изменения, племена оставались, по существу, человеческими. У них не было содомии, как это бывало раньше у племен первобытных людей. Эти выжившие остатки новых человеческих племен были не зверьми, а всего лишь невинными, примитивнейшими детьми природы, превосходно приспособившимися к своей простой жизни. Во многих отношениях их состояние было идиллическим и завидным. Но их слабый разум был таков, что они не осознавали в полной мере даже свои собственные дела и еще меньше – те возвышенные стремления, что возбуждали и терзали их предков.

Глава X. Третьи Люди в диком мире

1. Третьи человеческие племена

Мы уже проследили за развитием человека на протяжении почти сорока миллионов лет. Весь же период, покрываемый этой хроникой, включает около двух тысяч миллионов. В этой главе, а также и в следующей мы совершим быстрый полет на большой высоте на расстояние во времени в три раза большее, чем то, которое мы рассматривали до сих пор. Это гигантское пространство – не голая пустыня, а континент, переполненный разнообразной жизнью и многими следующими одна за другой и весьма несходными цивилизациями. Мириады человеческих существ, населяющих его, значительно превосходят по численности Первых и Вторых Людей, вместе взятых. И содержимое каждой из этих жизней – вселенная человеческого опыта, богатого и горького, такого, как у любого читателя этой книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.